АВТОБИОГРАФИЯ
БЕАР
ГРИЛЛС
Грязь,
пот и слёзы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Известный британский путешественник, телеведущий и писатель Беар Гриллс рассказывает о том, как и почему умение выживать любой ценой стало его профессией. Еще в детстве он увлекся физкультурой, много и упорно тренировался, лазал по горам, висел на турнике, выдумывал способы сбежать из запертого помещения, выходил в море на маленькой парусной лодке и наслаждался ощущением опасности. Позже, повзрослев, Гриллс прошел суровые испытания отбора в САС (британский спецназ), а затем, после нескольких лет службы в нем, осуществил главную мечту своей жизни – восхождение на Эверест. Автор подробно описывает, как готовился к этому событию и какие трудности ему пришлось преодолеть в достижении своих целей.

- Беар Гриллс
  -
  - Пролог
  - Часть первая
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22

- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35

○ Часть вторая

-
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62
- Глава 63
- Глава 64

- Глава 65
- Часть третья
  -
  - Глава 66
  - Глава 67
  - Глава 68
  - Глава 69
  - Глава 70
  - Глава 71
  - Глава 72
  - Глава 73
  - Глава 74
  - Глава 75
  - Глава 76
  - Глава 77
  - Глава 78
  - Глава 79
  - Глава 80
  - Глава 81
  - Глава 82
  - Глава 83
  - Глава 84
  - Глава 85
  - Глава 86
  - Глава 87
  - Глава 88
- Часть четвертая
  -
  - Глава 89
  - Глава 90
  - Глава 91
  - Глава 92
  - Глава 93
  - Глава 94
  - Глава 95
  - Глава 96
  - Глава 97
  - Глава 98
  - Глава 99
  - Глава 100
  - Глава 101
  - Глава 102
  - Глава 103
  - Глава 104

- Часть пятая Начало
  -
  - Глава 105
  - Глава 106
  - Глава 107
  - Глава 108
  - Глава 109
  - Глава 110
- Эпилог

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Беар Гриллс
Грязь, пот и слезы

Маме – с благодарностью

Пролог

Мороз – минус двадцать градусов. Я растираю пальцы, но они все равно коченеют от холода. Сказывается давнишнее обморожение. Думаю, еще с Эвереста.

– Ты готов, дружище? – с улыбкой спрашивает оператор Саймон.

Он сам и вся аппаратура уже полностью готовы.

В ответ я тоже улыбаюсь, скрывая необычное волнение.

Внутренний голос о чем-то предупреждает.

Но я его не слушаю.

Пора приступать к работе.

Ребята говорят, что сегодня утром укутанные снегом Канадские Скалистые горы выглядят особенно потрясающе. Я это едва замечаю.

Сейчас самое время обратиться к моему сокровенному «я». Это лучшая часть моего существа – отсюда приходят способность к полной сосредоточенности, смелым решениям и скоординированным действиям, умение быстро оценить ситуацию и правильно отреагировать. Я знаю ее лучше всего, но обращаюсь к ней крайне редко.

Предпочитаю пользоваться ею экономно. Лишь в таких случаях, как сейчас.

Подо мной триста футов крутого склона изо льда и снега. Спуск очень крутой, но преодолимый.

Я неоднократно совершал стремительный спуск по отвесным кручам. «Поменьше апломба!» – говорит мне внутренний голос. Он всегда прав.

Последний глубокий вдох. Взгляд на Саймона. Молчаливый кивок в ответ.

Все как обычно, но я уже чувствую, что мы пересекли некую роковую черту. Однако ничего не предпринимаю.

Я отталкиваюсь и совершаю прыжок.

И мгновенно оказываюсь во власти бешеной скорости, увлекающей меня вниз. Обычно мне это нравится. На этот раз я нервничаю.

Прежде я никогда не нервничал в этот момент.

Меня тревожит какое-то предчувствие.

Вскоре я лечу вниз со скоростью больше сорока миль в час. Ледяной склон проносится мимо всего в нескольких дюймах от головы. Это мой мир!

Скорость стремительно нарастает. Приближается гребень

горы. Пора остановиться.

В мгновение ока я разворачиваюсь лицом к склону и вонзаю ледоруб в снег. В воздух взлетает облачко сверкающих кристаллов снега и льда. Налегая всем телом, я еще глубже вонзаю ледоруб в толстый слой слежавшегося снега и резко затормаживаю.

Все как всегда. Все тик-так. Полная уверенность. Редкостное ощущение абсолютной ясности сознания и спокойствия духа.

Но это состояние мимолетно, и вот оно покидает меня.

Я неподвижно лежу на снегу.

Вокруг безмолвный покой. И вдруг – как гром среди ясного неба!

Прямо мне в левое бедро на скорости больше сорока пяти миль в час врезается Саймон на своих тяжелых деревянных нартах и с цельнометаллической станиной кинокамеры. Мгновенный взрыв, в котором смешиваются острая боль, грохот и искристый сноп взрытого снега.

Как будто на меня налетел товарный состав. И меня сбрасывает с горы, как тряпичную куклу.

Время останавливается. Перед моим внутренним взором медленно проплывает вся моя жизнь.

И все же в эту долю секунды в голове мелькает мысль: «Отклонись сани хоть на один градус – и удар пришелся бы по голове». Наверняка эта мысль должна была стать моей последней.

Но я корчусь от боли.

И плачу. Это слезы облегчения и радости.

Я ранен, но жив!

Я вижу вертолет, но шума мотора не слышу. Затем больница. С тех пор как я начал сниматься для программы «Человек против дикой природы / Прирожденный выживатель: Беар Гриллс», мне пришлось побывать во многих больницах. Терпеть их не могу.

Стоит мне закрыть глаза, и все они встают в памяти.

Грязная, забрызганная кровью приемная неотложной помощи во Вьетнаме – это когда я отсек себе полпальца в джунглях. С больными там особо не церемонились.

Потом был обвал в горах на Юконе. Не говоря уже о камнепаде на Коста-Рике, когда с высоты рушились громадные валуны. Обрушение шахты в Монтане, столкновение с морским крокодилом в Австралии. А еще – огромный тигр, на спину которого я свалился на одном из островов Тихого океана, или укус ядовитой змеи на Борнео.

Несчетное число опасных ситуаций.

Каждую не упомнишь. Казалось бы, все плохо.

Но нет, все хорошо. Ведь я жив.

Это слишком хорошо, чтобы помнить о неприятностях. Такова уж жизнь.

Я улыбаюсь.

На следующий день я забываю о катастрофе. Для меня она осталась в прошлом. Всякое случается, и никто в этом не виноват.

Но урок запомнился.

Прислушивайся к инстинкту.

Я продолжаю жить.

– Эй, Сай, я в полном порядке. Но когда мы отсюда выберемся, с тебя бутылка «Пина колады». Да! И еще я пришлю тебе счета от эвакуаторов, доктора и физиотерапевта.

Он хлопает меня по руке. Я люблю этого парня.

Там, в Канадских Скалистых горах, с ним мы прожили часть жизни.

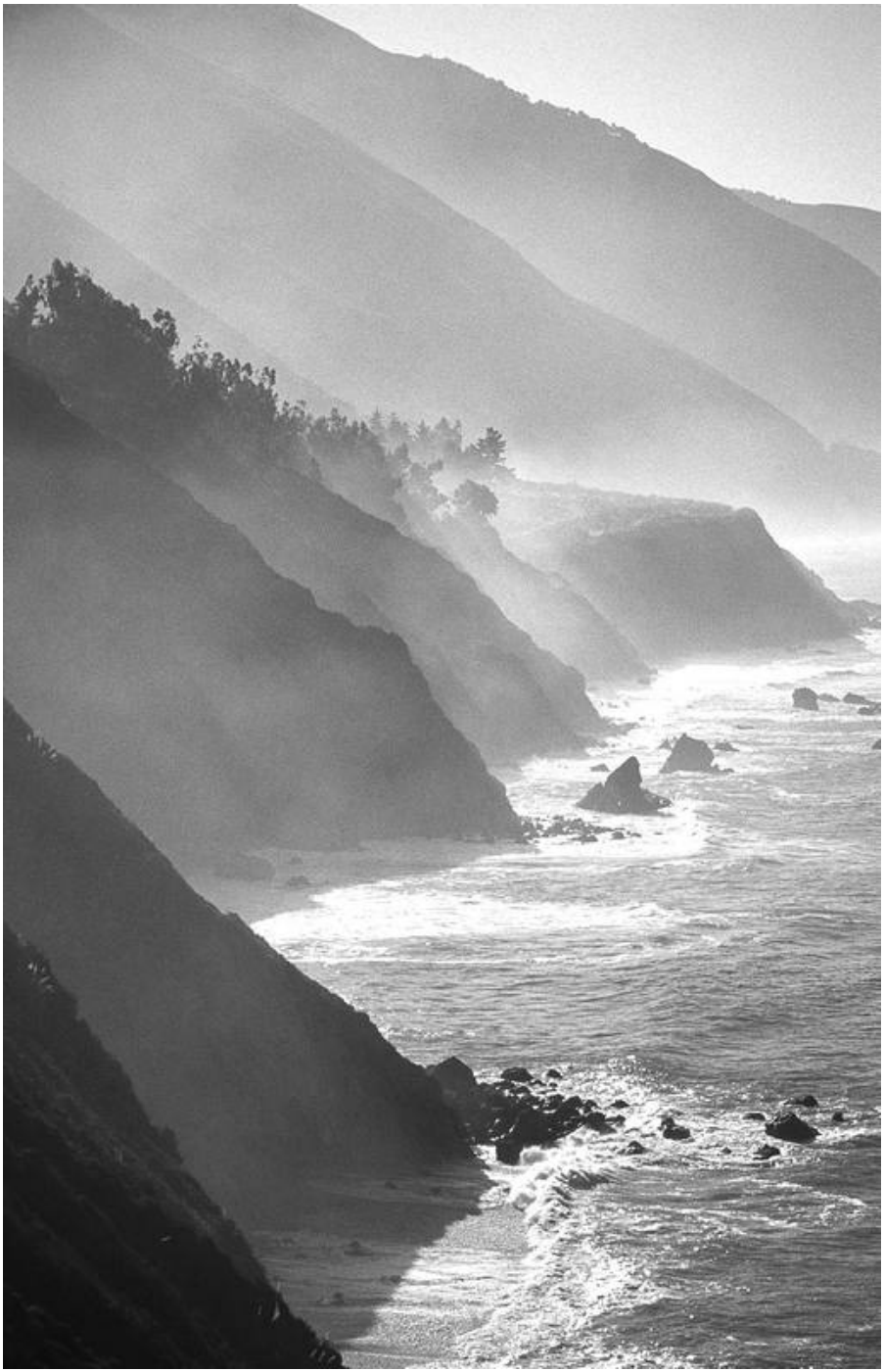
Я смотрю на пол: там валяются мой разодранный комбинезон, окровавленная куртка, разбитая миникамера и треснувшие защитные очки.

И я думаю: когда же это безумие стало моей жизнью?

Часть первая

Молодые слишком много знают,
чтобы быть осторожными,
и потому пытаются
совершить НЕВОЗМОЖНОЕ —
и поколение
за поколением
достигают в этом
УСПЕХА

Перл Бак[1]



Глава 1

У моего прадеда Уолтера Смайлса была одна заветная, страстная мечта. Стоя на берегу Северной Ирландии, которую он любил глубоко и преданно, вдыхая солоноватый морской воздух, он устремлял взор на виднеющийся вдали остров Копленд графства Даун. Он поклялся себе, что когда-нибудь начнет новую жизнь именно здесь, на мысу Портаво, на берегу этой дикой, продуваемой ветрами бухте.

Он мечтал нажить состояние, жениться на любимой девушке и построить для нее у маленькой бухточки дом, окна которого будут выходить на прекрасный берег Ирландии. Этой мечте суждено было определить всю его жизнь до самого конца.

Предки Уолтера были людьми скромного происхождения, но отличались необыкновенным трудолюбием, предприимчивостью, преданностью семье. В 1859 году его дед Самуэль Смайле написал оригинальное поучительное сочинение под названием «Помощь себе»[2]. Эта выдающаяся работа сразу стала бестселлером и пользовалась у читателей даже большей популярностью, чем вышедшая в том же году книга Чарлза Дарвина «Происхождение видов».

Книга Самуэля «Помощь себе» пропагандировала мысль, что в основе личного успеха лежат упорный труд и настойчивость. В Викторианскую эпоху, когда англичанин считал, что при наличии достаточной энергии и амбиций он сможет завоевать весь мир, эта книга вызвала живейший отклик. Она стала важнейшим руководством, вдохновляющим рядового человека на стремление к успеху. И главное, в ней утверждалось, что благородство человека определяется не его рождением, а поступками. Она открывала читателю простые секреты интересной, содержательной жизни и успеха.

> *Богатство и высокое положение не обязательно связаны с истинно джентльменскими качествами. Бедняк с большой душой во всех отношениях выше богача с бедной душой. Выражаясь словами святого Павла, первый, «не имея ничего, имеет все», тогда как второй, имея все, не имеет ничего. Настоящая нищета состоит только в нищете духа. Тот же, кто потерял все, но не утратил мужества, оптимизма, добродетели и чувства собственного достоинства, остается богатым.*

Для аристократического, пропитанного сословным духом общества Англии Викторианской эпохи это были революционные идеи. Желая разъяснить свою мысль (и, несомненно, мимоходом уколоть вскормленную веками аристократическую спесь), Самуэль снова подчеркивает, что звание джентльмена необходимо заработать: «Путь к величию не бывает легким».

Самуэль Смайле заканчивает свою книгу следующим трогательным рассказом о генерале, подлинном джентльмене.

> *Для джентльмена характерны самопожертвование и забота о других даже в мелочах… Мы можем привести пример доблестного сэра Ральфа Эберкромби. Когда он был смертельно ранен в сражении при Абукире, ему под голову подложили сложенное солдатское одеяло, отчего ему стало гораздо легче.*
>
> *Он спросил, что это.*
>
> *– Просто солдатское одеяло, – ответили ему.*
>
> *– Чье одеяло? – спросил генерал, с трудом приподняв голову.*
>
> *– Одного из солдат.*
>
> *– Я спрашиваю имя человека, кому принадлежит это одеяло.*
>
> *– Дункан Рой, из 42-го полка, сэр Ральф.*
>
> *– Тогда проследите, чтобы сегодня же вечером одеяло было у Дункана Роя.*

Даже ради облегчения своих предсмертных страданий генерал не пожелал, чтобы рядовой солдат хоть одну ночь провел без одеяла.

Как писал Самуэль: «Истинная храбрость и доброта идут рука об руку».

В семье вот с такими нравственными представлениями и рос мой прадед Уолтер, питая дерзкие надежды.

Глава 2

Во время Первой мировой войны прадедушка Уолтер неудержимо рвался в бой. Его отмечали как одного из тех «редких офицеров, которые находят полное удовлетворение лишь в активных действиях».

Он получил аттестат летчика-пилота, но, поняв, что из-за недостатка самолетов вряд ли ему придется летать, перевелся младшим лейтенантом в морской королевский дивизион бронемашин – недавно созданное Уинстоном Черчиллем специальное военное подразделение.

В отличие от британских офицеров, брошенных на Западный фронт, где они долгие месяцы прозябали в окопах, он побывал почти на всех фронтах, и здесь был в своей стихии. Командир Уолтера сообщал в официальном донесении: «Стоит отметить неунывающую бодрость, с какой лейтенант Смайле относится к опасности и различным трудностям».

Затем он был откомандирован в русскую царскую армию для участия в борьбе против турок на Кавказском фронте. Здесь Уолтера начали быстро повышать в звании: в 1915-м – лейтенант, в 1917-м – капитан-лейтенант ив 1918-м – капитан. За это время он получил несколько наград, среди них орден «За выдающиеся заслуги» (1916) и нарукавная нашивка за службу вне метрополии (1917), а также русские и румынские награды. В 1919 году он был упомянут в приказе, опубликованном в печати.

В представлении к первому ордену говорится: «28 ноября 1916 года он был ранен в Добрудже. Выйдя из госпиталя, добровольно возглавил эскадрилью, отправленную на специальное задание в районе Браилы, главным фактором успешного выполнения которого стала его личная храбрость».

Однажды во время боя ему пришлось дважды вылезать из своего легкого броневика под густой огонь противника, чтобы завести заглохнувший мотор. Получив ранение, он скатился в траншею, где и провел весь день под бомбежкой. Несмотря на ранение, Уолтер уже через сутки вернулся в свое подразделение, горя желанием ринуться в бой. Вскоре он снова вывел свой броневик на поле сражения. Уолтер показал себя стойким и отчаянно храбрым солдатом.

В статье, опубликованной в 1917 году в «Русском журнале», говорится, что Уолтер был офицером редкой отваги и прекрасным товарищем. Русский командир писал командиру Уолтера: «Беспримерное мужество и отвага капитан-лейтенанта Смайлса вписали блестящую страницу в историю Британских вооруженных

сил и позволяют мне просить для него высокой награды, а именно – ордена Святого Георгия IV степени». В то время этот орден был высочайшей наградой за храбрость, которой русские отмечали офицеров.

Откровенно говоря, в детстве я думал, что мой прадед с его именем Уолтер должен быть очень суровым и серьезным. Но, покопавшись в документах, я обнаружил, что на самом деле он был невероятно отчаянным и обаятельным человеком. Еще мне очень понравилось, что на семейных фотографиях Уолтер чрезвычайно похож на Джесса, моего старшего сына. Это сходство всегда вызывает у меня довольную улыбку. Приятно, когда твой сын похож на такого незаурядного человека! Награды Уолтера украшают стены нашего дома, но я никогда до конца не понимал, каким он был храбрецом.

После войны Уолтер вернулся в Индию, где работал раньше. Его запомнили как хозяина, который «дружелюбно обращался с местными рабочими на принадлежащей ему чайной плантации и проявлял глубокое сочувствие к борьбе людей «низших каст» за свои права». В 1930 году его произвели в рыцари, и он стал называться сэр Уолтер Смайле.

Возвращаясь в Англию на пароходе, Уолтер встретил свою будущую жену Маргарет. Маргарет была красивой и смелой женщиной средних лет, очень независимой по натуре: она увлекалась игрой в бридж и в поло, терпеть не могла людей мелких и ограниченных. Сидя со стаканом джина и тоника на палубе транспортного корабля за игрой в карты, она меньше всего думала о любви. Но так случилось, что во время игры она познакомилась с Уолтером. Любовь часто приходит совершенно неожиданно и круто меняет твою жизнь.

Вскоре после приезда в Англию они поженились, и, несмотря на «зрелый» возраст, через некоторое время Маргарет, к своему ужасу, забеременела. Для леди, перешагнувшей рубеж в сорок лет, рожать было просто неприлично, во всяком случае так считала она и старалась всеми силами прервать беременность.

Моя бабушка Пэтси (тот самый ребенок, которого вынашивала Маргарет) рассказывала, что ее мать немедленно принялась делать три вещи, полностью противопоказанные при беременности. Оседлав коня, она пускалась в бешеную скачку, после чего, выпив пол бутылки джина, часами парилась в ванне с очень горячей водой.

Эти меры не помогли (хвала Господу!), и в апреле 1921 года у Уолтера и Маргарет родился их единственный ребенок – девочка Патриция (или Пэтси), моя бабушка.

Вернувшись из Индии в Северную Ирландию, Уолтер наконец осуществил свою давнюю мечту. Он построил для Маргарет дом на том самом мысу в графстве Даун, где эта мечта и зародилась.

Одаренный истинно дипломатическим чутьем и острым умом, он увлекся политической деятельностью и позднее был избран делегатом парламента Северной Ирландии от графства Даун, входящего в состав провинции Ольстер, где он и служил верой и правдой.

Однако всему этому суждено было измениться в роковую субботу 30 января 1953 года. Накануне, в пятницу, Уолтер собирался самолетом вернуться из Лондона, где он заседал в парламенте, домой, в Ольстер. Но к вечеру территория Соединенного Королевства оказалась во власти такого страшного циклона, которого жители не видели больше десяти лет. Естественно, его рейс был отменен, и ему пришлось добираться до Странрара, что находится на берегу Шотландии, ночным поездом.

На следующий день Уолтер взошел на паром «Принцесса Виктория», отправляющийся в Ларн, Северная Ирландия. Несмотря на то что в море бушевал страшный шторм, пассажиров заверили, что паром абсолютно надежен. Время – деньги, и в назначенный час паром отошел от пристани.

Жители Ларна и Странрара до сих пор с ужасом вспоминают ту ночь. Произошла катастрофа, которой можно было избежать: люди безрассудно бросили вызов природе и погибли.

Урок на будущее: никогда не теряй благоразумия и осмотрительности.

Глава 3

Дом Уолтера и Маргарет, с любовью построенный на высоком берегу моря в Донахади, был известен под названием Портаво-Пойнт.

Из него открывался великолепный вид на морской простор, и в ясную погоду можно было различить вдали крошечные острова.

Это место было и есть поистине волшебное.

Но не в ту ночь.

Стоя на палубе стального судна с плоским днищем, Уолтер смотрел на удаляющийся берег Шотландии. Море становилось все более бурным, затрудняя продвижение парома. И вот всего в нескольких милях от места назначения в Северной Ирландии «Принцесса Виктория» оказалась в эпицентре одного из самых яростных ураганов, которые когда-либо разыгрывались в Ирландском море.

Поначалу паром держался, но из-за недостатков конструкции его кормовые ворота начали поддаваться под напором воды. Вода стала проникать на палубу, с каждой минутой ее становилось все больше и больше, громадные волны перекатывались через борт, и постепенно судно утрачивало способность к маневрированию и продвижению вперед.

Насосы не успевали откачивать воду. Протечка кормовых ворот и невозможность избавиться от излишка воды – убийственное сочетание во время любого шторма. С минуты на минуту море грозило затопить судно.

Вскоре «Принцесса Виктория», которую силой ветра развернуло бортом поперек волн, стала нырять носом и заваливаться на бок от прибывающей в трюм воды. Капитан приказал спустить на воду спасательные шлюпки. Выживший после шторма свидетель рассказал Высшему суду Ольстера, как он слышал распоряжения Уолтера: «Несите спасательные жилеты детям и женщинам!» Под свист и завывание ветра капитан и экипаж рассаживали перепуганных пассажиров в шлюпки. Никто не знал, что они спускают женщин и детей навстречу гибели.

Когда шлюпки были спущены на воду, пассажиры оказались в опасной зоне между корпусом судна и свирепо налетающими волнами. Мощный шквалистый ветер и дождь делали эту ловушку роковой.

Огромные волны швыряли шлюпки, как ореховые скорлупки, не давая им отдалиться от борта парома. У моряков не хватало сил выгрести против буйного напора ветра и волн, и вскоре шлюпки одна за другой стали переворачиваться вверх дном.

В холодном январском Ирландском море человек обречен на скорую и неминуемую гибель.

Ветер с оглушительным ревом гнал исполинские волны, которые захлестывали судно. Капитан и Уолтер понимали, что паром ведет безнадежную борьбу со стихией.

Примерно в 1:40 дня субботы из Донахади вышло спасательное судно «Сэр Самуэль Келли» и сумело добраться до терпящего бедствие парома.

Сражаясь с ураганным ветром и волнами, моряки смогли спасти всего тридцать три человека из ста шестидесяти пяти.

Бывший пилот, Уолтер предпочитал путешествовать по воздуху, а не по воде. Когда ему приходилось летать из Дакоты в Северную Ирландию, он всегда просил себе место впереди, шутливо объясняя, что если самолет разобьется, то он хочет погибнуть первым.

И в том, что смерть встретила его не в воздухе, а на море, крылась горькая ирония.

Он уже помог людям всем, чем только мог; и все пути к спасению были отрезаны – шлюпок больше не было. Уолтер незаметно удалился в свою каюту и стал ждать, когда море нанесет свой последний удар.

Долго ждать ему не пришлось, но, вероятно, эти минуты показались ему вечностью. Стекло иллюминатора в каюте Уолтера разлетелось на тысячи осколков под неумолимым давлением толщи воды.

Вскоре моего прадеда Уолтера, капитана «Принцессы Виктории» и еще сто двадцать девять человек команды и пассажиров поглотила бездна.

Они были всего в нескольких милях от берега Ольстера, почти в пределах видимости от дома Уолтера и Маргарет в Портаво-Пойнте.

Стоя в гостиной у окна, выходящего на море, видя, как по черному небу мечутся сигнальные огни береговой охраны, побуждая экипаж спасательного судна к энергичным действиям, Маргарет и ее семья могли только с тревогой ждать и молиться.

Но их молитвы остались без ответа.

Глава 4

В воскресенье, в 7 часов утра, спасательное судно вновь вышло из Донахади – после шторма море было неестественно спокойным. Спасатели обнаружили разбросанные обломки судна и подняли на борт тела одиннадцати мужчин, одной женщины и ребенка.

Остальных поглотило море.

В тот же день потрясенной горем Маргарет пришлось участвовать в ужасной процедуре – установлении личностей погибших, чьи трупы были размещены на набережной в гавани Донахади.

Тело ее любимого супруга обнаружено не было.

Маргарет так и не оправилась от горя и через год скончалась.

На заупокойной службе по погибшим в приходской церкви Бангора, где присутствовало более тысячи человек, епископ Дауна сказал, что Уолтер Смайле умер, как и жил: «Он был добрым, отважным и бескорыстным человеком, который жил согласно заповеди: «Человек должен заботиться не только о своем благе, но и о благе других».

Примерно за сто лет до этого дня Самуэль Смайле дописал последнюю страницу своей книги «Помощь себе». Она была посвящена рассказу о проявлении отваги и героизма – автор призывал англичан Викторианской эпохи следовать этому примеру. Этот образцовый героизм в высшей степени созвучен судьбе моего прадеда Уолтера.

> *Вдоль африканского берега шел пароход, на борту которого находилось четыреста семьдесят два мужчины и сто шестьдесят шесть женщин и детей. Большая часть мужчин были рекрутами, лишь недавно приступившими к военной службе.*
>
> *В два часа ночи, когда все спали в своих каютах, корабль налетел на подводную скалу и распорол о камни днище. Сразу стало ясно, что с минуты на минуту он пойдет ко дну.*
>
> *Барабаны забили тревогу, и уже через несколько минут рекруты выстроились на верхней палубе. Был отдан приказ «спасать женщин и детей». Растерянных, беспомощных людей, даже не успевших одеться, выносили из кают и рассаживали по шлюпкам.*
>
> *Когда шлюпки отвалили от борта, капитан сгоряча*

закричал:

– Все, кто умеет плавать, прыгайте за борт и плывите к лодкам!

Но капитан Райт из 91-го шотландского полка возразил:

– Нет! Тогда лодки с женщинами и детьми окажутся перегруженными.

И отважные мужчины остались стоять на палубе. Ни один не поддался страху, ни один не изменил своему долгу.

– Судно уходило под воду при общем молчании – ни ропота, ни рыданий! – рассказывал оставшийся в живых капитан Райт.

Судно затонуло вместе с геройским экипажем, и лишь в последний момент, уже скрываясь под водой, люди издали ликующий клич в честь торжества человеческого духа.

Честь и слава благородным и храбрым героям!! Пример таких людей никогда не умрет, они бессмертны потому, что бессмертна память о них.

В юности Уолтер наверняка читал книгу своего деда и знал эту историю.

Невероятно волнующую.

Воистину, пример таких людей никогда не умрет, они бессмертны потому, что бессмертна память о них.

Глава 5

Дочь Маргарет Пэтси, моя бабушка, была в самом расцвете молодости, когда затонула «Принцесса Виктория». Газеты помещали статьи об этой трагедии, рассказывали о героическом самопожертвовании погибших.

Эти статьи заглушали боль Пэтси – на время.

Были проведены дополнительные выборы в парламент, сопровождавшиеся шумной кампанией в прессе по поводу трагедии, и вместо погибшего отца делегатом от Ольстера была избрана Пэтси.

Красивая и умная дочь заняла в политике место своего героического отца. Это был готовый сценарий для фильма.

Но жизнь – не кино, и девушке, ставшей самым молодым членом парламента от Северной Ирландии за все время его существования, суждено было заплатить за блеск Вестминстера ужасную дань.

Пэтси вышла замуж за Невила Форда, моего будущего деда – кроткого гиганта, у которого было семеро братьев и сестер.

Отец Невила был помощником епископа в Йорке и директором школы Хэрроу. Его брат Ричард, одаренный и спортивный ученик Итона, неожиданно для всех скоропостижно скончался за день до своего шестнадцатилетия. Другой его брат Кристофер во время Второй мировой войны трагически погиб в итальянском порту Анцио.

Но Невил выжил и процветал.

Признанный самым красивым юношей в Оксфорде, он был к тому же одарен блестящими способностями к спорту. Он играл в Высшей крикетной лиге графства; газеты превозносили его как великолепного отбивающего, выигрывающего один за другим иннинги благодаря своему росту больше шести футов. Но он думал только о том, чтобы жениться на обожаемой Пэтси.

Новобрачные поселились в деревенской тиши Чешира, и Невил был невероятно счастлив. Он поступил на фабрику по производству бумаги «Виггинс Тип», и вместе с Пэтси они счастливо зажили вдали от городского шума.

Но решение Пэтси последовать по стопам своего отца встревожило Невила. Он понимал, что это резко изменит их жизнь, однако дал свое согласие.

Вестминстер опьянял его молодую жену, и в свою очередь сам Вестминстер был опьянен яркой красавицей Пэтси.

Невил терпеливо дожидался ее дома в Чешире. Но тщетно.

У Пэтси начался роман с одним из членов парламента. Тот

поклялся уйти от своей жены, если Пэтси оставит Невила. Это было обычное голословное обещание. Но щупальца власти уже крепко держали молодую Пэтси. Она решила уйти от Невила.

До конца своих дней она сожалела об этом решении.

Разумеется, ее возлюбленный так и не разошелся с женой. Но к этому времени Пэтси уже сожгла мосты и должна была как-то жить дальше.

Однако удар, которому предстояло потрясти нашу семью, уже был нанесен, и для юных дочерей Невила и Пэтси (Салли, моей будущей матери, и ее сестре Мэри-Роуз) мир перевернулся.

Для Невила уход Пэтси стал страшным ударом.

Вскоре за Пэтси начал ухаживать другой политик, Найгл Фишер, и на этот раз они поженились. Однако Найгл сразу стал изменять Пэтси.

Но она оставалась с ним и несла свое бремя, убежденная, что это наказание послано ей Богом за то, что она бросила Невила, единственного человека, который ее по-настоящему любил.

Пэтси растила дочерей и вела активную общественную работу. Так, она основала один из самых преуспевающих благотворительных фондов в Северной Ирландии – «Вумен кэринг траст», который до сих пор помогает женщинам заниматься музыкой, различными видами искусства и даже альпинизмом. (Страсть к альпинизму всегда была в крови в нашем роду!)

Люди любили и уважали бабушку Пэтси, которая унаследовала волевую натуру своих отца и деда. Но ее никогда не оставляло сожаление об ошибке, совершенной в молодости.

Когда родилась моя сестра Лара, бабушка написала для нее замечательное, очень трогательное письмо о жизни, из которого я приведу заключительный отрывок.

> *Наслаждайся мгновениями счастья, как драгоценностью, – они возникают неожиданно и опьяняют восторгом.*
>
> *Но, конечно, в жизни будут и такие моменты, когда все кажется черным, – возможно, тот, кого ты очень любишь, обидит или разочарует тебя. Тогда жизнь станет казаться тебе слишком тяжелой и совершенно бессмысленной. Но всегда помни, что все проходит, ничто не остается неизменным… что каждый день приносит с собой новое начало и что, какой бы ужасной ни казалась тебе жизнь, в ней всегда есть место надежде.*
>
> *Самое главное в жизни – это доброта. Старайся никогда не доставлять боль тем, кого ты любишь. Все мы совершаем ошибки, порой очень серьезные, но для твоего*

же собственного блага старайся никого не обижать.

Всегда думай о будущем, а не о прошедшем, но не забывай прошлое, потому что оно – твоя неотъемлемая часть, оно сделало тебя такой, какая ты есть. Но постарайся, молю тебя, постарайся извлечь из него хотя бы небольшие уроки.

Только под конец жизни Пэтси почти «воссоединилась» с Невилом.

Сейчас Невил живет поблизости от того дома на острове Уайт, где проходило мое отрочество и куда в старости приезжала к нам на лето Пэтси.

Они вместе ходили гулять и подолгу сидели на скамье, глядя на море. Но, несмотря на ее теплоту и нежность, Невил никогда не позволял ей сблизиться с ним.

Невил носил в своем сердце пятьдесят лет боли после их расставания, а такую боль невозможно забыть. Юношей я часто видел, как она вкладывает в его большую ладонь свои пальцы, и это было прекрасно.

Они преподали мне два очень важных урока: там хорошо, где нас нет, и за настоящую любовь надо бороться.

Глава 6

Мое раннее детство и летние каникулы во время учебы в школе проходили в портовом городке Донахади, в Портаво-Пойнте – в том самом доме, где мой прадед Уолтер жил, и недалеко от того места, где он погиб.

Я очень любил эти места.

Дом насквозь продувался морским ветром и был пропитан запахом соленой воды. Краны для воды отворачивались со скрежетом, старые кровати были такими высокими, что мне приходилось забираться в свою постель, вставая на остов кровати.

Я помню запах старого мотора «Ямаха» в нашей деревянной лодке, когда в тихую погоду отец перетаскивал ее на берег, чтобы покатать нас с сестрой в море. Помню долгие прогулки по лесу, цветущие в траве колокольчики. Особенно мне нравилось бегать и прятаться за деревьями, заставляя отца искать меня.

Помню, как однажды, когда я встал на скейтборд, моя старшая сестра Лара подтолкнула меня, я покатился вниз по дорожке и врезался в забор. Еще как я лежал в постели рядом с бабушкой Пэтси – мы с ней заболели корью, и нас временно переселили в садовый сарай, чтобы мы не заразили остальных.

Помню, как плавал в холодном море, как на завтрак нам каждый день давали яйца, сваренные в мешочек.

Собственно, там и зародилась во мне любовь к морю и к стихии.

Но тогда я этого не сознавал.

Когда начинались занятия в школе, меня привозили в Лондон, где мой отец состоял на политической службе. (Странно, а может, и не очень, что моя мать вышла замуж за будущего члена парламента, хотя на примере Пэтси могла убедиться в губительности влияния политической карьеры на личную жизнь.)

Мои родители поженились, когда папа уже уволился из Королевской морской пехоты после трех лет службы в чине офицера и занимался импортом вина. Затем он завел маленький бар в Лондоне и вскоре был избран в парламент от Чертей, южного района Лондона.

Но главное, отец отличался удивительно уравновешенным и спокойным нравом, врожденной добротой, благородством и чувством юмора, а потому заслуженно пользовался любовью окружающих. Однако позднее я вспоминал те годы в Лондоне как полные грустного одиночества.

Папа и мама, которая была его помощницей, много работали

и часто задерживались до позднего вечера. Мне недоставало ощущения семейной жизни, уютной, спокойной и неторопливой.

Я с тоской вспоминал, как хорошо было жить с родителями на острове Уайт. Возможно, поэтому я плохо вел себя в школе.

Помню, однажды я так сильно укусил одного мальчика, что почувствовал во рту солоноватый привкус крови. А потом сидел и смотрел, как учительница звонит моему отцу и говорит, что в школе просто не знают, что со мной делать. «Ничего, зато я это знаю», – ответил отец и немедленно явился в школу.

Он поставил стул в середине спортивного зала, усадил учеников на пол и всыпал мне по первое число, в результате чего моя тощая попка стала темно-синей.

На следующий день, когда мы с мамой шли по оживленной улице, я незаметно высвободил из ее руки свою и убежал, но через несколько часов меня задержала полиция. Думаю, всеми этими выходками я просто пытался привлечь к себе внимание.

Стоило мне провиниться, как мама запирала меня в спальне. Потом ей стало казаться, что мне там душно, и она велела плотнику просверлить в двери несколько отверстий.

Говорят, нужда – мать всех изобретений, и скоро я сообразил, что если просунуть в отверстие крючок от плечиков для одежды, то можно отодвинуть задвижку и сбежать. Это стало моим первым опытом борьбы с неприятной ситуацией и поиска выхода. И эти навыки очень пригодились мне в дальнейшем.

Примерно в то время я страшно увлекся физкультурой. Каждую неделю мама водила меня в небольшой гимнастический зал для подающих надежды гимнастов, которым руководил незабываемый мистер Стерджес.

Занятия проводились в старом и пыльном сдвоенном гараже, на задворках жилого дома в Вестминстере.

Бывший военный, мистер Стерджес требовал от нас строгой дисциплины. Каждому из нас был назначен на полу свой «пятачок», где в ожидании нового задания мы обязаны были стоять по стойке «смирно». За провинности он жестоко нас наказывал. Казалось, он забывал, что перед ним шестилетние дети, но нам такая строгость даже нравилась.

Это вызывало у нас чувство своей непохожести на маменькиных деток.

Он выстраивал нас в линейку под металлическим турником, укрепленным на высоте семь футов[3] от пола, и мы все просили:

– Поднимите меня, пожалуйста, мистер Стерджес!

Он поднимал каждого вверх и оставлял болтаться на турнике, а сам поворачивался к следующему мальчику.

Правила были простые: мы не имели права просить

разрешения спуститься, пока все ребята не повисали на планке, как мертвые фазаны в кладовой. И даже потом ты должен был попросить:

– Пожалуйста, мистер Стерджес, спустите меня вниз.

Если же ты преждевременно падал на мат, тебя с позором заставляли встать на свой «пятачок».

Мне очень нравились эти занятия, я даже гордился тем, что никогда не просил тренера снять меня. Мама говорила, что ей тяжело было видеть, как я, тщедушный и жалкий, болтаюсь на турнике с лицом, покрасневшим от напряжения и решимости висеть до последнего.

Один за другим ребята падали с турника, а я из последних сил цеплялся за планку до тех пор, пока даже сам мистер Стерджес не решал поскорее опустить меня на пол.

Тогда я бегом возвращался на свое место, улыбаясь во весь рот.

«Пожалуйста, спустите меня, мистер Стерджес!» У нас дома эта фраза произносилась, когда речь шла о тяжелом физическом напряжении, строгой дисциплине и отчаянной решимости. Во время службы в армии привычка к этому порядку сослужила мне хорошую службу.

Так что, можно сказать, я с детства тренировался по полной программе – лазал по горам, висел на турнике, выдумывал способы сбежать.

И меня это увлекало.

Мама и сейчас еще говорит, что я будто воплощаю в себе одновременно и Робин Гуда, и Гарри Гудини, и Джона Баптиста, и даже террориста.

В детстве я очень гордился этим сравнением.

Глава 7

В те годы мне больше всего нравились вторники, потому что в эти дни после школы я приходил к бабушке Пэтси на чай и оставался у нее на ночь.

Помню запах в ее квартире – довольно причудливую смесь ароматного дыма сигарет «Силк кат» с запахом жареных бобов и рыбных палочек, которые она готовила мне к чаю. Но мне он очень нравился. Это было единственное место вне дома, где я не чувствовал тоски.

Когда мои родители уезжали, меня часто отправляли ночевать к чужой для меня какой-то старой леди; похоже, и она меня едва знала. (Думаю, это была соседка или знакомая родителей, во всяком случае, надеюсь, что так.)

Я ненавидел эти вынужденные ночевки.

Помню запах старой рамки, обтянутой кожей, с фотографией мамы и папы, которую я в отчаянии прижимал к груди, лежа в чужой постели. Я был слишком мал, чтобы понимать, что родители скоро вернутся.

В результате я усвоил еще один, очень важный урок на будущее: не оставляй своих детей, если они тяжело это переносят.

Жизнь человека вообще коротка и подвержена всяческим опасностям, а в детстве он еще более раним и беззащитен.

В раннем детстве и юности опорой мне была сестра Лара. После рождения Лары у мамы за восемь лет произошло три выкидыша, и она уже думала, что больше у нее не будет детей. Но вот она снова забеременела. Она рассказывала мне, что во избежание очередного выкидыша все девять месяцев беременности провела в постели.

И это помогло. Мама не дала мне погибнуть.

Однако она так измучилась за этот период, что была счастлива наконец-то разрешиться от бремени, и в результате Лара обрела долгожданного братца. Фактически, я стал ее ребенком. Лара всячески заботилась обо мне, и я страшно привязался к ней и полюбил всем сердцем.

Тогда как мама была занятой, «работающей» матерью, помогая отцу в избирательном округе и в других делах, Лара, по сути, заменила мне ее. Она сама кормила меня, с младенчества и до пяти лет. Меняла мне подгузники, учила говорить, потом ходить (поскольку она уделяла этому много внимания, я начал ходить очень рано), одеваться и чистить зубы.

Часто она заставляла меня проделывать вместо себя разные рискованные штуки. Сама она побаивалась их совершить. Или

просто ей страшно хотелось посмотреть, что из этого выйдет. Например, съесть кусочек сырого бекона или без тормозов скатиться с горки на трехколесном велосипеде.

Она видела во мне восхитительную послушную куклу.

Вот почему мы всегда были с ней очень близки и дружны. Для нее я так и остался младшим братцем. И за это я ее очень люблю. Однако здесь таилось одно большое но: расти вместе с Ларой означало не иметь ни минуты покоя. С самого первого дня моего рождения, когда мать еще находилась в палате рожениц, она повсюду таскала меня и показывала всем и каждому – я был новой «игрушкой» моей сестры. И так продолжалось очень долго.

Сейчас это вызывает у меня улыбку, но я уверен, ее постоянная возня со мной, демонстрация моих возможностей перед окружающими и стала причиной моей страстной любви к тишине и одиночеству, которые дарят море и горы. Мне не нравилось излишнее внимание к моей персоне, я жаждал какого-то простора и самостоятельности и в итоге увлекся всеми этими безумствами.

Не сразу я понял, откуда у меня возникла такая тяга к девственной природе, но, скорее всего, она зародилась от близких отношений с отцом, которые я обрел на побережье Северной Ирландии, и от стремления сбежать от любящей, но слишком властной старшей сестры. (Да благословит ее Господь!)

Теперь я могу подшучивать над этим вместе с Ларой, которая по-прежнему остается моим самым верным другом и союзником. Правда, она типичный экстраверт, с удовольствием выступает на сцене или участвует в различных телевизионных ток-шоу, тогда как меня больше тянет к тихой жизни с друзьями и семьей.

Словом, слава больше подошла бы Ларе, чем мне. По-моему, она прекрасно это сформулировала:

> *До рождения Беара я очень переживала, что являюсь единственным ребенком в семье. Я жаловалась папе и маме, что мне скучно и одиноко. Завидовала своим друзьям, у которых были сестры или братья. Появление Беара привело меня в восторг – правда, после того, как я пережила разочарование от того, что младенец оказался мальчиком, потому что мечтала о сестренке!*
>
> *Но стоило мне увидеть его в детской кроватке, когда он отчаянно плакал, как я подумала: «Это мой ребенок. Я буду о нем заботиться». Я взяла его на руки, и он сразу затих. С тех пор я всегда таскала его с собой, пока он не вырос.*

То, что мне приходилось расти в душном Лондоне, вполне

искупилось поступлением в скауты в возрасте шести лет, чему я страшно обрадовался.

Помню первый день в отряде скаутов, когда я вошел и увидел ребят в тщательно выглаженных рубашках, украшенных наградами и значками. Я был тщедушным малышом, а по сравнению с ними почувствовал себя еще более маленьким и жалким. Но стоило мне услышать, как командир велел ребятам всего с одной спичкой зажарить сосиску, как я обо всем забыл и стал с интересом следить за всем, что происходило.

«С одной спичкой… Гм… Но она же горит совсем недолго», – озадаченно размышлял я.

И вдруг я увидел, что, оказывается, нужно было разжечь костер с помощью только одной спички, а потом уже зажарить на огне сосиску. Для меня это стало открытием.

Если бы кому-нибудь из тех ребят сказали, что однажды я займу пост главного скаута и что двадцать миллионов скаутов по всему миру будут считать меня важной фигурой, они бы умерли со смеху. Но дело в том, что свои малый рост и отсутствие уверенности в себе я всегда компенсировал силой воли и решительностью, а эти качества очень важны и для жизни в целом, и для скаута.

Так что в отряде скаутов я испытал чувство свободы и обрел отличных товарищей. Мы были одной семьей, и никому не было дела, у кого какое происхождение.

Ты был скаутом, и только это имело значение.

Мне это было по вкусу, и я стал более уверенным в себе.

Глава 8

Вскоре мои родители приобрели маленький коттедж на острове Уайт, и с пяти до восьми лет я ходил в школу в Лондоне, чего всегда ждал с ужасом, а каникулы проводил на острове вместе с родителями.

Работа папы это позволяла, потому что у членов парламента почти такие же длинные каникулы, как у школьников, а поскольку его избирательный округ находился между Лондоном и островом Уайт, по пятницам по дороге на остров он занимался решением каких-либо проблем жителей. (Возможно, это был не самый образцовый метод исполнения обязанностей депутата, но лично меня это очень устраивало.)

Я всегда мечтал как можно скорее оказаться на острове, который был для меня настоящим раем. Мама с папой постоянно пристраивали к нашему маленькому коттеджу какие-то помещения, и вскоре он стал нашим основным домом.

Зимой над островом постоянно бушует ветер, льют дожди; зато летом он становится похожим на спортивный лагерь, в котором полно моих сверстников, до сих пор остающихся моими самыми близкими друзьями.

Впервые я почувствовал себя свободным, предоставленным самому себе, целыми днями мог бегать на воле, исследуя остров. Еще одним радостным преимуществом жизни на острове было то, что совсем рядом с нашим домом жил мой дедушка Невил.

Он запомнился мне замечательным человеком, которого я любил всем сердцем. Дедушка был очень добрым, невероятно могучим и сильным, глубоко верующим человеком, но при этом любившим и ценившим шутку. И еще он обожал шоколад, хотя всегда ворчливо отказывался, когда ему дарили его. Но стоило тебе уйти, как большая плитка исчезала за считаные минуты.

Он прожил до девяноста трех лет и каждый день добросовестно делал гимнастику. Из-за двери его спальни доносилось бормотание: «Наклон, коснуться пальцев ног, выпрямиться и вдо-ох…» Говорил, что это самое главное для поддержания здоровья. (Я не очень понимаю, как в этот рецепт долголетия вписывались шоколад и тосты с маслом, но какая разница? Попробуйте прожить такую же жизнь, как он.)

Дедушка Невил скончался, сидя на скамье в конце нашей дорожки, ведущей к морю. Я до сих пор тоскую по нему: по его кустистым бровям, крупным рукам и крепким объятиям, по его теплу, его молитвам, рассказам, но, что важнее всего, он преподал мне блестящий пример того, как жить и как умирать.

Мой дядюшка Эндрю прекрасно сказал о Невиле:

> *В глубине сердца Невил оставался мальчишкой; отсюда его прекрасные отношения с ребятами. Его девизом можно назвать Энтузиазм, Ободрение и Любовь.*
>
> *Он был церемониймейстером на похоронах Уинстона Черчилля и непринужденно чувствовал себя среди знати, но столь же естественно держался в любом обществе. Он жил согласно заветам Киплинга: «Останься прост, беседуя с царями, останься честен, говоря с толпой».*
>
> *Он был отличным спортсменом и джентльменом до кончиков ногтей. Я никогда не слышал, чтобы он о ком-либо говорил дурно; никогда не видел, чтобы он совершал дурные поступки. Он был замечательным человеком во всех отношениях.*

Такое же важное место в моей детской жизни на острове занимала и бабушка Пэтси, замечательная женщина с необыкновенной судьбой.

Но для нас она была просто доброй и любящей бабушкой, только очень ранимой. В старости она постоянно страдала от депрессии. Возможно, эта депрессия развилась в ней от сознания своей вины за измену Невилу, которую она совершила в молодости.

Видимо, это сознание вины и стало причиной того, что в качестве средства против депрессии у нее развилась склонность к покупке дорогих, но обычно совершенно бесполезных вещей, при этом она убеждала себя, что отлично вкладывает деньги.

Так, однажды бабушка приобрела старый разрисованный цыганский фургон и лавку, торгующую горячей пищей, чуть выше по дороге к нашему дому. Но без надлежащего ухода фургон стал дряхлеть и покрываться ржавчиной, а съестная лавка превратилась в ее собственный магазинчик, где продавали антиквариат и разную рухлядь.

Это, конечно, было несчастьем.

Помимо того что в лавке требовалось присутствие продавца (зачастую им становился кто-нибудь из членов семьи, включая Найгла, который обычно быстро засыпал на стуле перед лавкой, накрыв голову газетой), выяснилось, что держать магазинчик абсолютно нерентабельно. Но главное, он служил постоянной причиной смеха и источником шуток.

(Симпатичный шутник и проказник Найгл, второй муж бабушки, в свое время был весьма преуспевающим политиком. Во время Второй мировой войны он был награжден Военным крестом[4], а потом занимал незначительный пост в

правительстве. Но для меня он был добрым и милым дедушкой, которого мы все очень любили.)

Домашняя жизнь была бурной и весьма беспорядочной. Но это было естественно для моих родителей, особенно для мамы, которая, даже по ее собственным представлениям, была и остается довольно взбалмошной – в лучшем смысле этого слова.

Я привык характеризовать свою семью такой фразой: «Семьи подобны сливочной помадке – мягкому лакомству с твердыми орехами».

Приятная сторона этой беспорядочной жизни состояла в том, что мы постоянно разъезжали и встречались с интересными людьми со всего света, которые тянулись к маме, – это стало для нас привычным. Либо мы забирались в старый фургон и ехали послушать какого-нибудь американского лектора, либо помогали в ее новом бизнесе – она занялась продажей блендеров и фильтров для воды.

Ели когда придется, не соблюдая определенного часа для завтрака и обеда. Из мусорного ведра извлекался пакет со свиными отбивными, что сопровождалось бессмертной фразой: «Они же еще совсем свежие!» (Даже если накануне папа выбросил их, так как они стали подозрительно серого цвета.)

Казалось, в отношении еды мама преследовала единственную цель – откормить нас словно на убой. Позднее это заставило меня кинуться в другую крайность: у меня развилось «нездоровое» стремление к здоровому питанию. (Хотя, вероятно, мне следует благодарить маму за мой «железный» желудок, который позволял мне без ущерба выносить длительные съемки передачи по выживанию. Так что благослови Бог все эти свиные отбивные!)

Окружающие, как правило, склонны были замечать лишь забавную сторону маминой взбалмошности, но для нас временами это становилось слишком утомительным. Это означало, что она всегда права, хотя некоторые ее представления или идеи определенно граничили с ненормальностью.

Частенько мы заставали ее расхаживающей по саду с медным прутом. Она уверяла, что ей необходимо «заземлиться» из-за избытка электричества в доме. (Принимая во внимание тот факт, что у нас никогда не было электрообогревателей и что электроосвещение нам часто заменяли свечи, это заявление заставляло нас подозревать, что с нашей мамой не все ладно.)

Но это была наша мама, и за редкими исключениями мое детство проходило в радостной атмосфере любви и веселья, которую я стараюсь поддерживать уже в своей собственной семье.

Глава 9

Мама и папа встретились, когда маме было двадцать один, а папе – двадцать девять лет. Они несколько раз расставались, снова возвращались друг к другу и, наконец, сбежали на Барбадос и там поженились.

Отношения их были полны любви, хотя на характер мамы сильно повлиял развод ее родителей. У нее появился страх остаться одной, из-за чего она порой слишком опекала папу.

Поэтому, если мы с отцом собирались идти в горы или в море, приходилось исчезать из дома тайком, незаметно от мамы. (Что, понятно, обоим нам нравилось.) Это превращало наши вылазки в боевую операцию. В детстве у нас было множество таких операций.

Однако, когда я стал старше и мог уже планировать самостоятельные экспедиции, пусть и недалекие, мне становилось грустно, что мне приходится идти одному, без отца. Я знаю, как нравились ему наши путешествия, но его любящее сердце буквально разрывалось между мной и мамой.

У самого папы в детстве не было большой близости с родителями.

Его отец был усердный, но очень строгий офицер, дослужившийся до звания бригадира. Возможно, он получил это звание, пожертвовав уютной семейной жизнью. Мне точно известно, что папа очень тяжело переживал его холодность.

Мальчиком я всегда побаивался дедушку Теда. И как потом выяснилось, совершенно напрасно. Да, внешне он был строгим, даже суровым, но только теперь я понимаю, что ему были свойственны доброта и преданность, за что его и любили люди.

Больше всего меня пугали его огромные собаки.

Лет в шесть как-то раз я, сидя на полу, вздумал повозиться с одной из них. И она вонзила мне клыки прямо в лицо, поранив нос и губы.

Меня срочно доставили в больницу, чтобы наложить швы. Но маме показалось, что дежурная медсестра слишком долго возится с приготовлениями, поэтому она взяла дело в свои руки и сама зашила рану.

Кстати, у нее это получилось великолепно, и если мое лицо не рассматривать со слишком близкого расстояния, то швы незаметны, хотя нос слегка искривлен. Редактор американского журнала «Менс джорнал», когда я принес свою фотографию для обложки, со смехом предположил, что, вероятно, в юности я часто проигрывал бои в боксе. На самом деле это последствие того

укуса.

Если дедушка Тед относился к маленькому папе довольно строго, то мама его была просто суровой. У нее была недобрая репутация человека сильного и не терпящего безрассудства, а безрассудство как раз и было характерным свойством моего отца. Поэтому у Дэдди выработалась резкая реакция на столь строгое и твердое воспитание – и однажды он стал неуправляемым.

Я слышал бесконечное количество историй о его проделках. Например, однажды он из окна своей спальни вылил целое ведро воды на свою старшую сестру и ее ухажера.

По существу, Дэдди так и остался мальчишкой. Это и делало его таким замечательным отцом, джентльменом и другом. В свою очередь, и я не очень стремился стать взрослым.

Помню, однажды, когда мы всей семьей катались на лыжах в Альпах, типичная шутка отца поставила нас в безвыходное положение.

Мне было лет десять, и я все ждал, когда папа заметит, что жившая в соседнем с нами номере отеля крайне степенная и серьезная швейцарско-немецкая семья так и напрашивается на розыгрыш.

Каждое утро они все вместе спускались вниз – мамаша с головы до ног в мехах, папаша в облегающем лыжном костюме с белым шарфом и их раскормленный и заносчивый тринадцатилетний сынок, вечно строивший мне рожи.

В отеле было принято, что если вы желаете завтракать в номере, то должны накануне вечером повесить на ручку своей двери листок с указанием своего номера и заказом меню. Отец решил, что будет очень забавно, если на нашем бланке заказать тридцать пять вареных яиц, шестьдесят пять немецких сосисок и семнадцать селедок и повесить его на дверь этой семьи.

Зная, что мама страшно рассердится, мы ничего ей не сказали и, перед тем как ложиться спать, потихоньку выскользнули в коридор и повесили заказ на ручку соседней двери.

В 7 утра мы услышали, как отец соседнего семейства возмущенно отказывается от заказа. Поэтому на следующий день мы повторили свою шутку. И еще раз.

С каждым утром напыщенный фатер все больше выходил из себя и даже учинил скандал. Тут уж мама сообразила, в чем дело, и отправила меня принести свои извинения. (Не знаю, почему поручили извиняться мне, хотя все это затеял папа, но, думаю, мама надеялась, что из-за моего малого возраста мне меньше попадет.)

Во всяком случае, я чувствовал, что не стоит откровенно

признаваться в нашем розыгрыше, и оказался прав.

С того момента, несмотря на принесенные мною извинения, я стал для их сына козлом отпущения.

Его издевательства достигли апогея в последний вечер. Я шел по коридору без куртки, в свитере и в лыжных штанах, обтягивающих ноги. Толстый прыщавый подросток вышел из своего номера и, увидев меня, решил, что на мне женские колготки.

Он насмешливо захохотал, стал тыкать в меня пальцем, называть девчонкой, уперев руки в жирные бедра. Презрев разницу в возрасте и комплекции, я накинулся на него, изо всех сил ударил и сбил с ног.

На шум из номера выбежал его отец и увидел, что его сынок сидит на полу и размазывает по лицу кровь из носа с преувеличенно громким ревом.

Видимо, чаша его терпения переполнилась, он затащил меня в наш номер и рассказал родителям о моем хулиганском нападении на его сынка.

Отец прятал усмешку, но мама пришла в ужас, и мне здорово досталось.

Так закончились очередные каникулы нашей взбалмошной семейки.

Глава 10

Когда я был маленьким, к нам на Рождество часто приезжали тетушка Мэри-Роуз и дядя Эндрю (тоже в прошлом военный бригадир).

Помню, однажды Дэдди, взяв меня с собой, чтобы научить своим проказам, натянул на сиденье в их туалете упаковочную пленку. Это всегда было отличным розыгрышем. Но они восприняли это с огромным возмущением.

Поэтому Дэдди повторил свою шутку.

Кончилось тем, что после еще нескольких розыгрышей, которые наши гости восприняли как оскорбление, они решили покинуть наш дом раньше намеченного срока.

Но они не учли, что Дэдди ожидал этого и заранее вынул из их машины запальные свечи. В результате они долго сидели в машине со своим багажом и бесились от злости, тщетно пытаясь завести двигатель, который работал вхолостую.

Однако все равно тетушка и дядя всегда оставались близкими друзьями моей семьи и, как я сейчас вспоминаю, были со мной неизменно добры и ласковы. Я очень ценю их дружбу.

Дэдди, который изводил родственников своими проказами, на самом деле тоже их очень любил. Это подтверждает справедливость поговорки «Милые бранятся – только тешатся».

Полученное папой суровое воспитание заставляло его совершенно иначе относиться к своим детям. Не избалованный лаской и вниманием, он щедро оделял ими нас с Ларой.

Папе хотелось, чтобы мы видели в нем заботливого, любящего отца, с которым детям живется спокойно и уютно, и он действительно был самым замечательным отцом в мире. Я очень ему благодарен, и, хотя я потерял его довольно рано, когда мне было двадцать шесть лет, своим примером он успел подготовить меня к самостоятельной жизни.

Больше двадцати лет он провел в политике, был трудолюбивым рядовым членом парламента, одним из «заднескамеечников», и так и не пробился в высший эшелон властных структур. Да он к этому и не стремился.

Он предпочитал как можно больше времени проводить с семьей.

Сомнений нет, он любил свою работу и по мере сил старался облегчить и улучшить жизнь своих избирателей, но ему недоставало той жесткости и готовности ради карьеры шагать по трупам, которые столь распространены среди политиков. И

благодаря его мягкому и добродушному нраву нам жилось весело и интересно.

Думаю, ему было предназначено стать прекрасным отцом.

Помню, например, как в начальной школе меня приняли в команду регби, где играли дети до девяти лет. Ну, честно говоря, меня назначили судьей на линии, поскольку для участия в игре я был еще слишком мал.

Так вот, однажды наш матч проходил в дождливый зимний день, и, вопреки обыкновению, на трибунах не было зрителей. Обычно посмотреть на школьный матч приходили хотя бы несколько ребят и учителей. Но в эту промозглую и ветреную погоду около площадки было пусто, если не считать одинокой фигуры.

Это был мой папа, он стоял под дождем и смотрел, как я, его сын, работаю в качестве судьи на линии.

Увидев его, я страшно обрадовался, но и смутился. Ведь я даже не был членом команды, и вот ему приходилось смотреть, как я бегаю взад-вперед с этим глупым флажком.

Но все равно его присутствие было для меня очень приятным.

Когда дали свисток на перерыв, для меня наступил важный момент. Я выбежал в середину поля с тарелкой апельсинов, а папа аплодировал мне, стоя на краю поля.

Такие моменты запоминаются на всю жизнь.

Еще я помню, как папа участвовал в матче по крикету, где отцы играли против сыновей. Все остальные отцы относились к игре серьезно, а мой папа, в старой африканской шляпе с широкими полями, побежал к бите и, нарочно зацепившись ногой за воротца, потешно растянулся на поле.

Мне очень нравилась эта юмористическая черточка в характере папы, да и окружающие ценили это в нем.

Я всегда с улыбкой вспоминаю о таких случаях.

Глава 11

Живо помню, как подростком я нашел старую фотографию папы, где он был снят новобранцем в десантных морских войсках. Он выглядел точно таким же, как я… только более умным и подтянутым, и волосы у него были разделены аккуратным пробором.

В альбоме эта фотография располагается рядом со снимком, где он вместе со своими товарищами десантниками поднимается вверх по северному, покрытому льдом склону горы Бен-Невис[5]: очень опасное место, если что-то случится.

Я спросил его об этом подъеме, и он рассказал, что как раз в тот день, когда была сделана эта фотография, он едва не погиб под валуном, который сорвался с высоты в двести футов над ним.

Валун прогрохотал всего лишь в футе от папы и, с размаху врезавшись в скалистый выступ, разлетелся на тысячи каменных осколков.

В тот момент он будто второй раз родился – так сказочно ему повезло. И все время внушал мне: «Никогда не полагайся на удачу – это подарок судьбы, а на всякий случай всегда продумывай запасной план».

Я часто применяю его совет в своей теперешней работе. Спасибо тебе, папа, если ты читаешь эти строки с того света.

Мальчишкой я обожал отправляться с ним в разные экспедиции.

Я вспоминаю о них и понимаю, что наши совместные приключения, будь то стремительный галоп на лошадях по берегу острова Уайт или подъем на крутые утесы острова, дарили ему восхитительное ощущение полной свободы.

В такие моменты нас связывала не только родственная, но и товарищеская близость.

Именно тогда я впервые ощутил тот сладостный и одновременно щемящий холодок где-то под ложечкой, который наполнил меня необыкновенным восторгом и подтолкнул снова и снова искать опасные ситуации, чтобы еще раз испытать это чувство. Некоторые называют этот холодок страхом.

Помню радость, испытанную мной как-то зимой, когда мы вместе с отцом совершали восхождение. Это всегда было таинственным приключением и зачастую сопровождалось осложнениями. Дэдди шепотом сообщил мне, что вершину утеса удерживают немецкие парашютисты, поэтому нам нужно взобраться на отвесный меловой утес высотой в сто пятьдесят футов незамеченными, и там уже забросать немцев гранатами.

На самом деле подразумевалось, что мы будем метать в старую скамью на вершине утеса комки замерзшего навоза. Здорово!

Какой великолепный способ провести холодный и ветреный зимний день, когда тебе всего восемь лет (и даже двадцать восемь)!

Мы с опаской спускались с горы, с головы до ног измазанные грязью, утомленные, задыхающиеся – но в отличном настроении. Мне нравилось ощущение на лице порывов ветра с дождем. Я чувствовал себя взрослым мужчиной, хотя был еще совсем маленьким.

Шагая по полям к прибрежным скалам, мы часто говорили о горе Эверест. Мне нравилось представлять, что, взбираясь на наши утесы, мы покоряем сам Эверест.

Мы осторожно поднимались по белому меловому склону утеса, воображая, что он покрыт льдом. Я нисколько не сомневался, что смог бы подняться и на Эверест, если бы он находился неподалеку.

Я понятия не имел, что такое Эверест, но мне нравилось мечтать вместе с папой.

Это были волшебные, сказочные годы. Близкие, товарищеские отношения с отцом, беззаботное веселье. До сих пор я с грустью вспоминаю о них. Как здорово было бы еще раз оказаться рядом с отцом и совершить очередное восхождение!

Думаю, поэтому я так волнуюсь, совершая со своими сыновьями туристические походы или подъемы в горы. В горах между людьми возникают особые связи. Поэтому меня тянет к ним так неудержимо.

Но мы не ограничивались одними походами в горы. Мы с папой частенько отправлялись в местные конюшни, нанимали за десять фунтов пару лошадей и верхом мчались по берегу, на который набегали высокие волны.

Каждый раз, когда я падал на мокрый песок и готов был разреветься, папа одобрительно аплодировал мне и уверял, что я медленно, но верно становлюсь искусным наездником. Таким образом он внушал мне, что невозможно стать опытным наездником, если не перенесешь множество падений, после которых упрямо встаешь на ноги и снова усаживаешься в седло.

Такова жизнь.

Глава 12

Однажды мы приехали в Дартмур, довольно дикую часть территории Англии в любой сезон, и остановились в маленькой гостинице, ежедневно совершая долгие пешие и верховые путешествия.

Это было в середине зимы, земля была покрыта снегом, и, помню, стоял сильный мороз.

Лицо у меня буквально окоченело, казалось, оно уже никогда не оттает. Я не чувствовал кончика носа – для любого человека, у кого нос длинный, как у меня (даже в десять лет), это было страшным ощущением.

Я не выдержал и заплакал; обычно отец сразу понимал, что дело худо и что мне нужна его помощь. Но он только посоветовал мне получше укутаться и потерпеть. У нас настоящая экспедиция, так что ныть не время. А неприятное ощущение скоро пройдет.

Я перестал реветь, и он оказался прав. Я очень гордился тем, что, несмотря на свой малый возраст, преодолел страх и вынес сильную боль.

Такие моменты вселяли в меня уверенность, что я смогу стойко выдержать все, особенно (и это самое главное) когда я чувствовал себя замерзшим и полностью обессиленным.

Однако, если я пускался с отцом в эти авантюры, он никогда и ни к чему не принуждал меня, давая понять, что ожидает от меня мужества и выносливости. По мере того как во мне росла уверенность в своих силах, у меня возникало желание подвергнуть себя еще более тяжелым испытаниям, постепенно усложняя их.

Еще мы целыми днями возились с лодкой, выходили в море. Мама с самого начала их супружеской жизни старательно избегала садиться в лодку, если ею правил папа, объясняя это тем, что он слишком безрассуден. А мне нравилось быть безрассудным, и я мечтал, чтобы в тот момент, когда мы выйдем в море, разыгрался настоящий шторм.

Я мечтал когда-нибудь стать обладателем собственной моторки, носиться с ней по морю и возиться с мотором. Понятно, что о моторке не могло быть и речи; зато мы с отцом сами построили лодку: отличную маленькую восьмифутовую деревянную лодку с веслами и с мотором в полторы лошадиные силы, который подвешивался к корме.

Скорости лодки было недостаточно, чтобы преодолеть встречное течение, но я был счастлив. Мы оснастили ее самодельной системой тросов, соединенной с рулевым колесом,

привинченным к скамье, и наконец-то я отправился в путь.

Я должен был встретить маму с папой в маленькой бухточке, которая находилась в нескольких милях дальше по берегу, – мне предстояло совсем немного пройти по морю, а остальной путь проделать пешком. Но я был в восторге от чувства свободы, происходившим от сознания, что я сам правлю лодкой.

Я все время уговаривал отца, чтобы он разрешил мне забрать у Лары ее подержанную парусную лодку «Лазер». Это был легкий, неустойчивый ялик с одиночным управлением, для которого требовался гораздо больший вес человека, чем тщедушное тело одиннадцатилетнего мальчика.

Я буквально наслаждался ощущением опасности, одиночеством, огромными волнами, брызгами, ударявшими мне в лицо.

Мне нравилось быть одному – только море и я, – но только до тех пор, пока я знал, что папа находится неподалеку и в любую минуту придет ко мне на помощь. (В основном так оно и происходило.)

И я чувствовал себя на верху блаженства, когда возвращался в гавань, промокший до нитки, широко улыбаясь, с натертыми до мозолей ладонями и ноющими мышцами от натягивания тросов, после плавания против сильного ветра, из-за которого остальные лодки уже вернулись к пристани.

У меня возникало ощущение, что я немного отличаюсь от ребят моего возраста и что если постараться, то смогу побороться со стихией и выйти победителем. Борьба со стихией представлялась мне самым естественным делом человека, и в эти мгновения я оживал. Эта борьба заставила меня стать самим собой.

Однако чем больше я взрослел, тем более сложным и далеким от природы становился окружающий меня мир, и я упорно искал ту цельность и ощущение себя, которые давали мне опасные приключения.

Короче, когда я был мокрым, грязным и замерзшим, я чувствовал себя настоящим героем; но стоило мне очутиться в обществе ребят, которые отчаянно старались казаться «крутыми», как я становился неуклюжим и неуверенным в себе. Грязь меня не отпугивала, но мне никогда не удавалось быть «крутым».

Поэтому я полюбил первое и избегал последнего.

(Однако подростком я все-таки отдал этой «крутизне» своеобразную дань: купил себе остроносые туфли и на протяжении долгих зимних месяцев слушал записи тяжелого рока. Но это не доставляло мне удовольствия, и вскоре я все это бросил просто потому, что надоело.)

Вместо этого я часто надевал самую плохую и грязную одежду (для меня – самую подходящую и хорошую) и стоял в саду под шлангом с водой, пока не становился насквозь мокрым – в декабре, – а потом в одиночестве совершал пробежку по холмам.

Местные считали меня ненормальным, но нам с моей собакой это нравилось. Это напоминало борьбу со стихией, и во мне росло возбуждение и восторг.

Однажды, возвращаясь после такой пробежки, я пробежал мимо девочки, которая очень мне нравилась. Мне было интересно, понравился ли ей мой грязный вид. Во всяком случае, это оригинально, думал я. Но она быстро перебежала на другую сторону улицы, оглядываясь на меня, как на сумасшедшего.

Я не сразу понял, что девочкам не очень нравятся неряшливые и грязные парни. И то, что мне казалось естественным и интересным, не обязательно бывает привлекательным для других.

Уроки жизни все еще продолжаются.

Глава 13

Помню, однажды, когда мне было лет одиннадцать, один из моих друзей с острова Уайт подбил меня вместе с ним во время отлива перейти гавань вброд от одного края до другого.

Я знал, каково дно в гавани, и нутром чувствовал, что одолеть грязь и тину – дело нелегкое.

Вместе с тем это было очень заманчиво.

Перейти бухту, в которой располагалась наша гавань, несомненно, было подвигом: ее дно было покрыто толстым слоем грязи, илистой и липкой… и, конечно, это был абсолютно глупый план, безнадежный от начала и до конца.

Отойдя всего на десять ярдов от берега, я уже понял, что мы затеяли ерунду, но с тупым упрямством шагал дальше. Разумеется, к тому времени, когда мы одолели примерно треть пути, мы влипли, то есть буквально застряли в тине.

Черная, зловонная, липкая и скользкая грязь доходила мне почти до подмышек.

Мы затратили столько сил на пройденный участок, что скоро выдохлись, плохо соображали, и нам грозила реальная опасность.

Стоило нам сдвинуться с места, как мы увязали еще глубже, и меня охватила паника, как это бывает, когда ты понимаешь, что оказался в беспомощном положении.

Затем, по милости Божьей, произошли две вещи. Во-первых, путем эксперимента я обнаружил, что если «скользить» по этой грязи, а не сражаться с ней, то можно понемножку продвигаться. Что ж, уже хорошо. Поэтому мы медленно развернулись назад и начали буквально дюйм за дюймом прокладывать путь назад, к берегу.

Во-вторых, нас заметил человек, стоявший на берегу, и вызвал спасательную лодку. Вот когда я понял, что нас в любом случае ждут большие неприятности, независимо от того, выберемся мы на берег сами или нас вытащат.

К тому времени, когда появилась спасательная лодка, мы выбрались на берег, похожие на чертей, и смотались.

Моя мать уже знала о том, что произошло, а также о том, что к нам на спасение отправили лодку. Она велела мне немедленно вернуться в лодочный домик, обратиться к старшине спасательной службы, принести свои извинения и попросить им назначить мне наказание в виде какой-либо работы в службе спасения.

Это был хороший урок: знай предел своим силам, не ввязывайся в авантюру без надежного запасного плана и не

поддавайся на уговоры, когда инстинкт подсказывает тебе, что это грозит опасностью.

Несмотря на это фиаско, с годами меня все больше тянуло к дикой природе и просторам. Поскольку моей матери никогда не нравились наши с папой походы, когда я подрос, мы с папой уже намного реже выбирались в совместные вылазки.

Кстати замечу: однажды, уже после того, как я прошел отбор в Специальную авиационную службу (САС), мне удалось выманить его в настоящие горы. Я предложил отправиться в национальный заповедный парк Брекон-Биконс в Южном Уэльсе и подняться на одну из вершин, куда мы неоднократно забирались во время военных маршей и испытаний.

Я договорился с сержантом Таффом, чтобы он встретил папу на железнодорожной станции Мертир-Тидфил.

– А как я узнаю сержанта Таффа? – спросил отец.

– Не беспокойся, узнаешь.

Тафф был военным до кончиков ногтей: невысокий, плотный, с приглаженными волосами и типичными солдатскими усами, закрученными вверх.

Тафф забрал отца, и я встретил их у подножия Брекон-Биконс. Горы скрывались за завесой метели. Мы поднялись до половины первой горы, но после опасной переправы через бешеный поток, в который превратился еще недавно так мирно журчащий ручей, я заметил, что у папы идет кровь носом.

Он выглядел очень бледным и утомленным, и мы поспешили спуститься вниз.

Мы провели в горах несколько замечательных дней, а когда вернулись домой, мама обвинила меня в том, что я едва его не убил, и категорически потребовала, чтобы я больше не затевал никаких «убийственных экспедиций».

Я понимал, что ее тревожит, но получилось так, что вместе с мыльной водой она выплеснула и ребенка, так как ее запрет лишал отца наших интересных приключений, которые он страстно любил.

Сейчас, когда папы уже нет с нами, мне грустно думать, что мы недостаточно насладились обществом друг друга в его последние годы. Но так уж случается в жизни.

Последнее настоящее приключение, пережитое мною с отцом, стало моим первым самым серьезным испытанием – и, несмотря на грозившую нам опасность, мне все это ужасно понравилось.

Возможно, из-за этой последней экспедиции мама и наложила окончательный запрет на наши совместные вылазки.

Хотя, как и все великие приключения, началось оно совершенно безобидно…

Глава 14

Мы проводили отпуск на Кипре у тети с дядей. В то время дядя Эндрю был бригадиром всех британских военных сил на острове, и, думаю, занимая столь значительное положение, он очень опасался нашего приезда, в основном из-за склонного к проказам папы.

После того как мы несколько дней проскучали в гарнизоне, дядюшка с самым добродушным видом посоветовал нам развлечься в горах. Он заранее знал, что мы с папой с радостью ухватимся за это предложение.

Горы Трудос представляют собой небольшую горную цепь в центре острова, с заснеженными вершинами. Проходившие службу на Кипре солдаты проводят там учения и катаются на горных лыжах. В горах оборудованы две трассы для скоростного спуска, но в основном зимой там лежит девственный снежный покров.

Другими словами, они как нельзя больше подходят для приключений.

Мы с отцом попросили у солдат гарнизона, расположенного в горах, две пары лыж с ботинками и весь день с восторгом катались по двум наезженным трассам. Но вскоре это нам наскучило. Мы переглянулись и решили совершить спуск в стороне от лыжни.

Мне было одиннадцать, и для меня это была восхитительная игра.

Мы только начали спускаться вниз по глубокому пушистому снегу между деревьями, как погода внезапно ухудшилась.

Навис густой туман, видимость почти пропала. Мы остановились и попытались найти трассу или сообразить, как до нее добраться, но выбрали неверное направление и вскоре поняли, что заблудились или временно потеряли ориентировку на местности (как я позже стал это называть).

Мы с отцом совершили ошибку, типичную для людей, попавших в такую ситуацию, то есть пошли вслепую в тщетной надежде на чудо. У нас не было ни карты, ни компаса, ни еды, ни питья, ни мобильных телефонов, которые в ту пору просто еще не существовали, а значит, мы могли и не найти дорогу к жилью.

Нам угрожала серьезная опасность гибели.

Очень трудно брести по глубокому снегу, когда ты маленький, замерзший, промокший и уставший.

Минуты превращались в часы, и часам не было видно конца.

Скоро стемнело.

Мы с трудом продвигались вперед. Папа был встревожен, я это видел. Он привык к горам, но ничего подобного не ожидал. Он не предвидел возможности резкого ухудшения погоды. Это было его ошибкой, и он с горечью это сознавал. Мы продолжали спускаться и вскоре оказались в густом лесу, где снег был еще глубже.

Спустя какое-то время мы добрели до долины, и нужно было решить, в какую сторону идти, налево или направо. Папа решил идти налево. У меня было острое ощущение, что нам нужно свернуть вправо. Папа настаивал на своем, я – на своем.

Один голос против одного, и он уступил.

Ярдов через двести пятьдесят мы наткнулись на занесенную снегом трассу и с новым приливом сил двинулись по ней. Через милю она вывела нас на горное шоссе, а спустя минут десять нас подобрала машина, которая направлялась вверх.

Мы были спасены, но я едва дышал.

Примерно через полчаса машина остановилась у ворот гарнизона. Это произошло глубокой ночью, но я весь вибрировал от возбуждения и энергии.

Усталость как рукой сняло. Папа понимал, что я правильно определил направление, – если бы мы свернули налево, то до сих пор так и брели бы по снегу.

Я был невероятно горд.

Скорее всего, нам просто повезло, но той ночью я усвоил еще один важный урок: прислушивайся к внутреннему голосу. Интуиция – это голос разума.

Шагая между бараками, мы заметили оживление, необычное для будней ночи. Причина этому скоро выяснилась.

Появились сержант с солдатом и провели нас в домик старших офицеров.

Мы увидели моего дядю в военной форме, усталого и серьезного. Я заулыбался, за мной – папа. Я был возбужден. Ведь я спас нас от медленной смерти в результате переохлаждения. Мы были живы.

Нашу радость оборвали бессмертные слова моего дяди-бригадира:

– На вашем месте я бы не улыбался… В настоящий момент отделение горных спасателей в полном составе разыскивает вас в горах, им на помощь отправлены спасательные вертолеты. Надеюсь, у вас найдется объяснение, которое вас оправдает?

Естественно, у нас его не было, за исключением того, что мы проявили беспечность, а потом нам исключительно повезло. Но порой такое случается. А грозная фраза «На вашем месте я бы не улыбался» с тех пор вошла в фольклор Гриллсов.

Глава 15

Это были прекрасные, интересные годы. Но жизнь не может состоять из одних радостей, и это переносит меня к рассказу о школе.

Мальчиком я был полностью открыт миру и жаден до приключений, но при этом очень нуждался в тепле и любви родного дома. Это сделало меня совершенно неподготовленным к тому, что произошло дальше.

Родители решили, что английского мальчика будет правильно отдать в частную школу. Мне это казалось совершенным безумием. Я даже не умел завязывать шнурки ботинок.

Но родители считали, что воспитание в частной школе будет для меня самым подходящим, и с самыми лучшими намерениями отправили меня учиться и жить в школу, которая находилась далеко от дома. Я был в ужасе.

Когда мы подъехали к высоким воротам школы, я заметил слезы на папином лице. Это меня смутило – я не понимал, почему они все же решили отдать меня в эту закрытую школу. Инстинкт ничего мне не говорил, но что я мог знать? Мне было всего восемь лет.

Так я приступил к испытанию под названием «частная школа», к которому я совершенно не был готов.

Сказать по правде, мне приходилось очень трудно; конечно, в школьной жизни были свои радости и развлечения – например, сооружение крепости из снега, прием в теннисную команду, награждение морским значком, но, по существу, это была непрерывная и тяжелая борьба за выживание.

Труднее всего было справиться со страхом. Страх быть покинутым, страх, что к тебе станут приставать, задирать. Я действительно очень этого боялся.

Я понял, что сам не в состоянии справиться с этими страхами.

Надо сказать, что директор школы и учителя всегда относились к нам с добротой и заботливостью, но мне от этого не было легче.

Я очень быстро сообразил: для того чтобы здесь выжить, необходимо придумать какой-нибудь способ сопротивления, защиты.

Мой способ заключался в дурном поведении, обучению приемам драки с целью защиты от хулиганов, которые намеревались превратить меня в свою жертву. И еще я старался

не думать о доме. Но это очень трудно, когда ты только и думаешь о том, чтобы очутиться дома.

Я отчаянно скучал по маме и папе и порой, когда тоска становилась особенно острой, утыкался лицом в подушку, заглушая рыдания, в то время как вокруг меня все спали. Впрочем, не один я плакал, но мы научились скрывать слезы, а тот, кто этого не делал, подвергался издевательствам и насмешкам.

Ребенком ты только и можешь, что плакать, пока слез уже не останется, и лишь потом постепенно приучаешься стойко и твердо переносить невзгоды.

Я встречаю много людей, которые говорят, что закрытые школы отлично закаляют детей. Мне кажется, что это не совсем верно. Я и до школы был закаленным. Я научился любить и понимать природу, умел заставлять себя преодолевать трудности.

Но, оказавшись в школе, я испытывал один только страх. Страх заставляет тебя внешне выглядеть крутым, жестоким, но внутри делает слабым. Это было совершенно не похоже на то, что я знал ребенком дома.

На примере отца я видел, как хорошо быть веселым, уютным, домашним, но, если понадобится, проявить волю и решительность. В школе я все это забыл и усвоил новые методы выживания.

А поскольку мне было всего восемь лет, порой я выбирал не самые удачные приемы.

Глава 16

Помню, как все мы в спальне считали дни (как заключенные!), оставшиеся до следующей «отлучки» или до конца недели, когда нас заберут домой.

Господи, как же долго они тянулись и как же незаметно пролетали счастливые дни пребывания дома!

Когда школа закрывалась на каникулы, какая это была радость, когда папа и мама приезжали первыми из родителей и когда я видел, как папа прижимается своим большим носом к окну нашего класса, состроив глупую гримасу. Я смущался, но внутренне ликовал.

И напротив, какие душевные муки я переживал, возвращаясь в школу в воскресенье вечером. Легче было вынести отбор в САС… Так что мне было очень плохо, можете мне поверить.

По лицу папы, когда он отвозил меня в школу, я видел, что на душе у него еще тяжелее, чем у меня, и отчасти это утешало. Хотя я еще больше недоумевал: зачем же в таком случае меня определили учиться в закрытую школу?

Но еще больше, чем разлуки с домом, я боялся хулиганов.

Один или два старших, сильных парня выбирали себе жертвой несколько совершенно безобидных мальчиков. Драчуны превращали жизнь этих несчастных в настоящий ад. Они постоянно и безжалостно мучили и издевались над беззащитными малышами.

Став взрослым, я возненавидел издевательства сильных над слабыми. Стоит мне это увидеть, как я прихожу в ярость.

В том юном возрасте мне удавалось избежать опасности только потому, что я научился прятаться и не попадаться им на глаза. А желание съежиться и спрятаться – дурные эмоции для ребенка.

Как и большинство страхов, от которых человек страдает и в старшем возрасте, все они основаны на боязни того, что может случиться, а не того, что действительно случилось.

Но, если не говорить о драчунах и тоске по родителям, на самом деле в школе было не так уж плохо, и мне повезло получить прекрасное образование в одной из лучших школ, что имелись в нашем округе.

Директор и его жена были очень достойными людьми, искренно любившими каждого ученика. Но школа есть школа, и самое главное в ней – то, что происходит за спиной учителя.

К чести школы необходимо сказать, что в ней я научился не только прятаться от хулиганов – нас действительно учили

чувствовать себя маленькими гражданами с серьезными взглядами.

Нам разрешалось устраивать лагерь в лесу, учителя делали вид, что не замечают, когда мы крадучись убегали, чтобы соорудить себе еще и секретный лагерь в каком-нибудь отдаленном месте. Мы проводили настоящие чемпионаты по метанию в цель каштанов, предварительно неделями вымачивая их в уксусе, чтобы они затвердели. Раз в семестр у нас проходили чемпионаты по настольному теннису, к которым все относились с такой же серьезностью, будто это был Уимблдонский турнир.

Каждую субботу вся школа собиралась в зале, рассаживалась по скамейкам и смотрела классические фильмы времен Второй мировой войны на старой мерцающей пленке, после чего каждому выдавалось еженедельное угощение – плитка шоколада.

Я ломал ее на квадратики, растягивая удовольствие на несколько дней.

Все это было ужасно интересно. Казалось, будто мы живем в другом веке. Я уверен, что школа хотела создать у нас именно такое впечатление.

Это была «старая школа» в лучшем смысле этого слова.

Зимой мы катались на коньках по замерзшему озеру, но сначала бедный учитель латыни проверял крепость льда при помощи положенной на него лестницы. И меня в любую погоду отпускали совершать длительные экскурсии по окрестностям, что я всегда так любил. И учителя благополучно забывали о своем девизе «Здоровье и безопасность учеников».

Главное, нас учили заботиться друг о друге и мыслить благородно, а это очень важные для жизни качества, за что я до сих пор испытываю благодарность к моей школе.

Однако к концу пятилетнего пребывания в начальной школе я тоже осмелел и распустился. Однажды мы с однокашниками слишком забылись, и нас застали с поличным. Я был замечен во время попытки проникнуть в дом заместителя директора с целью кражи его сигар, после чего в спальне под подушками у нас нашли сигары, а в ботинках для регби бутылки с пивом.

Директор школы прямо объявил нам:

– Достаточно! Еще один проступок – и вас исключат из школы.

Каплей, переполнившей чашу его терпения, стал момент, когда меня застали во время поцелуя с девочкой, дочкой директора школы, в которой мы остановились на ночь, возвращаясь из туристического похода. Самое смешное, что пострадал я совершенно безвинно.

Нас, пятнадцать мальчишек, устроили спать на полу в

спортивном зале этой школы. А ночью дочка директора школы, подросток, под покровом темноты незаметно прокралась в нашу импровизированную спальню. (Отважная девочка осмелилась проникнуть в помещение, где было полно тринадцатилетних мальчишек!)

Я еще не заснул и случайно увидел, как девочка внимательно нас рассматривает, и вдруг она упала прямо на меня и прижалась губами к моему рту. В тринадцать лет я понятия не имел, что можно одновременно целоваться и дышать, поэтому вскоре я оттолкнул ее и стал судорожно глотать воздух. Она посмотрела на меня как на ненормального и убежала.

Но, выскочив из зала, наткнулась прямо на своего отца, который делал ночной обход, и, конечно, сочинила, что мы заманили ее в зал и что я попытался ее поцеловать!

Это было, как я сказал, последней каплей.

Меня и еще нескольких участников большинства наших лихих проделок вежливо попросили «оставить школу».

Но поскольку все это произошло в конце летнего семестра, не успели нас «исключить», как вскоре вызвали обратно. Родители провинившихся устроили совместный совет и пришли к выводу, что лучшим наказанием будет заставить нас провести в школе целую неделю летних каникул за учебниками по латыни.

И это дало желанные результаты.

Лично я это воспринял как истинное несчастье. И, навсегда покидая начальную школу, я принял твердое решение, что моим детям никогда не придется против желания уезжать для учебы из дома и что я сделаю все от меня зависящее, чтобы они росли, не зная страха.

Наверное, в бесплатной школе было бы не хуже, размышлял я.

Уж во всяком случае, там я не столкнулся бы с распутными директорскими дочками, которые наябедничали бы на меня.

Глава 17

Итонский колледж известен как лучшее учебное заведение в мире, поэтому учиться там престижно и немного страшно.

Но, как и всегда в жизни, здесь все зависит от тебя самого.

Лично мне действительно приходилось туго, но, с другой стороны, Итон помог мне сформироваться.

В отличие от многих привилегированных школ Итон ближе к университету, чем к колледжу. Там тебе предоставляют большую свободу – в том случае, если ты показал себя заслуживающим и достойным этой свободы. Мне этот подход нравился, поскольку позволял заниматься теми предметами, которые мне легко давались.

Но это было потом, а сначала…

Для нервного тринадцатилетнего мальчика Итон должен быть довольно внушительным и грозным заведением.

Я одновременно испытывал волнение и страх.

(Впоследствии благодаря множеству экспедиций и приключений я привык к такому смешению эмоций, но тогда впервые оказался в их власти.)

К счастью, я не единственный явился в колледж в таком состоянии. На самом деле мне очень повезло, что я оказался в окружении интереснейших личностей, что сыграло решающую роль в моем взрослении.

Я очень быстро обзавелся отличными товарищами, которые до сих пор остаются самыми близкими мне друзьями. Ведь это была дружба, завязавшаяся, так сказать, в траншеях, а ничто так крепко не сплачивает людей, как совместное сопротивление наглым задирам или спасение бегством.

Поразительно, каким маленьким и незначительным чувствует себя в Итоне новичок. Старшие ребята кажутся ему богами, сказочными гигантами.

Эти гиганты уже бреются, занимаются мастурбацией, их буквально распирает от гормонов, играющих в их крови.

В каждом «доме» живут пятьдесят мальчиков всех возрастов, от тринадцати до восемнадцати.

Новички по очереди приглашаются в общую комнату старших ребят (библиотеку), где их принуждают выполнить некий ритуальный обряд, представляющий собой плод странных и извращенных фантазий старших учеников.

Я оказался одним из первых. Как выяснилось позже, это было очень удачно – старшие ученики еще не вошли во вкус. Я

отделался довольно легко – меня заставили только поцеловать бутылку с молоком.

Поскольку до этого я целовался только однажды (я имею в виду дочку директора школы, что было сущим кошмаром), мне не удалось продемонстрировать на этой бутылке особое искусство. Старшим скоро наскучило на меня смотреть, и меня отпустили, снисходительно приняв в свое сообщество.

Освоился я довольно скоро и, к счастью, скучал по дому гораздо меньше, чем в начальной школе. Располагая свободным временем и правом использовать его согласно своим «интересам», я понял, что вполне могу снова заняться своими любимыми приключениями.

С двумя самыми близкими товарищами мы забирались на могучие дубы на территории кампуса, находили обезьяньи тропы по ветвям, перелетая с дерева на дерево по воздуху, не спускаясь на землю.

Это было невероятно увлекательно и здорово.

Вскоре мы оборудовали на вершине одного из могучих дубов настоящее логово Робин Гуда с качелями из ветвей, разными блоками для подъема и балансирами для ходьбы по толстым ветвям.

Мы переходили на другой берег Темзы по высоким перекладинам над железнодорожным мостом, сооружали плоты из старых плит полистирола и даже спустили на воду старую ванну, намереваясь отправиться в ней в плавание по реке. (К сожалению, ванна почти сразу пошла ко дну, поскольку в нее поступала вода через сливное отверстие. Урок на будущее: проверяй лодку, прежде чем отправиться в плавание по большой реке.)

Мы подглядывали за хорошенькими французскими девушками, работавшими на кухне, и даже устроили на крыше наблюдательные пункты, откуда следили за ними, когда они возвращались после работы. Несколько раз мы пытались с ними заговорить, но безуспешно.

Помимо разных проказ и развлечений, приходилось много заниматься учебой и еще одеваться в нелепый наряд, в который входили фрак и жилет. Я терпеть его не мог и ухитрялся быстро придавать ему обтрепанный, мятый вид. С тех самых пор во мне укоренилась привычка небрежно относиться к любой приличной одежде. Благодаря этому я заработал от заместителя директора прозвище Скаг. На итонском сленге это приблизительно означало «человек неряшливого вида и не имеющий авторитета».

Глава 18

Школьные порядки запрещали нам пренебрегать своим внешним видом, и, даже если мы собирались просто заглянуть в соседний городок Виндзор, мы обязаны были надевать блейзеры и галстуки.

Из-за этого мы становились жертвами насмешек со стороны местных ребят, которые находили истинное удовольствие в том, чтобы избить итонских «франтов».

Однажды в Виндзоре я зашел по малой нужде в туалет «Макдоналдса», который находился позади строения у лестницы. Не успел я расстегнуть молнию, как дверь распахнулась, и вошли трое парней весьма грозного и агрессивного вида.

Обнаружив одинокого тщедушного и «наглого франта» из Итона, они просияли, как золотоискатели, наткнувшиеся на крупный самородок, и я сразу понял, что попался. (Мои товарищи ждали меня наверху, да и вряд ли смогли бы мне помочь.)

Я попытался выскользнуть, но парни оттолкнули меня к стене и расхохотались. Затем они начали обсуждать, что со мной сделать.

– Засунуть его башкой в унитаз, – предложил кто-то.

«Ну, в Итоне это со мной уже проделывали», – подумал я. Так что это меня не пугало.

Потом кто-то предложил сначала туда испражниться.

Это меня уже встревожило.

Затем поступило убийственное предложение:

– Давайте побреем ему лобок!

Нет большего унижения для подростка, чем допустить, чтобы посторонние узнали, что у него отсутствует этот признак возмужалости, как это было у меня.

Это решило дело.

Я внезапно набросился на своих обидчиков, одного отпихнул к стенке, другого в сторону, выскочил в дверь и помчался со всех ног. Они кинулись за мной, но, влетев в «Макдоналдс», я сразу оказался в безопасности.

Мы с друзьями ждали внутри, пока не убедились, что эти разбойники ушли. Потом осторожно, крадучись, вернулись по мосту в школу. (Думаю, мы прождали больше двух часов. Страх заставляет проявлять большое терпение.)

Много неприятностей доставлял нам, младшим ребятам, шестиклассник из нашего «дома». Хотя он был настоящим бандитом, я не стану упоминать его имя, ведь сейчас он, возможно, респектабельный женатый человек и бизнесмен. Но в

те времена это был злобный, агрессивный парень с могучими мускулами, на которых выступали тугие жилы, кроме того, у него были маленькие бешеные глазки.

А нанюхавшись клея, он становился просто ненормальным.

У него была мерзкая привычка объявлять о том, что он вступил на тропу войны, оглушительным ревом в добытый где-то настоящий охотничий рог.

Одно время он выбрал себе в жертвы меня и Эдда, моего товарища из соседней комнаты, и, как только раздавался этот страшный рев, мы понимали, что пора смываться.

Помню однажды, услышав этот сигнал, мы с Эддом влетели в мою комнату и стали лихорадочно искать, куда бы спрятаться. Мы залезли в шкаф, скорчились там и молились Богу, чтобы он нас не нашел.

Рев рога все приближался, наконец дверь комнаты с грохотом распахнулась, и… настала тишина.

Мы боялись вздохнуть, а этот тип рыскал по комнате, тяжело дыша и бормоча проклятия.

Через какое-то время он прекратил переворачивать все вверх дном. Затем мы услышали, как он подошел к шкафу. Снова тишина.

Затем дверца резко распахнулась, и мы увидели своего мучителя с налитыми кровью глазами.

Мы закричали.

Он схватил нас за головы и сильно стукнул друг о дружку, отчего у нас потемнело в глазах. Несколько минут он швырял нас из угла в угол, а под конец применил к нам прием, который едва не вывихнул мне плечо.

Скоро ему это наскучило, и напоследок он пнул нас ногой, любезно объяснив, что это был прием ниндзя, после чего удалился.

И так изо дня в день. То преследование со стороны нашего главного мучителя, то тебя окунали головой в сортир, то отрывали от пола, держа за спортивные трусы, то прибивали вешалку для одежды к двери со стороны коридора…

Разница между страхом в Итоне и испытаниями в начальной школе заключалась в том, что здесь мне не приходилось встречаться один на один с этим демоном.

В Итоне мы держали оборону вместе с товарищами.

И каким-то образом все эти несчастья только укрепляли мой дух.

В конце концов все это мне надоело, и я решил во что бы то ни стало научиться защищаться.

Глава 19

Я поспешил записаться в секции карате и айкидо прямо в Итоне и полюбил особенности этих боевых искусств – сосредоточенность, чувство товарищества, а главное, овладение искусством борьбы, в которой против силы применяются хитрость и технические приемы.

Занятия меня страшно увлекали. Чтобы успешно овладеть этими видами борьбы, требовалось время и мотивация, а принимая во внимание охотничий рог, мотивация у меня была более чем основательная.

Вместе со мной в секции стали ходить и несколько моих товарищей. Сначала все они казались более подходящими, чем я, более сильными и гибкими, более плотного и крепкого телосложения, но через несколько недель они стали от меня отставать.

Порой, особенно зимой, очень трудно было заставлять себя в воскресенье вечером, когда остальные ребята играют в настольный теннис или смотрят телевизор, выходить в темный двор и тащиться в спортивный зал, где тебя два часа колотит ненормальный тренер.

Но я упорно продолжал ходить на занятия; для меня они стали чем-то вроде наркотика: я пристрастился к боевым искусствам, и очень рад, что занимался этим.

Однажды летом меня в составе команды каратистов Великобритании взяли в Японию. Это была мечта, ставшая явью.

Помню, мама провожала меня, и я взволнованно махал ей на прощание. Я был аккуратно одет в блейзер с галстуком, с пришитым к лацкану значком моей команды.

Там было полно ребят со всей Англии, занимавшихся карате, – никого из них я не знал.

Я сразу заметил, что они старше, крепче и смелее меня, и немного испугался. До Японии надо было так долго добираться!

Я тяжело вздохнул и уселся в уголке, чувствуя себя маленьким и жалким.

В нашей делегации были специалисты по борьбе карате самого разного типа – от лондонских таксистов до профессиональных бойцов. (Единственный выпускник Итона, попавший в команду, был Рори Стюарт, член парламента, который впоследствии прославился своим эпическим пешим переходом через Афганистан, а также тем, что в возрасте тридцати лет управлял одной из провинций оккупированного Ирака.) «Хорошенькая будет поездка», – уныло подумал я.

Но мне нечего было бояться, ребята сразу взяли меня под крылышко как самого юного члена команды, и посещение Токио для впервые уехавшего так далеко от дома подростка стало увлекательнейшим путешествием.

Нас отвезли в горы неподалеку от Токио, где разместили в тренировочном лагере.

Там мы стали обучаться и тренироваться под руководством сэнсэя Яхары, одного из самых уважаемых мастеров карате в мире. Ночью мы спали на полу в маленьких японских домиках, а днем занимались борьбой – настоящей и жестокой.

Тренировки были намного серьезнее тех, которыми мы занимались дома. Если мы допускали хоть малейшую ошибку в позе или стойке, то сразу получали сильный удар бамбуковой палкой дзё.

Мы быстро приучились даже в утомленном состоянии правильно вставать в стойку.

Вечером, после окончания тренировок, я спускался на две мили ниже по склону горы к маленькому домику у дороги, покупал хлеб, что-то вроде сладкого молочного кекса, и медленно съедал его по дороге в лагерь.

Затем я купался в горячем вулканическом ручье, давая расслабиться натруженным мускулам. И мне все это ужасно нравилось.

Потом мы вернулись в Токио, чтобы ехать домой, в Англию, и посмотрели там неофициальные тренировочные бои двадцати лучших бойцов в мире карате. Зрелище было захватывающим. Стремительным, порой жестоким, но при этом в движениях угадывалась какая-то поэзия.

Я еще больше «заболел» этим видом боевого искусства.

«Когда-нибудь я тоже стану таким мастером», – мечтал я.

Никогда не забуду переполнявшие меня гордость и ликование в тот день, когда меня наградили черным поясом.

До этого момента я тренировался целых три года, по четыре-пять раз в неделю.

Наконец наступило время сдавать последние экзамены, и мама приехала посмотреть на меня. Вообще ей не нравилось видеть меня во время боя, в отличие от моих друзей по школе, которые обожали бои, и чем больших успехов я добивался, тем больший восторг им доставляли эти бои.

Но у мамы была одна странная привычка.

Вместо того чтобы стоять на балконе, выходящем в спортивный зал, она устраивалась внизу, среди тех, кто хотел лучше видеть все происходящее на площадке.

Только не спрашивайте меня почему. Она-то ответит, что не выносит, когда меня бьют. Но я никогда не мог понять, почему она не оставалась снаружи зала, если ей так тяжело это видеть.

Я уже знал, что логика часто отсутствует в поступках моей мамы, зато ее сердце было полно любви и заботы, которыми светились ее глаза.

Так или иначе, но это был великий день. Я исполнил все положенные упражнения, после чего настало время для кумите – часть борьбы за право носить черный пояс.

Судить бой вышел сэнсэй Еноеда, европейский мастер. Я был возбужден и напуган – в очередной раз.

Бой начался.

Мой противник (первоклассный регбист из соседнего колледжа) и я обменивались толчками, блоками и ударами, но настоящий прорыв к победе пока никто не совершил.

Внезапно я оказался зажатым в углу и инстинктивно (или от отчаяния) нагнулся, круто повернулся вокруг своей оси и угодил стремительным ударом кулака прямо в голову противника. Он рухнул на пол.

Это было очень плохо. Такой исход показывал, что я в плохой форме и не держу себя в руках.

А главное – твоя задача не сбить противника с ног, а победить с помощью ударов, едва касающихся его тела, совершенных с такой стремительностью и техникой, которые ударяют, но не причиняют повреждений противнику.

Я поморщился, извинился и помог противнику подняться. Затем я посмотрел на сэнсэя Еноеду, ожидая увидеть осуждение, но вместо этого был встречен восхищенным взглядом. Он был похож на мальчика, которому вручили неожиданный подарок. Я понял, что ему, как бойцу, пришелся по душе мой выпад, и, следовательно, я выдержал экзамен и заработал черный пояс.

Никогда я не испытывал такой гордости, как в тот день, когда наконец-то получил черный пояс – ведь я уже имел желтый, зеленый, оранжевый, красный, коричневый и прочие цветные пояса. И я добился этой чести собственными силами и тяжким трудом – черный пояс невозможно приобрести за деньги.

Помню, наш инструктор сказал мне, что в боевых искусствах главное не пояса, а дух; и я с ним полностью согласен… но в ту ночь я не мог заснуть без моего черного пояса.

Да, чуть не забыл сказать! С этого момента меня перестали травить и запугивать.

Глава 20

К концу пребывания в Итоне я стал одним из самых юных каратистов, награжденных черным поясом 2-й дан, а это более высокий ранг, чем черный пояс.

Я начал заниматься и айкидо, что мне очень нравилось из-за большего количества приемов захвата и бросков. Хотя меня, подростка, восхищала физическая сторона карате.

После колледжа и во время службы в армии я перестал тренироваться карате каждую неделю, в основном потому, что после армейских занятий я возвращался слишком уставший. Перспектива очередных соревнований казалась мне достаточно далекой, чтобы поддерживать себя на прежнем уровне. Вместо этого я при каждой возможности старался заниматься ниндзюцу, айкидо или йогой, чтобы поддержать спортивную и боевую форму. В этих искусствах физическая сила применяется гораздо меньше, чем в карате, но для совершенного овладения ими требуется целая жизнь (жизненный путь). И пока что я нахожусь в самом начале этого пути.

А ведь все это началось с устрашающего рева охотничьего рога и последовавших за ним усиленных тренировок в субботние вечера.

Пожалуй, стоит рассказать еще одну историю из школьных лет, связанную с карате, – как я заработал сомнительную славу, врезав по мошонке будущему убийце.

Одновременно со мной в Итоне учился непальский принц Дипендра, которому тоже нравилось карате. Мы часто тренировались вместе и подружились, хотя порой он вел себя довольно странно.

Однако в бою с ним мне следовало проявлять некоторую почтительность – как-никак он был членом королевской семьи и в своей стране считался едва ли не богом.

Вместе с тем во время боя Дипендра внушал настоящий ужас своими угольно-черными усами и длинными, стянутыми в хвост волосами, к тому же он отличался буйным нравом, был старше и сильнее меня. Поэтому я считал себя вправе сражаться с ним изо всех сил.

Так вот, во время одного из боев я выбросил руку вперед, целясь ему в живот, но рука срикошетила и со всей силой угодила ему прямо в мошонку.

Ужас!

Мои глубокие извинения ему не помогли, и он целую неделю едва переставлял ноги.

Он возвратился к себе на родину и лет через десять окончательно потерял рассудок. Однажды, во время семейной ссоры под влиянием наркотиков и алкоголя, принц впал в такую ярость, что застрелил почти всех членов королевской семьи, которые сидели за столом.

Это был самый черный час для королевства Непал.

Глава 21

Занятия карате открыли передо мной великолепные перспективы развития и укрепления моих физических данных, – меня возбуждал этот вызов.

Мне хотелось достигнуть большего.

Я начал заниматься бегом, но необычным. Тяжело нагрузив рюкзак, я бегал по ночам на длинные дистанции, исходя потом. Я изнурял себя, порой до рвоты. Я исследовал пределы своих физических возможностей и на этом пределе чувствовал себя энергичным и бодрым. Я никогда не был быстрее, сильнее или лучше других в каком-либо виде спорта, но это только еще больше меня раззадоривало.

Меня постоянно подстегивало стремление работать через силу, и я обнаружил, что, если придется, я сумею добиться многого. Не знаю, откуда и как зародилась во мне эта жажда, но она у меня была. Я называю ее «жаром».

Может быть, таким образом я пытался найти свое место в большом новом мире. Может быть, этот жар появился во мне в результате разочарований, испытанных в детстве. Точно не знаю; знаю только, что мне удавалось сделать то, что ни у кого другого в школе не получалось, и это было здорово.

В частности, в отношении подъемов на высоту. Но не в горах. У меня появилось новое увлечение – забираться ночью на самые высокие школьные здания и на шпили на крышах.

Мне это безумно нравилось.

Я облазил все запретные места в школе и в окрестностях и оказывался проворнее любого охранника колледжа.

Помню, как-то ночью я сделал попытку забраться на купол, который находился на высоте в сто двадцать футов от земли, на крыше огромного здания библиотеки в классическом стиле.

Купол был покрыт свинцом, гладким, как мрамор, но одно слабое место у него было – вдоль купола тянулся провод громоотвода.

Сэр Рэналф Финне, ученик Итона, участвовал в конкурсе на решение задачи, как забраться на этот купол, и наконец выиграл его, придумав стремянку с множеством маленьких струбцин, которые он позаимствовал из столярной мастерской школы.

Я считал, что можно подняться и без дополнительных приспособлений, если только провод выдержит тяжесть моего тела.

В ночь первой попытки погода была ясной, на небе сияли звезды, и я тихо крался из сада в сад, по стенам, по дорожкам и

по ветвям деревьев, пробираясь к тыльной стороне здания. Со мной был сообщник, мой друг Эл.

Преодолев несколько крыш и водосточных труб, мы оказались недалеко от кровли библиотеки, откуда начинался купол. Но чтобы оказаться на самой крыше, до которой было шестьдесят футов, сначала предстояло забраться на выступающий вперед узкий карниз.

Для этого нужно было встать, опасно балансируя, на узкую воронку водосточной трубы, оттолкнуться, совершив большой прыжок, ухватиться за карниз руками и перебросить через него свое тело.

Это можно было совершить, лишь обладая отвагой и не боясь высоты.

Стоит промахнуться – и тебя ждало долгое падение на асфальт.

К тому же служба охраны натянула по краю крыши колючую проволоку, чтобы перекрыть доступ «верхолазам». (Видимо, это было сделано после предыдущих попыток Рэналфа Финнса взять крышу штурмом.) Но на самом деле колючая проволока только помогла мне подняться – было за что держаться.

После того как я перепрыгнул на крышу, наступил самый ответственный момент.

Определить начало громоотводного провода было легко – труднее было ухватиться за него.

Он выдержал мой вес, и я испытал бесконечную гордость, когда поднялся на крытую свинцом маленькую колокольню, черным силуэтом вырисовывающуюся в лунном свете, и рядом с инициалами Рэналфа Финнса вырезал на ее кровле свои инициалы «Б. Г.».

Такие мгновения торжества укрепляли мою уверенность в себе.

Я был не просто еще одним школьником, я был полон энергии и отваги, был самим собой, максимально использовал все свои способности.

И в такие моменты я понимал, что просто жизни себе не представляю без подобных приключений.

Думаю, я догадывался, что открыл в себе несколько своеобразные способности, но вместе с тем ощущение холодка под ложечкой будто говорило мне: «Так держать, Беар, так держать!»

Мой сообщник не полез через колючую проволоку, а нетерпеливо ждал меня внизу. Он сказал, что страшно переволновался, глядя на меня, и его признание сделало мое приключение еще более восхитительным.

На обратном пути мы благополучно прошли через сад одного из колледжей и тихонько добрались до середины следующего садика.

Мы присели на корточки за кустами в середине лужайки перед домом, выжидая момента, чтобы перебежать ее. Одно окно было освещено, очевидно, учитель работал, и мы решили, что пора отпустить его собаку поразмяться и справить свои дела. Собака сразу нас учуяла, остервенело залаяла, и на ее лай выбежал учитель.

Решающий момент.

– Бежим! – шепнул я.

Мы сорвались с места и помчались в дальний конец садика.

К несчастью, учитель оказался инструктором бега по пересеченной местности, так что проявил необыкновенное проворство.

Он бросился за нами, развив страшную скорость. Последним препятствием была десятифутовая стена, и мы, подстегиваемые адреналином, преодолели ее одним прыжком. Учитель был бегуном, а не прыгуном, мы увернулись от него и бросились бежать в темноту.

Последний взлет по водосточной трубе, соскок в открытое окно спальни – и я рухнул в постель.

На следующий день я ходил, не в силах стереть с лица ликующую улыбку.

Глава 22

В колледже я получил еще одно прозвище – Обезьяна (в дополнение к Беар (Медведь), которым благодаря моей сестренке Ларе меня звали с детства).

Так меня стал звать Стэн, думаю, из-за моей любви к лазанью по деревьям и зданиям. Мне не очень нравилось мое настоящее имя Эдуард: оно казалось мне скучным и слишком напыщенным, поэтому меня устраивали и Беар, и Обезьяна – оба эти прозвища сопровождали меня и во взрослой жизни.

Учась в Итоне, я продолжал свои ночные вылазки, и вскоре об этом стало известно. Я даже надумал приглашать людей на мои экскурсии.

Помню одну из таких экскурсий, когда мы собрались пройти под всем городом по старому коллектору. Под мостом я обнаружил решетку, ведущую в эти кирпичные трубы в четыре фута высотой, которые были проложены под улицами.

Жутковато было спускаться в кромешную тьму, не имея представления, куда ведут эти трубы, к тому же там царило нестерпимое зловоние.

Мы захватили с собой факел и пачку игральных карт, чтобы всовывать их в щели между кирпичами, отмечая наш путь. Наконец мы обнаружили люк, крышка которого поднималась наружу, вылезли и оказались в маленьком переулке сразу за домом директора школы.

Мне это понравилось. «Вот откуда течет все дерьмо», – помню, шутили мы тогда.

Но я мечтал об обычных восхождениях на горы, и вместе с Миком Кростуэйтом, моим будущим товарищем по покорению Эвереста, мы помогали вернуть к жизни альпинистский клуб колледжа.

Огромная заслуга Итона в том, что он поддерживает своих питомцев в их самых разнообразных увлечениях, какими бы безумными они ни казались. Будь то коллекционирование марок, основание клуба вина и сыра, альпинизм или жонглирование – если ученик имеет такое желание, колледж окажет ему любую поддержку и помощь.

Итон нетерпимо относился только к лени и безразличию. Как только ты увлекался чем-либо всерьез, тебе прощались все прежние грешки. Мне это нравилось: такое отношение не только поощряло самые дерзкие начинания, но придавало человеку уверенности в себе, что было очень важно для дальнейшей жизни.

И вот Итон разрешил мне всего в шестнадцать лет посещать

курсы будущих морских коммандос, с тем чтобы затем пройти отбор на звание офицера. Это были весьма напряженные трехдневные учения, во время которых мы занимались бегом, маршировали, совершали марш-броски с полной выкладкой, штурмы, учились уверенно ходить по натянутой проволоке (ну, это-то я умел!) и приобретали навыки командира.

В результате из двадцати пяти курсантов отбор прошли всего трое, в том числе я. В отчете говорилось: «Допущен к прохождению отбора: Гриллс физически развит, работает с энтузиазмом, однако ему необходимо избавиться от излишней беспечности». (К счастью для моей будущей жизни, я пренебрег этим советом.)

Удачное завершение курса вселило в меня уверенность, что в крайнем случае по окончании колледжа я смогу пойти по стопам отца и поступить в коммандос.

Еще мне повезло иметь фантастического заведующего пансионом, а хороший заведующий в Итоне определял очень многое.

Так вот, мне повезло.

Отношения с заведующим приблизительно такие же, как с директором маленькой школы. Он наблюдает за всей твоей жизнью в колледже, от спортивных и прочих игр до твоего выбора экзаменов, и, несомненно, он лучше всех остальных знает твои хорошие и дурные стороны.

Короче, он играет решающую роль в воспитании учеников.

Мистер Квибел был типичным представителем учителей старой школы, но у него было два выдающихся качества. Это справедливость и любовь к ученикам, а для того, чтобы подросток научился себя уважать, оба этих качества в его наставнике совершенно необходимы.

Но, боже, как мы заставляли его страдать!

Мистер Квибел терпеть не мог пиццу и городок Слау.

Частенько мы заказывали на его адрес лучшую пиццу из Слау, но не одну или две, а сразу штук тридцать!

Когда у его дома показывался рассыльный, мы все прятались за шторами и выглядывали в щелку, наблюдая, как мистер Квибел сперва с ужасом, а потом с яростью набрасывается на бедного курьера и прогоняет его, запрещая даже показываться ему на глаза.

Мы дважды устраивали этот розыгрыш, но затем компания по изготовлению пиццы догадалась, в чем дело, и перестала выполнять наши заказы.

В Итоне мы, среди прочего, при желании могли изучать

автомеханику. Выглядело это примерно так: мы находили старый драндулет, разукрашивали его, снимали глушитель и гоняли по полям, пока он не развалится.

Блеск!

Я нашел и приобрел за тридцать фунтов дряхлый коричневый «форд-кортина-универсал» и вместе с друзьями привел его в божеский вид. Поскольку нам было всего по шестнадцать лет, ездить по шоссе мы не имели права, но скоро мне должно было исполниться семнадцать, и я мечтал, что она будет моей первой законной машиной. Правда, для этого мне нужно было доставить машину в город для техосмотра, а потом отвезти в гараж. Поэтому со мной обязательно должен быть взрослый водитель с правами.

Я убедил мистера Квибела, что лучший для него способ провести воскресенье – это отвезти меня в ремонтные мастерские (которые находились в его «любимом» Слау). Накануне мне повезло отличиться во время игры в крокет, поэтому я числился у него на хорошем счету, и он согласился.

Однако стоило нам добраться до окраины Слау, как от двигателя валом повалил дым. Мистеру Квибелу пришлось на полную мощность включить обдуватели ветрового стекла, чтобы разогнать скопившийся в салоне дым.

Мы прибыли в мастерские с раскаленным докрасна двигателем, так что неудивительно, что машина не прошла техосмотр, причем механики заявили, что впервые видят машину в таком состоянии.

Автомобиль вернули для доработки, но этот случай показывает, каким добрым отцом был мистер Квибел для своих воспитанников, особенно для тех, кто по-настоящему к чему-то стремился. А я всегда был именно таким.

Не все мне удавалось, у меня не было каких-то особенных талантов, но любому делу я отдавался со всей страстью, а это дорогого стоило. Папа всегда говорил, что если я буду вкладывать в дело всю свою душу, то добьюсь успеха. Я всегда помнил его слова. И он был прав.

Другими словами, кому не нравится работать вместе с энергичными, увлеченными людьми?

Глава 23

Напоследок еще две истории из моих школьных лет… Одна из них о моем самом первом восхождении, совершенном зимой на самую высокую вершину Уэльса Сноудон, а вторая – о том, как я завоевал свою первую подружку. (Когда я говорю «подружку», имею в виду, что не раз целовал ее и что мы провели с ней около недели.)

Но сначала про Сноудон.

Поскольку восхождение планировалось на зимнее время, у нас с моим школьным товарищем Вэтти было в запасе целых два месяца, которые мы провели в подготовке и оживленном обсуждении экспедиции. Когда наконец пришло время отправляться в путь, наши рюкзаки оказались такими тяжелыми, что мы едва взвалили их себе на спину.

Урок первый: бери только самое необходимое, если не хочешь день и ночь таскаться по горам с тяжелым грузом.

Когда к вечеру пятницы мы прибыли в национальный парк Сноудон, было уже темно, и наша маленькая группа из нас двоих и молодого инструктора стала подниматься на гору навстречу оседающему туману. И, как это водится в Уэльсе, вскоре пошел дождь.

Под проливным дождем к полуночи мы добрались до небольшого озера, находящегося на половине пути к вершине, на берегу которого собирались устроить лагерь. Мы ужасно устали от того, что тащили тяжело нагруженные рюкзаки, и наспех поставили палатки. Это были старомодные палатки в форме буквы «А», не приспособленные к местным зимним ураганам, которые нужно было растягивать на колышках, и, как и следовало ожидать, часа в три ночи случилось неизбежное.

Внезапно раздался треск – это сломался один из кольев, поддерживающих верх палатки, и часть полотнища тента провисла внутрь.

Ну и ну!

Но мы слишком устали, чтобы вылезти и заменить сломанный кол, поэтому понадеялись, что как-нибудь обойдется.

Урок второй: сама собой палатка не приведется в порядок, каким бы уставшим ты ни был и как бы тебе этого ни хотелось.

Конечно, следом за первым под напором ветра треснул и второй кол, и не успели мы опомниться, как уже лежали, накрытые тяжелым мокрым брезентом, до нитки промокшие, озябшие и совершенно несчастные.

Последний и главный урок, усвоенный нами в ту ночь,

гласил: устраивая лагерь, помни поговорку «Поспешишь – людей насмешишь» и никогда не считай напрасным время, затраченное на обустройство надежного лагеря.

На следующий день мы добрались до вершины Сноудона, мокрые, замерзшие, но счастливые. Мое самое яркое воспоминание об этом восхождении – это как я раскурил трубку, одолженную у моего деда, и мы курили ее по очереди с Вэтти и нашим инструктором, укрываясь за пирамидальным пиком от страшного ветра.

Горы привлекали меня не только потому, что удовлетворяли мою рано проявившуюся страсть к сильным ощущениям, но и тем, что в них стираются все различия между людьми.

Мы, как равные, курили трубку вместе с нашим инструктором, что еще раз подтверждало мою инстинктивную догадку об особом характере крепкой дружбы, которая возникает между людьми в тяжелых испытаниях, в данном случае в горах. А это самое главное, что может быть в жизни.

(Еще лучше было то, что Вэтти приготовил табак в домашних условиях и для аромата пропитал его яблочным соком. Позднее из этого же яблочного сока мы сделали сидр, выпив которого Чиппер, парень из нашего «дома», отключился на целые сутки!)

Если сегодня меня спросят, почему мне так нравится покорять горы, я отвечу, что не ради адреналина и не для славы. В горах ты ощущаешь с людьми такую мощную и тесную связь и взаимопонимание, какие трудно найти в обычной жизни. Мне нравится, что в горах одежда и волосы становятся грязными и спутанными; мне нравится, что горы требуют от тебя полного напряжения сил, заставляют тебя сражаться, бороться. В них люди чувствуют себя полностью раскованными, свободными, они способны от души смеяться над какими-нибудь пустяками, подолгу наслаждаться закатом или следить за игрой пламени в костре.

И эта принадлежность к единому братству делает человека очень сильным.

Ну а теперь перехожу ко второй истории, касающейся девушек.

Вернее, их недостатка.

Глава 24

При всех достоинствах Итона ему серьезно недоставало девушек. (Если не считать француженок, работавших на кухне, ради которых по вечерам мы торчали на крыше и поджидали, когда они пройдут мимо.)

Так что, кроме изредка навещавшей своего отца, преподавателя класса кларнета, красавицы Лейлы, поухаживать было не за кем. (Кстати, я сам был безумно влюблен в нее, но она вышла замуж за одного из моих лучших друзей по Итону, Тома Амиса, и все ему страшно завидовали. Прекрасная была пара! Но мы отвлеклись.)

Как я сказал, в остальном нам просто не на кого было глаз положить.

Все мы переписывались с девушками, которых едва знали и видели только один раз, но, если честно, эти знакомства носили характер романтических бредней.

Вот я действительно познакомился с довольно симпатичной девушкой, которая, как я узнал, посещала школу, расположенную сравнительно недалеко от Итона. (То есть примерно в тридцати милях.)

Однажды в воскресенье я попросил у приятеля его древний проржавевший велосипед с одной передачей и отправился к ней на свидание. Час за часом я кружил по городку, разыскивал ее школу, и ехать становилось все труднее, не только в смысле управления велосипедом, но даже крутить педали, так как заржавленная цепь едва проворачивалась, скрипела и стонала.

Наконец, весь покрытый потом, я добрался до ворот школы.

Оказалось, что это школа монастырская, которой заведуют монахини.

Ну что ж, подбадривал я себя, во всяком случае, они наверняка добродушные и легко меня пропустят.

Это было моим первым ошибочным заключением.

Встретившись с девушкой в заранее оговоренном месте, мы пошли бродить по чудесному лесу. Я собирался с духом, чтобы обнять ее за плечи, но тут позади послышался свист и пронзительный крик.

Я обернулся. К нам бежала монахиня, она-то и кричала, в сопровождении громадной немецкой овчарки.

Девушка испуганно посмотрела на меня и велела спасаться бегством, что я благоразумно и сделал. Мне удалось убежать, и я пустился в обратный путь на этом несчастном велосипеде. Я с трудом прокручивал педали и думал: «Бедная Нора! Вот уж не

думал, что выйдет такая история».

Но я не сдался.

Вскоре я узнал, что отличная возможность познакомиться с девушками имеется у членов Итонского клуба «Строберри крикет». В эту команду записывались неплохие игроки в крикет, которые не хотели заниматься этим видом спорта всерьез.

Дело в том, что они проводили встречи не с другими школьными клубами, а с командами из местных жителей, для поддержки которых являлась вся женская половина городка. Матчи проходили невероятно интересно, к тому же наши игроки появлялись на поле в ярко-розовых футболках, и все вместе воспринималось как веселое развлечение.

Я оценил идею и сразу записался в этот клуб.

У нас установился обычай, что игрок команды, который первым подходит к бите, предварительно должен выпить некоторое количество спиртного, которое команда выпрашивала, одалживала или воровала заранее.

В том матче, о котором идет речь, первым был я; из чьей-то спортивной сумки была извлечена огромная банка с сидром. Я опустошил ее, вышел на поле и занял свое место, стараясь твердо держаться на ногах.

В воздухе просвистел первый мяч, я широко замахнулся битой и ловко отбил его. «Отлично! – подумал я. – Попробуем повторить».

В воздухе показался второй мяч, и, пытаясь его отбить, я промахнулся, силой инерции меня закрутило, после чего я рухнул на пятую точку. Позор!

Я ушел с поля и встал у кромки. И тут обратил внимание на красивую девушку в легком летнем платье, которая пила из банки колу и улыбалась мне. Из-за проклятого сидра я и так едва стоял на ногах, а теперь они стали просто ватными.

Мы разговорились. Я узнал, что ее зовут Татьяна и что ее брат играет в команде наших противников. Мой рассказ о том, как я отбивал мяч, здорово ее развеселил.

В довершение всего оказалось, что ей двадцать лет, то есть на два года больше, чем мне, и что учится она не в школе при монастыре, а в университете в Германии.

Назавтра был уик-энд, то есть свободные от занятий дни, и я планировал с десятью школьными друзьями съездить домой на остров Уайт. Я храбро спросил Татьяну, не согласится ли она поехать с нами. (Во мне играло возбуждение от моего провала и сидра, и я сам себе не верил, что осмелился ее пригласить.)

Она согласилась, и не успел я опомниться, как мы оказались у нас дома. В тот день родители куда-то уехали. И мы оказались

одни – десять моих товарищей и эта красивая девушка, которая почему-то ни на шаг от меня не отходила.

Для меня все это было в новинку.

Выходные прошли изумительно. Тридцать шесть часов я только и делал, что целовался с Татьяной, и она даже провела в моей постели целых две ночи.

Просто невероятно!

К сожалению, затем она вернулась в Германию, и на этом наш роман закончился. Думаю, у нее появился новый кавалер.

Но на самом деле подобная удача редко выпадает ребятам, которые учатся в мужской школе. А если такое и случается, то остается только благодарить свою счастливую звезду.

Глава 25

Помимо знакомства с девушками, в последние годы пребывания в школе я обрел веру в Бога, и она так глубоко укоренилась в моей душе, что с тех пор никогда меня не покидает.

Я очень благодарен за этот дар. Вера дала мне настоящий якорь в жизни и втайне поддерживала меня в многочисленных приключениях.

А пришла она ко мне очень просто, в один из обычных школьных дней, когда мне было всего шестнадцать.

Мальчиком я находил веру в Бога чем-то естественным. С этой верой мне было очень уютно и спокойно: я не задавался никакими вопросами и воспринимал Христа как своего близкого друга, с которым я делился своими радостями и горестями.

Но в школе мне пришлось слушать множество церковных служб на латыни, которые монотонно бубнили священники, и я вдруг подумал, что, вероятно, не совсем верно понимал веру.

Может, Бог вовсе не был сокровенным, все понимающим другом, с которым ты доверчиво беседуешь в душе, а больше походил на церковь… был таким же нудным и утомительным, нетерпимым и требовательным, и даже ненужным.

На самом деле, если все это можно сказать о церкви, то сама вера – дело совсем иное. Но я беспечно и без лишних размышлений отбросил от себя вместе с этой скукой и прелесть истинной веры. Если церковь вызывает отвращение, то и вера не лучше, решил я.

Внезапно возникшее заблуждение, что поскольку я уже вырос, то теперь должен «верить» как взрослые, отняло у меня бесценную, естественную, инстинктивную веру, которую я знал ребенком.

Ведь что, собственно, ребенок знает о вере?

Так что в школе я относился к ней довольно равнодушно, как вдруг смерть моего крестного Стивена заставила меня по-настоящему задуматься и вновь обрести мою веру в Бога.

В жизни часто происходят события, которые дают толчок для размышлений о том, кто ты есть и для чего живешь на этом свете.

Стивен был самым близким другом моего отца, а мне – вторым отцом. Он приходил к нам на все семейные праздники и летом почти все выходные проводил у нас на острове Уайт, ходил на лодке вместе со мной и отцом. Он скончался совершенно неожиданно и скоропостижно, от сердечного приступа, который застал его в Йоханнесбурге.

Я был глубоко потрясен его смертью.

Помню, я забрался высоко на дерево, уселся на ветку и произнес самую простую, идущую из глубины сердца молитву:

– Прошу тебя, Господи, утешь меня! Развей мою тоску…

И Он помог мне.

С тех пор я стараюсь жить так, чтобы ничто – ни викарии, ни церковь – не смогли смутить и усложнить мою чистую и простую веру. И чем больше я узнавал о христианской вере, тем больше понимал, что, по существу, она очень проста и бесхитростна. (Какое облегчение я потом испытал, когда узнал, что в мире существуют большое количество общин верующих, связанных искренними, чистыми и преданными дружескими отношениями, и это мне всегда помогало и поддерживало меня!)

На мой взгляд, христианская вера воплощает в себе нравственные устои и моральную поддержку, утешение и прощение, силу духа и любовь, но почему-то от большинства из нас ускользает истинный смысл веры, и обычно мы скорее с раздражением думаем о религиозных фанатиках или о Боге из наших бесконечных школьных молитв.

Никто в этом не виноват, просто так уж устроена жизнь. Но мы всегда должны быть открытыми и великодушными, чтобы однажды всем сердцем откликнуться на просьбу о помощи.

Странно, но я не встречал человека, который не нуждался бы в любви, в поддержке или в прощении. Вместе с тем я знаю многих равнодушных к религии людей. Я испытываю к ним огромное сочувствие. Но так делал и сам Иисус. Собственно, Он не только сочувствовал, а делал гораздо больше. Скорее, кажется, что Иисус явился на землю с целью разрушить культ религии и подарить людям жизнь.

Вот то сокровенное, что я обрел подростком. Христос приходит, чтобы освободить нас, подарить нам жизнь во всей ее полноте. Он существует для того, чтобы прощать нас, когда мы допускаем ошибки (а кто из нас не ошибается?), и быть главной опорой нашего существования.

Вера в Бога всегда служила мне мощной поддержкой, придавала сил идти вперед, когда я ослабевал. Нет ничего удивительного в том, что в ту ночь, когда я сидел на дереве, почувствовал, что наткнулся на нечто важное и прекрасное.

Я нашел призвание своей жизни.

Я в большом долгу перед некоторыми близкими школьными друзьями, особенно перед теми, кто в первое время помогали мне укрепить мою веру. Они помогали мне, направляли меня на верный путь и с тех пор всегда находятся рядом со мной: это замечательные ребята Стэн, Эд и Том.

А остальные мои товарищи по школе – Мик, Эл, Вэтти, Хьюго и Сэм – считали, что это моя вновь обретенная христианская вера есть только бесполезная трата времени, когда речь идет о девочках!

Кстати, о девушках. Если это представляет для вас интерес, то признаюсь: только благодаря вере я не тронул ту девушку, что ездила со мной на остров Уайт, а лишь целовался с ней. (Хотя, честно говоря, мне стоило больших усилий устоять против искушения!)

И хотя все мои друзья сочли меня ненормальным, я принял тайное решение сохранить свою невинность для будущей жены.

Но это уже совершенно другая история…

Глава 26

Вот таким был для меня Итон, и сейчас я вспоминаю о нем с огромной благодарностью за прекрасное образование, которое он мне дал; испытываю глубокую признательность папе, который много и напряженно работал, чтобы иметь возможность отправить меня в этот колледж.

Я так и не поблагодарил его – но надеюсь, он знает, как я ему благодарен за все, что он для меня сделал.

Итон преподал мне несколько важных уроков: научил дорожить дружбой с близкими по духу людьми и помог осознать, как прекрасно чувствовать рядом плечо друга. Там я понял, что наша жизнь будет такой, какой мы ее сделаем. А с пониманием этого приходит и сознание своей ответственности за собственную жизнь.

Никто не в силах построить твою жизнь. Каждый из нас должен пройти свой собственный путь, не бояться жизни, а строить ее самостоятельно.

Пребывание в Итоне развило во мне одну черту характера, которая представляется мне типично английской: склонность потакать своим слабостям, ничем себя особо не утруждать, проводить дни в веселых проказах и дурачествах, но, когда нужно, проявлять несгибаемую волю и стойкость.

Думаю, эта черта восходит к благородному образу Алого Первоцвета, совершавшего свои героические деяния втайне от всех. (Кстати, думаю, не случайно в САС так много старших офицеров являются выпускниками Итона. Как иначе объяснить тот факт, что положение человека в этой системе определяется исключительно его способностями? Никакие школьные связи не помогут вам попасть туда. Это можно заслужить только упорной и тяжелой работой. С другой стороны, и сама САС привлекает людей определенного склада. Там предпочитают иметь дело с натурами независимыми, умеющими мыслить самостоятельно и неординарно, даже если они не обладают явными способностями к нужному делу – их можно выявить и развить в процессе обучения. Точно так же ценят эти качества и в Итоне.)

Для большинства англичан характерны усердие в труде, азарт в игре, сдержанность в поведении, самозабвенная увлеченность своими интересами, умение критически взглянуть на себя со стороны и с юмором оценить свои слабые стороны, а в случае необходимости стоять насмерть.

Я обнаружил, что мне нравятся эти свойства в других, и

подсознательно воспитывал их в себе.

Однако нужно сказать, что в одном отношении во время учебы в Итоне я оставался самим собой: как бы мне ни будет интересно и весело, в душе я всегда с нетерпением ожидал каникул, когда можно было приехать на остров Уайт к родителям и любимой сестре.

Сердцем я всегда стремился домой.

По мере взросления раздвигались границы моего мира.

Мама помогла мне купить подержанный красный мопед в секонд-хенде[6] (на самом деле, казалось, что он прошел через восемь рук), который был моделью для взрослых, но с маленькими колесами.

С тех пор я разъезжал на нем по нашей маленькой деревне, навещая друзей, и в город на занятия в спортивном зале. (Я нашел серьезный клуб тяжелоатлетов и посещал его при любой возможности.) Вечером я ездил на мопеде на берег, таскался с ним по грязным проселочным дорогам.

Я наслаждался свободой, которую мне давало это скромное средство передвижения.

Мама всегда была щедра по отношению ко мне и Ларе, и благодаря этому у меня развилось здоровое отношение к деньгам. Мою маму, независимую, веселую, чудаковатую, невозможно было обвинить в скупости: она готова была все отдать людям. Иногда это вызывало досаду – вдруг ей приходило в голову отдать какие-либо наши вещи посторонним, потому что они «больше в них нуждаются». Но чаще всего она изливала свою щедрость на нас, и это создавало приятную атмосферу в доме.

Словом, ее щедрость как бы гарантировала, что, повзрослев, мы не станем скупыми и жадными до денег.

Она учила меня: прежде чем что-то получить, ты должен что-то отдать, а деньги подобны реке – если ты станешь их копить и прятать, то, как вода в запруде делается стоячей и затхлой, так и жизнь твоя станет отравленной и прогнившей. Если же предоставить реке свободно струиться по руслу, ты научишься легко расставаться с вещами и деньгами, тогда и река будет полноводной, и вознаграждение за твою доброту будет щедрым.

Мне нравилась цитата, которую она однажды привела мне: «Когда у тебя скудеют запасы, сразу посмотри, нет ли чего, чтобы отдать ближнему». Это вселенский закон: чтобы получить добро, сначала ты сам должен сделать кому-то добро. (И конечно, это относится к любви и к дружбе.)

Еще мама всегда очень терпимо относилась к моим необычным увлечениям. Когда я через один журнал нашел школу

ниндзюцу, я решил тренироваться там. Беда в том, что школа размещалась в весьма запущенном здании городского совета, которое находилось на другом конце острова. Это было еще до появления у меня мопеда, и бедная мама каждую неделю возила меня в школу и… дожидалась окончания тренировок. Кажется, я ей даже спасибо не говорил.

Так что благодарю тебя, мама, сейчас… за те времена и за многое-многое другое.

Кстати, иногда оказывается очень полезным – владение приемами ниндзюцу.

Глава 27

Зимой на острове Уайт жизнь затихала, оставались только местные жители: с бурного моря постоянно задували сильные ветры.

Меня это устраивало тем, что я мог в одиночестве лазать по горам, ходить на тренировки и вообще проводить целые дни на открытом воздухе, без чего я уже и жить не мог.

А летом на острове начиналось настоящее столпотворение: на каникулы и в отпуск люди приезжали сюда со всей Англии целыми семьями и селились в коттеджах. Сразу оказывалось множество ребят моего возраста, с кем можно было дурачиться, ходить в море и бродить по горам. Тогда остров мне нравился еще больше.

С наступлением темноты мы тайком от взрослых выбирались из дому и бежали на берег, где устраивали барбекю, жгли костры и пили незаконно приобретенные напитки. (В пятнадцать лет чаще всего это была большая бутыль сидра, позаимствованная у кого-нибудь из родителей в надежде, что они не заметят исчезновения.)

Разведя огромный костер, мы усаживались вокруг на песке, по очереди отпивали из бутылки, швыряли в море камешки и болтали о том о сем. Это было здорово.

Моим самым близким другом на острове был Мик Кростуэйт. Мы вместе учились в Итоне, позднее служили в армии, поднимались на Эверест и бороздили волны Атлантического океана на севере, в районе Арктики. Но по-настоящему мы подружились на острове.

Незаметно выскользнуть из дому было относительно легко. Из окна спальни я вылезал на покатую крышу и спускался по ней до водосточной трубы, а потом оставалось только соскользнуть по этой трубе длиной в двенадцать футов прямо на лужайку.

По сравнению со школой пустяки.

Мама с папой приходили пожелать мне спокойной ночи, потом выключали свет и уходили, закрыв за собой дверь, думая, что я засыпаю.

А тем временем я убегал на берег, где меня ждала потрясающе интересная жизнь. Именно здесь я подростком впервые поцеловал девочку, которая мне очень нравилась: мы сидели с ней на скамье и смотрели на море, и это было прекрасно!

Иногда мы встречались не на берегу, а дома у кого-нибудь из ребят. (Из тех, у кого родители были более либеральные, чем

мои, и не возражали, если на втором этаже ватага ребят до четырех утра смотрит фильмы, реагируя на острые моменты буйными воплями. Мои родители никогда бы этого не разрешили.)

Однажды все мы увлеклись стриппокером.

«Вот это да!» – с восторгом подумал я.

На самом деле это был даже не покер: получаешь козырь и снимаешь какой-нибудь предмет одежды. Как-то вечером я решил немножко смухлевать для того, чтобы остаться вообще без одежды, сидя рядом со Стэфи, той самой девушкой, которая мне нравилась.

В начале игры я ловко уселся рядом со Стэфи и старательно подобрал нужную комбинацию карт. Но к моей досаде, девушка скоро поменялась местами с парнишкой, который подошел позже, и я, расстроенный и смущенный, оказался сидящим нагишом рядом с Миком. (Это навеки отбило у меня всякое желание мошенничать.)

Мои попытки завести себе девушку по большей части оказывались неудачными.

Если мне действительно нравилась какая-нибудь девушка, в конце концов она всегда уходила к другому парню, потому что я никак не мог набраться храбрости признаться в своей симпатии и спросить ее, как она ко мне относится.

Помню, как-то раз в конце лета один мой приятель приехал отдыхать на остров и через сутки уже лежал в постели с девушкой, за которой я ухаживал все каникулы!

Я не мог этому поверить! Черт возьми, что он сделал такого, чего не сделал я?

Я обратил внимание на его ковбойские коричневые ботинки из нубука, поэтому пошел в секонд-хенд и купил себе такую же пару, но выглядел в них довольно глупо. В дополнение к моему огорчению, этот приятель решил подробно описать мне все то, чем они занимались в постели.

О, ужас!

На этом мои попытки приобщиться к разврату закончились.

Глава 28

Никогда не забуду, как в начале каникул я охотился за письмами из школы с отчетами учителей и оценками за экзамены.

Я старался первым забрать из пришедшей почты казенный пакет и убегал с ним в конец нашего сада, где рос громадный сикамор с могучим стволом.

У него была потрясающая крона, словно специально созданная для лазанья. За многие годы я здорово наловчился и в считаные секунды забирался на самую верхушку, откуда была видна вся наша деревня.

Ни один из моих друзей не отваживался влезть туда со мной, потому что самые верхние ветви начинали опасно раскачиваться и гнуться.

Но мне как раз это-то и нравилось.

Удобно устроившись в развилке между толстыми ветвями, я вскрывал пакет и в спокойном уединении знакомился с документами, стараясь представить последствия их содержания.

Что ж, пусть я провалил очередной экзамен по математике, а учитель латыни жалуется, что я отвлекаю учеников своим дурацким хихиканьем, но все равно отсюда мир выглядит удивительным и прекрасным.

И к тому моменту, когда я спускался, я уже ко всему был готов.

Впрочем, хотя наряду с похвальными отзывами учителей хватало и порицательных, я не опасался гнева родителей. Ведь мама с папой все равно любили меня, и это очень помогало: мне не нужно было притворяться не таким, каким я был на самом деле, и я спокойно занимался тем, что мне нравится.

Я никогда не боялся провалов и неудач, поскольку меня за них не наказывали.

И жизнь была похожа на путешествие – с веселыми приключениями по дороге. Я не ставил себе больших целей – например, сдать все экзамены только на «отлично» или попасть в состав лучшей команды. (Ведь папа никогда не отличался особенными успехами в спорте и в учебе, однако преуспевал и был очень любим окружающими. Для меня этого было достаточно.)

Он часто говаривал, что главное – это «следовать своей мечте и не забывать заботиться о семье и друзьях». Таковы были его взгляды на жизнь, и я надеюсь передать их по наследству своим сыновьям, когда они вырастут.

На этой жизнерадостной ноте я снова укладываю историю о школьных сообщениях в закрома памяти.

Напоследок еще одна история из моей подростковой жизни на острове. Однажды я совершал пробежку на очень длинную дистанцию и на последней миле по дороге к дому почувствовал, что дальше бежать просто не могу.

Дело в том, что с самого начала какой-то внутренний шов моих шортов здорово натирал мне ноги в области паха. Предыдущие восемь миль я кое-как терпел эту боль, но теперь она стала невыносимой. Стоял поздний и теплый летний вечер, улицы были пустыми, поэтому я снял шорты и помчался домой голышом.

Не успел я пробежать и сотню ярдов, как сзади послышался вой полицейской сирены.

Я не поверил своим ушам!

За всю свою жизнь я ни разу не видел на острове полицейской машины. Участок в деревне был, но он всегда стоял закрытым и действовал лишь в качестве перевалочного поста для копов, а своей машины здесь никогда и не было. Ближайшее действующее отделение полиции находилось в тридцати милях отсюда.

И надо же, чтобы она оказалась в деревне именно сейчас!

Автомобиль затормозил рядом со мной, и офицер указал мне на заднее сиденье:

– Залезай! Живо!

Забравшись в салон, я хотел объясниться, но мне велели замолчать и доставили в отделение.

Я настоял, чтобы меня выслушали, и самым серьезным образом объяснил, что я никакой не любитель бегать голышом и тем более не извращенец. В доказательство я показал им натертую до крови полоску кожи в паху.

Наконец, сделав мне внушение, меня отпустили.

Так что теперь вы знаете обо мне все: я был арестован за появление в общественном месте в голом виде, мне случалось проваливать экзамены, я так и не завел себе девушку, зато у меня была неуемная жажда приключений и любовь моей семьи.

Я был готов – если это вообще возможно – вступить в большой и опасный мир.

Глава 29

В первое лето после окончания колледжа я понял, что для того, чтобы повидать мир, мне нужно заработать денег.

С юных лет я привык немного подрабатывать, то разноской газет на острове Уайт, то продажей в школе домашнего сидра из яблочного сока. (Вэтти, большое спасибо за прекрасный рецепт!)

И вот я с энтузиазмом принялся за работу, помогал маме продавать стационарные фильтры для воды, обходя все дома на острове. Это была тяжелая и неблагодарная работа, но все-таки большое количество друзей и знакомых моих родителей соглашались уделить мне полчаса своего времени, выслушивая мои объяснения о пользе употребления воды без хлора.

Довольно часто случалось, что при установке фильтров плохо подогнанные соединения не выдерживали напор воды, и она заливала кухню, что стоило мне значительной части моих доходов. Но я не унывал и за лето сумел заработать столько, что мне хватило на поездку по Европе интеррейлингом[7].

Поезд отправлялся в путь с наступлением ночи, и я мирно спал в своем купе, а утром оказывался в новом городе, так что мне удалось ознакомиться с несколькими европейскими столицами. Но довольно скоро меня стали угнетать суета и шум крупных городов.

В Берлине я спрятал свой тяжелый рюкзак за мусорными контейнерами, а сам отправился налегке осматривать город. Вернувшись за рюкзаком, я увидел роющегося в нем какого-то бродягу.

Я с криком побежал к нему.

Он выхватил из рюкзака мой нож для подводного плавания и стал неистово им размахивать. К счастью, он был очень пьян, и мне легко удалось его обезоружить. Но от пережитого страха и возбуждения я схватил рюкзак и бросился бежать.

Эта встреча стала для меня последней каплей. Мне надоело видеть серое небо над городами Северной Европы и спать в вагоне.

Меня потянуло к морю, песку и солнцу.

Я спросил, до какого морского курорта можно добраться поездом, и мне назвали Сен-Тропе.

Отлично!

Сен-Тропе – это маленький городок на южном побережье Франции, излюбленное место отдыха знаменитостей и богачей. В тот момент я определенно не был богатым (мои деньги таяли с каждым днем), а тем более знаменитым, однако без колебаний

двинулся на юг и сразу почувствовал себя лучше.

Как только я оказался в этом городке, унылый и серый Берлин показался мне страшно далеким. Правда, очень быстро выяснилось, что дешевое жилье в Сен-Тропе найти практически невозможно, а дорогое было мне не по карману. И все-таки я решил, что это место стоит того, чтобы провести в нем последнюю неделю перед тем, как возвращаться домой.

Побродив по городку, я наткнулся на церковь с колокольней и свернул в тихий переулок с тыльной стороны.

Я посмотрел вверх. До крыши церкви можно было легко добраться по водосточной трубе, которая выглядела очень крепкой и надежной, а от нее по вертикальной стене колокольной башни тянулся провод громоотвода.

Замечательная вещь эти громоотводы!

Удостоверившись, что меня никто не видит, я осторожно поднялся вверх по водосточной трубе, а затем по громоотводу забрался на колокольню высотой в несколько сот футов.

Место оказалось замечательным. Отсюда открывался прекрасный вид на живописную набережную с множеством кафе и ресторанов, заполненных шумными толпами туристов и отдыхающих. В башне было достаточно места, чтобы лечь во весь рост. Я распаковал рюкзак, и бетонная площадка восемь на восемь футов стала моим временным жилищем.

Но я не учел две вещи. Во-первых, обитавшей в колокольне огромной стаи голубей. А во-вторых, тот факт, что каждый час колокол принимался усердно звонить. С голубями пришлось смириться (я даже подумал, что, если у меня выйдут все деньги, я смогу пообедать голубем), но выносить оглушительный бой колокола над самой головой было просто невозможно.

В три часа первой же ночи я с помощью фонарика нашел предохранитель для автоматического включения боя и временно остановил городские часы, после чего заснул сном младенца.

Днем я часами плавал в изумительных бухточках и заливах, а потом бесцельно бродил по маленьким улочкам, время от времени выпивая в кафе чашечку кофе.

Я наслаждался всей душой.

Но вскоре мои финансы окончательно истощились, дав мне понять, что пора возвращаться домой.

Отправляясь в поездку, я обещал своему другу Стэну, что, прежде чем вернуться домой, приеду к нему в Румынию, где он помогал в строительстве детского дома, которое затеяла маленькая местная церквушка. В то время Румыния принадлежала к восточноевропейскому лагерю, и на каждом шагу

бросалась в глаза нищета ее жителей.

Эта миссия во многом изменила мои взгляды на жизнь – я впервые осознал, как благополучно живем мы, англичане.

На ночь нас гостеприимно по очереди приглашали в свои дома прихожане этой церкви. Днем мы помогали возводить детский дом: клали кирпич, просеивали песок, а по вечерам участвовали в благотворительных мероприятиях в пользу церквушки. В основном они имели целью привлечь в церковь цыган, к которым большинство местного населения относилось с неприязнью и предубеждением.

За время пребывания в маленькой деревушке я понял, что, как бы трудно мне ни приходилось, я просто не имею права жаловаться на свою жизнь и что отныне стану стараться быть в отношениях с людьми приветливым и благодарным. А главное, я навсегда запомнил доброе и заботливое отношение к нам тех, кто был так небогат.

С тех пор я часто встречал со стороны людей по всему миру эту бескорыстную щедрость и доброту, что всегда помогает мне быстро восстановить силы.

С другой стороны, их святая доброта заставляет меня критически взглянуть на себя со стороны и отметить, что я слишком часто грешу самодовольством.

Как говорится, виновен по всем пунктам.

Глава 30

В возрасте шестнадцати лет я познакомился с одним человеком, который на всю жизнь стал мне одним из самых близких друзей.

Чарли Маккейзи несколькими годами старше меня, но это не отражалось на наших проделках.

В течение первого года после окончания колледжа, когда я снимал маленькую комнату в квартире своей сестры, мы с Чарли часто ездили в Лондон.

Мы часами слонялись по городу, заходили на спортивные площадки в парках и кувыркались на брусьях, покупали громадные сэндвичи с беконом, авокадо и томатами и выпивали множество пакетов с соком – в надежде выиграть пять тысяч фунтов, если попадется пакет с игрушкой Гарри Лайм.

Вот с тех пор и зародилась наша крепкая дружба.

Чарли был шафером на нашей с Шарой свадьбе и крестным отцом моего первого сына Джесса. (Я все еще надеюсь стать шафером на его свадьбе – девушки, слушайте и дерзайте! Он того стоит!)

В возрасте, когда я формировался как человек, Чарли помог мне понять, что к жизни и к себе не стоит относиться слишком серьезно и что главное в жизни – это свобода. Чарли был первым из моих знакомых ребят, кто действительно вел такой образ жизни, который привлекал и меня. Он тоже не заботился о своем внешнем виде, частенько спал под открытым небом, тонко подмечал все смешное и нелепое и обожал лазать по деревьям.

За многие годы мало что изменилось – наверное, у нас прибавилось седины и, надеюсь, наше поведение стало немного приличнее, но наша дружба только крепла по мере того, как нас подбрасывало и качало на корабле жизни.

Прекрасно иметь старого друга, которого понимаешь с полуслова, так же как и он тебя, не так ли?

Недавно я попросил Чарли напрячь память и припомнить его самые любимые истории из того года после окончания колледжа, который мы провели вместе. И в них оказалось много всего разного – от трагического до смешного.

Например, мы соорудили у нас в саду собственную спортивную площадку, и как-то раз я раскачивался на трапеции вниз головой, зацепившись за нее ногами. Вдруг канат лопнул, и я полетел с приличной высоты и врезался в землю головой. (Чарли говорит, что даже слышал, как у меня треснул позвоночник, и решил, что я погиб, но мне удалось дойти до дома

на собственных ногах.)

А однажды мы с ним похитили у Лары банку очень дорогой грязи из Мертвого моря, которую она купила несколько лет назад, но никак не могла заставить себя ею пользоваться. Мы обмазались с ног до головы этой вязкой массой и заснули прямо на траве. Нас разбудил ее возмущенный вопль – она стояла рядом, вся красная от злости.

Еще мы с Чарли находили живые изгороди, погуще и побольше, и прыгали на них с высоких ветвей – они исполняли роль матов, смягчающих падение.

Иной раз мы надевали костюмы горилл и усаживались на камни напротив кафе, расположенного у озера в центральном лондонском парке, куда в основном заглядывали старики, жившие поблизости. Надо было видеть их лица!

Однажды в отместку за какую-то проделку мне удалось убедить Чарли просунуть оба колена между прутьями решетки вокруг того же кафе, а когда он застрял, я сбежал и наблюдал за ним из укрытия. Прохожие всеми силами пытались его вытащить, поливали ему колени оливковым маслом, тянули то с одной, то с другой стороны решетки, и, только когда работники кафе вызвали на помощь пожарную команду, я смилостивился и подарил ему свободу.

Мы перебирались на противоположный берег широкой Темзы, но не по мостам, а под ними, по фермам. Мы всячески дурачились во время этих переправ – до тех пор пока у Чарли не выпали из кармана ключи от дома и от машины.

Однажды, встречая Новый год в Ирландии, мы оба провалились под лед на озере и, пока выбирались, едва не замерзли насмерть. Девушки из нашей компании лечили наши душевные травмы при помощи одеял и глинтвейна. Несколько дней мы буквально купались в их сочувствии.

Список наших приключений очень длинный, и я горжусь тем, что он еще не закончен. Чарли до сих пор является одним из моих самых любимых, верных и веселых товарищей, и я очень благодарен ему за дружбу.

Кстати! Он безумно талантливый художник и создает образы, которые глубоко затрагивают людей. Мне показалось, что об этом тоже стоит упомянуть.

Итак, после окончания колледжа я совершил еще одно путешествие, а потом подумал (очень неохотно!), что, пожалуй, следует поступить в университет.

Но сначала нужно было заработать денег.

Я устроился барменом, но был уволен за неряшливость, а

потом Эд, один из моих школьных друзей, предложил мне организовать в Лондоне занятия по самообороне, причем исключительно для девушек.

Это была очень удачная мысль.

Я дал объявления в газеты и убедил несколько клубов по аэробике разрешить мне вести занятия в их залах. Мне с самого начала понравилось это дело. (Правда, к сожалению, владельцы клубов убедили меня наравне с девушками принимать и юношей!)

И на занятия стали ходить парни, желающие продемонстрировать окружающим свою силу. К счастью, эти типы долго не задерживались, потому что в основном я учил умению использовать против нападающего его же силу. Крутым парням это быстро надоедало.

А в основном в мою секцию записывались обычные порядочные люди, которые хотели научиться защищать себя, если вдруг окажутся в трудной ситуации.

Вскоре я уже вел занятия в нескольких клубах и стал более или менее прилично зарабатывать. Но заработок для меня был средством достижения цели – возможности разъезжать по миру.

Настал момент двигаться дальше.

Прекратив вести занятия, я чувствовал себя виноватым перед постоянными посетителями, которые так увлеченно занимались. Но я постарался передать свои группы хорошим инструкторам из числа своих знакомых.

Я дорожил завязавшимися у меня с учениками товарищескими отношениями, но меня влекли более высокие цели.

Глава 31

Вскоре я накопил достаточно денег для того, чтобы откликнуться на предложение моего школьного товарища Вэтти о совместном путешествии по Северной Индии.

У его родителей был знакомый офицер из индийской армии, который собирался основать туристическую компанию для выпускников школ; и мы должны были стать его подопытными кроликами, на которых он мог проверить маршруты различной сложности.

Это была идеальная возможность.

Мы целый месяц бродили по Гималаям, по горам вокруг Дарджилинга и даже забирались еще выше. Мы разъезжали на крышах вагонов, спали на деревянных кроватях в отдаленных горных деревушках, спускались по бурным горным рекам.

Мы познакомились с невероятно красивыми местами на западе Бенгалии и на севере Сиккима, куда в то время туристы не допускались из-за пограничных споров с Пакистаном. Но наш инструктор, армейский офицер, достал специальное разрешение.

Мы посетили Гималайский институт альпинизма, расположенный рядом с Дарджилингом, где индийские гиды вели занятия по зимнему альпинизму, и я попался на крючок. Для великих альпинистов это место было святыней, и меня завораживали рассказы о приключениях восходящих на высочайшие пики Земли, хотя многие находили здесь свою смерть.

Тем временем Вэтти влюбился в индийскую девушку, что, насколько я мог видеть, грозило испортить нам все путешествие. Он заявил, что ему нужно отправляться в путь, чтобы познакомиться с родителями девушки. Я же думал только об альпинизме в призрачной надежде, что когда-нибудь увижу сам Эверест.

Однажды ранним утром я поднялся в горы, дрожа от холода, потому что на мне не было соответствующей здешним условиям одежды, и наконец-то увидел вдали восход солнца над Эверестом, который величественно высился над горизонтом.

И я влюбился, подобно Вэтти.

Когда мы возвращались вниз, я купил большой, свернутый в трубку ламинированный плакат с изображением Эвереста (укрупненный вариант плаката, который отец подарил мне в детстве после одного из наших восхождений) и поклялся себе, что когда-нибудь рискну и попытаюсь подняться на высочайший пик мира.

Правда, я еще не представлял себе всех трудностей подобной экспедиции. Опыт альпиниста у меня был очень небольшим, да и, согласно всем книгам и учебникам, я еще не созрел для столь серьезного восхождения.

Но у меня появилась заветная мечта, а мечта делает человека одержимым.

Однако мечтать легко, а настоящее дело начинается лишь тогда, когда приступаешь к определению шагов, которые нужно совершить для осуществления своей мечты. К счастью, лень мне никогда не грозила, и я не замедлил сообщить о своих намерениях относительно Эвереста родственникам и друзьям.

Все как один сочли меня ненормальным.

Прежде чем покинуть Индию, мне хотелось исполнить еще одну свою мечту – повидать мать Терезу.

Я выяснил, что штаб-квартира ее «миссии милосердия» расположена в Калькутте, и мы приехали в этот ужасающе огромный город, один из крупнейших в мире. Это уже само по себе было невероятно интересно.

На вокзале кишели массы людей, которые куда-то спешили и толкались; было просто невозможно идти быстро, и мы медленно побрели вместе с толпой, которая несла нас в неизвестном направлении. Нас оглушал шум и подавлял запах фекалий и пота. Кроме нас, насколько я мог видеть, других европейцев вокруг не было.

Я не был готов к тому, что увидел на грязных улочках Калькутты, теснящихся за главной улицей и центром города. До этого дня мне не приходилось видеть людей, умирающих прямо на улице, такое количество безногих, слепых, изнуренных и оборванных людей, которые валялись в сточных канавах и протягивали руки, выпрашивая несколько рупий.

Я испытывал подавленность, потрясение, беспомощность и стыд – все одновременно.

Наконец мы с Вэтти нашли маленькую больницу и монастырь, где находилась миссия матери Терезы. В городе сплошного страдания мы обнаружили островок любви, чистоты, покоя и заботливого отношения к обездоленным беднякам.

Мы возвращались сюда каждый день, пока были в Калькутте, бросили в ее копилку оставшиеся у нас деньги, и я написал матери Терезе записку о том, как меня трогает ее дело.

Мне просто хотелось выразить свою благодарность и поддержку.

Ответа я не ожидал.

Хотите – верьте, хотите – нет, а через два месяца я получил от

нее благодарственное письмо. Я храню его до сих пор. А ведь мы положили в ее копилку всего несколько фунтов!

Письмо матери Терезы поразило меня своей учтивостью.

Ее личность и вся ее жизнь (хотя мы так и не встретились с ней) были живым и трепетным доказательством присутствия Бога на земле, и это сильно изменило меня самого и мой взгляд на мир. Я понял, что мне даны возможности, на которые никто из тех бедных людей не смеет даже надеяться, и что мы, в свою очередь, обязаны заботиться о мире и о ее подопечных.

Правда, я не совсем понимал, что это значит для меня.

Знаю только, что покидал грязную, бедную и страдающую Калькутту с ощущением, что на примере жизни матери Терезы мы соприкоснулись с Богом, прекрасным и реально существующим.

В Евангелии от Матфея (23: 12) есть простые строки: «Ибо кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится». Они точно передают мое отношение к славе и выразительно показывают то, что я вижу в людях в наше время.

Чем дольше я живу, тем больше осознаю величие простого человека. (И я вовсе не хочу ему льстить.) Путешествуя со своей командой по миру в поисках самых трудных, недоступных человеку мест, где мы снимаем наши программы, я постоянно вижу скромных людей, трудолюбиво и упорно делающих свою работу.

Это может быть одинокий рабочий, который глубокой ночью под проливным дождем роет канаву для стока воды вдоль маленькой, затерянной в джунглях дороги в отдаленном районе Китая. Или более знакомый нам человек, вроде продавца кофе в каком-нибудь маленьком городке в центре Америки, который изо дня в день делает свою бесхитростную работу на благо людям.

Кому-то это покажется утрированным, но я все больше восхищаюсь этими людьми – скромными и нетребовательными, никому не известными и невоспетыми.

Но мы забежали вперед. В данный момент я еще молод и наивен, у меня длинные, выцветшие на солнце светлые волосы, стянутые на затылке в хвост, я только что вернулся домой из Индии и принял решение прожить свою жизнь максимально интересно и содержательно.

Глава 32

Острая жажда жизни, можно сказать, была прямо противоположна моим попыткам приобрести высшее образование.

Кое-как я сдал несколько вступительных экзаменов, получив отметки ACDC[8]. (Мне понравилось, что в результате получилось название крутой рок-группы.)

Еще меня позабавило то, что единственный экзамен, к которому я совершенно не готовился и про который мне сказали, что здесь решающим будет здравый смысл экзаменующегося, мне удалось сдать на «А».

Общеобразовательным является предмет, где задаются примерно такие вопросы: «Опишите, как корабль может дать задний ход?», «Объясните, как можно использовать деревья для сообщений?». Это я знал, но в математике и в экономике не разбирался.

Во всяком случае, после нескольких лет учебы мне не очень хотелось и дальше учиться. С другой стороны, я не был очень уверен в том, что стоит полностью отказаться от учебы в университете. «О господи, неужели мне действительно придется поступать в университет?»

В отчаянной надежде найти что-нибудь интересное в последний месяц перед началом учебного года в университете я три дня проторчал в фойе Службы британской разведки МИ-15, ожидая, что меня пригласят для собеседования и, может, примут на работу.

Наконец, я обратился в Службу письменно и в ответ получил краткое письмо с благодарностью и извещением, что в настоящее время для меня работы нет. Письмо было подписано некоей мисс Деборой Мэлдивс.

Может, я и дурак, но не до такой степени, чтобы не догадаться, что имя было вымышленным.

Я решил отправиться в офис МИ-15 и лично предложить свои услуги.

Сейчас мне смешно вспомнить, как я толкался во все двери штаб-квартиры МИ-15 в Лондоне, заявляя, что хочу поговорить лично с мисс Деборой Мэлдивс.

Каждый раз я говорил охраннику, что у меня назначена встреча с нею, и усаживался в фойе ждать.

И каждый раз мне вежливо объясняли, что человек под таким именем у них не работает и что мое имя не значится в списке для встречи.

Тогда я уходил и отправлялся к другому подъезду.

Наконец, после множества попыток, мне вдруг сказали, что мисс Дебора Мэлдивс сейчас ко мне спустится.

Я сразу растерялся. Тревожно ожидая ее в мраморном холле, я думал: «О боже, Беар, идиот, что ты наделал?»

Наконец по ту сторону вращающейся двери, оснащенной контрольным устройством, показался плотный коренастый мужчина, а вовсе не мисс Дебора Мэлдивс. Он поманил меня к себе, и дверь повернулась, впуская меня.

«Вот он, момент истины!» – подумал я и вошел.

Мистер (или миссис) Дебора Мэлдивс провел меня в комнату для переговоров и объяснил, что для поступления на работу в МИ-15 существуют соответствующие каналы и обход всех подъездов к ним не относится.

А потом вдруг улыбнулся.

Он сказал, что я проявил упорство и настойчивость, которые необходимы для работы в контрразведке, и предложил по окончании университета обратиться непосредственно к нему. Я взял его визитку, пожал ему (или ей) волосатую руку и смылся.

Во всяком случае, теперь у меня появился хоть какой-то стимул поступить в университет, подумал я.

Позднее я продолжал отправлять свои заявления в тщетной надежде, что меня все-таки примут.

Глава 33

Характеристика от руководства курсами морских десантников, где меня назвали слишком бесшабашным, подходит для многого, но почему-то университет счел ее неубедительной.

А поскольку оценки у меня были средними, то несколько университетов отказались меня принять.

Большинство моих друзей решили поступать в Бристольский университет. Но с моими оценками я имел такие же шансы попасть в число его студентов, как Дебора Мэлдивс стать королевой красоты. А мне страшно хотелось быть рядом с друзьями.

Наконец мне удалось поступить в Университет Западной Англии (УЗА), не такой серьезный, как Бристольский, на факультет современных языков. (Кстати, я добился этого только после того, как целый день просидел у кабинета заведующей приемной комиссии и выпросил у нее место для себя. Для меня это стало уже привычным способом. Что-что, а настойчивости мне было не занимать.)

Мне не разрешили изучать только испанский язык, который очень мне нравился, и навязали еще и немецкий. Припомнив знакомую красавицу Татьяну, которая была немкой, я решил, что немецкий язык так же прекрасен, как и она.

Боже, как же я заблуждался!

Он оказался невероятно трудным и стал для меня первым камнем преткновения в университетской учебе.

Зато я оказался в обществе моих друзей Эдди, Хьюго, Тракера, Чарли, Джима и Стэна, с которыми мы вместе снимали дом.

На самом деле это был старый заброшенный отель под названием «Брюнел». Расположенный в самом дешевом районе Бристоля, где по улицам расхаживали девушки по вызову и вразнос торговали наркотиками, в кругу наших друзей «Брюнел» очень быстро прославился как стан выпускников Итона, живущих в богемной нищете.

Я находил эту репутацию весьма лестной.

Мы завтракали на улице, курили трубки в халатах и по дороге на лекции, зажав учебники под мышкой, гонялись друг за другом по крутым холмам.

Днем и ночью к нам без приглашения заходили самые разные и странные люди, в том числе несколько бомжей, постоянно обитающих на нашей улице.

Один из них, Нейл, водил нас в дневные набеги на мусорные

контейнеры позади местного супермаркета «Сейнсбери». Мы незаметно объезжали здание (насколько это было возможно в старом, пыхтящем «форде», битком набитом студентами). Один из нас выпрыгивал, перевешивался в контейнер и бросал в наши подставленные руки огромные куски семги и пакеты с булочками, все это с истекшим сроком хранения.

Пару раз в неделю мы ходили работать на кухне в центре для бездомных, что находился неподалеку от нас, и вскоре познакомились с огромным числом ярких личностей.

К сожалению, вскоре Нейл умер от передозировки наркотиков, и я подозреваю, что мало кто из тех бездомных дожил до сегодняшнего дня. Для нас, недавних выпускников школы, это было время формирования, когда мы дружно жили все вместе и делали первые самостоятельные шаги в жизни.

Помню самые яркие моменты нашей жизни в «Брюнеле» – например, к нам заходит мистер Айреси, наш хозяин, и застает меня в обнаженном виде, когда я малюю на стене своей спальни карикатуры, чтобы она выглядела более привлекательно и весело. Или Эдди с самым серьезным видом знакомит очередную красотку со своим способом маринования мяса в мойке, наполненной красным вином.

Помню, как мгновенно исчезали наши деньги, вскладчину собранные на хозяйство, и все по вине Хьюго с его обыкновением без конца устраивать обеды для изысканного общества, состоящего из его персоны и десятка новых девушек, с которыми он успевал познакомиться за неделю.

Стэн изобрел любопытную технику поджаривания сосисок – он раскладывал их на гриле и забывал о них до тех пор, пока оглушительный вой сирены, сигнализирующий о появлении дыма, не давал знать, что они готовы. (Однажды на этот вой примчалась целая команда пожарных в специальных костюмах и сапогах, с пожарными шлангами наготове. Они буквально остолбенели, увидев, как мы в халатах выглядываем из комнат и невозмутимо осведомляемся, готовы ли сосиски, тогда как сирена продолжает сигнализировать об опасности. Веселое было время!)

Еще я люблю вспоминать, как однажды мистер Айреси пришел к нам за арендной платой в тот день, когда я сооружал за домом, на месте так называемого сада, самодельный плавательный бассейн размером десять на десять футов.

Я привязал концы просмоленного полотнища парусины к четырем стульям и опрометчиво наполнил его водой. Он держал воду ровно двадцать минут, как раз до появления мистера Айреси.

Затем вода прорвала «берега», хлынула в первый этаж, по

дороге омыв ноги мистера Айреси, и затопила пол на три дюйма.

Воистину, терпение у него было ангельское.

Глава 34

Мы с Тракером частенько зарабатывали деньги, играя на гитарах в самых оживленных районах Бристоля.

Однажды в местном доме для престарелых я, не подумав, исполнил песню, посвященную американскому пирогу. Песня заканчивалась совершенно неуместным заявлением: «Это будет день, когда я умру».

Последовала долгая неловкая тишина, и мы поняли, что попали впросак.

Вскоре после этого нас перестали приглашать в этот дом.

Мы пели и с другим нашим приятелем Бланти, который после службы в армии стал всемирно известным певцом, выступающим под своим настоящим именем Джеймс Блант. Вряд ли Бланти считает, что он обязан своей карьерой певца нашим выступлениям, но все равно вспомнить об этом очень приятно.

И дай ему Бог всего хорошего. У него всегда был изумительно красивый и мелодичный голос.

В первый же год жизни в «Брунеле» произошло два важных события. Во-первых, я нашел в Тракере отличного товарища. Мы сразу почувствовали симпатию друг к другу. У нас оказалось много общего: страсть к приключениям и тяготение к забавным и чудаковатым людям, да и вообще ко всему смешному.

Мы с ним записались в офицерский учебный корпус, где давалась более профессиональная подготовка, чем в военном училище. В нем было много интересующихся военным делом студентов, которые после университета думали служить в вооруженных силах.

К нашему огромному изумлению, эти студенты готовились в армию на полном серьезе, тогда как мы стали ходить на занятия только ради развлечения и желания полюбоваться на хорошеньких девушек в солдатской форме. Мы получали громадное наслаждение, испытывая терпение этих самодовольных военных, для чего нарочно надевали береты на манер поварского колпака, опаздывали на занятия или появлялись в розовых носках.

В ответ они относились к нам с презрением, считая нас бестолковыми и ленивыми шутами. Но нам было наплевать. Лишь бы было смешно и весело!

Видя, как наши сверстники стараются казаться не теми, какие они есть, мы легко поддавались искушению разыграть их. (Думаю, мой отец повел бы себя точно так же. Он не прощал самодовольства.)

Но один старший офицер сумел завоевать наше глубокое уважение. В молодости он служил в спецназе, держался спокойно и уверенно, обладал чувством юмора и нисколько не обижался на шутки в свой адрес.

Поэтому в его присутствии у нас не возникало ни малейшего желания подурачиться. Более того, нам даже хотелось походить на него: заниматься трудным и настоящим делом. Ведь эту цель и преследует хороший воспитатель – пробудить в нас стремление к чему-то высокому.

Так незаметно мы с Тракером стали взволнованно подумывать: а что, если попытаться пройти отбор в специальную авиадесантную службу, то есть в спецназ?

Вот это решение и было вторым событием в первый год пребывания в Бристоле, и с него началась бешеная скачка, приведшая меня на самый край пропасти.

В буквальном смысле этого слова.

Глава 35

Две причины толкали меня поступить в резервные войска САС.

Первая – стремление найти себе какое-то особенное дело, которое доставляло бы мне полное удовлетворение и вызывало бы во мне чувство самоуважения; такое дело, чтобы мне приходилось испытывать трудности, подвергать проверке свою физическую силу и волю и, в конце концов, преодолевать все. Объяснить это трудно, но в душе я отчетливо понимал, чего хочу.

Вторая причина была менее важной.

Она заключалась в желании превзойти этих военных сухарей из офицерского корпуса, которые ни в грош меня не ставили. Я понимаю, это ужасно глупо! Но мне хотелось доказать им, на что я способен. Доказать, что настоящая солдатская служба – это упорная и тяжелая работа, а не щегольская форма и бравая выправка.

Может, обе эти причины могут показаться странными, но именно они натолкнули меня на мысль попробовать пройти отбор в спецназ.

Главное – мне хотелось совершить что-то особенное, что по силам далеко не каждому.

С другой стороны, отборные испытания требовали огромных усилий, так что попасть в число счастливчиков было практически невозможно.

Взрослые и опытные солдаты рассказывали, что из числа тех, кто подавал заявление на зачисление в 21-й полк САС, проходили всего несколько человек. То есть требования слишком высоки, тем более если у тебя средняя физическая подготовка. Но трудности меня только раззадоривают, наверное, как и большинство из нас.

И еще я очень верил в истину следующих слов: «Я выбрал непроторенную дорогу, и это самое главное». Отличный девиз для жизни.

Но в действительности все дело было в том, что учеба в университете не давала мне удовлетворения.

Мне нравилось жить в «Брунеле» с нашей отличной компанией, но сами занятия меня просто убивали. (Спешу добавить, что я имею в виду не объем нагрузок, что держало тебя в постоянном напряжении, а то, что я чувствовал себя просто еще одним, заурядным студентом.)

Вообще мне нравилось постоянно подвергать себя нагрузкам (так, я каждый день плавал нагишом в бассейне на автостоянке),

но здесь было что-то другое. Мне не нравилось мое равнодушие к учебе.

Это было не то, чего требовала моя душа, о чем я мечтал.

Меня одолевала нестерпимая жажда жизни, желание делать что-то важное и серьезное.

(Да, чуть не забыл! К тому же я страшно невзлюбил немецкий язык.)

Итак, я решил, что настало время принять решение.

Мы с Тракером отправились к своему командиру в офицерском корпусе, бывшему спецназовцу, и попросили у него совета насчет поступления в САС.

Я ужасно нервничал.

Он знал нас как безалаберных повес, насмешливо воспринимающих военную рутину, но при этом ничуть не удивился нашей просьбе, что меня крайне потрясло.

Он только понимающе улыбнулся и сказал, что в принципе мы подходим, если, конечно, пройдем отбор. Еще он сказал, что САС приветствует парней с отчаянным характером, но только в том случае, если сначала они покажут себя достойными этой чести.

И потом сказал фразу, которую я запомнил на всю жизнь.

– У всех поступающих в САС есть туловище с одной головой, двумя руками и двумя ногами и с парой легких. Разница между теми, кто проходит, и теми, кому это не удалось, заключается здесь, – сказал он, коснувшись своей груди. – Самое главное – это сердце. Один ты знаешь, есть ли у тебя то, что нужно. Желаю вам удачи… Да! И если пройдете, я угощаю вас ланчем, договорились?

Для офицера это было неожиданным предложением.

Так-то вот.

Мы с Тракером отправили заявления в штаб 21-го полка САС с просьбой допустить нас к отбору. Они должны были проверить наши данные, а потом прислать письмо с сообщением, допущены ли мы к отбору, и если да, то указать в нем дату и время инструктажа.

И мы стали ждать, тренироваться и молиться.

Без малейших угрызений совести я выбросил в мусорный контейнер учебники по немецкому языку, и мне стало намного легче. В душе моей поселилось ощущение, что наконец-то скоро начнется мое самое главное приключение в жизни.

К тому же никакая Дебора Мэлдивс не заявляла, что мне обязательно нужно иметь университетский диплом, чтобы поступить в САС. Единственное, что мне для этого требовалось, заключалось внутри меня и давало о себе знать взволнованным

биением сердца в груди.

Считаю необходимым предварить вторую часть книги следующим замечанием.

Как бывший служащий войск специального назначения, я подписал официальный документ, который запрещает мне раскрывать подробности, места, имена и операции специальной авиационной службы.

Поэтому в очередных главах все это будет изменено во избежание нарушения моей подписки о неразглашении военной тайны, а я по-прежнему считаю своим долгом уважать требования своего полка.

Во второй части книги я хотел бы дать вам представление о тех трудностях, которые я перенес, чтобы заслужить право стать членом этого содружества, то есть полка САС.

Часть вторая

Много званых, а мало
ИЗБРАННЫХ.

Мф., 20: 12–16

Глава 36

Вот как Би-би-си описывает САС в одной из своих передач:

> *Во всем мире САС известна своей безжалостной эффективностью и высоким военным профессионализмом. Остальные специальные подразделения созданы по образцу САС, процедура отбора в которую очень трудна и длительна. Из десяти желающих поступить отбор проходит один человек…*

Как и многие подростки, я часто слышал о знаменитой специальной авиадесантной службе, то есть САС, о тех, кто создал это широко известное и самое элитное специальное подразделение вооруженных сил.

Я пытался представить, какими будут отборные испытания. Признают ли меня годным или я окажусь среди большинства неудачников? Что от меня требуется, чтобы стать одним из немногих рекрутов, удостоившихся чести носить знаменитый берет песочного цвета с «крылатым кинжалом»?

Каких усилий будет мне стоить попытка стать бойцом этого специального подразделения и смогу ли я проявить нужные для зачисления в элитные войска качества?

В возрасте шестнадцати лет я окончил подготовительный курс учений для будущих офицеров, чтобы после школы, по примеру отца, поступить в морскую пехоту.

Но где-то в глубине души зародилась мысль – может, сначала попытаться пройти отбор в САС?

Просто чтобы узнать, что это такое.

Рассуждая об этом, я старался смотреть правде в глаза. Да, я был сильным, ловким и выносливым, но эти качества не были врожденными, я приобрел их упорными и тяжелыми тренировками.

У меня было много друзей, которые от природы отличались большой силой и ловкостью (им вообще незачем было тренироваться), и это вызывало у меня неуверенность. Но именно потому, что в детстве я не мог похвастаться силой, у меня развилось стремление быть таким же, как мои товарищи, я научился преодолевать себя, напрягая все силы, и подстегивать себя морально.

Эти бойцовские качества и целеустремленность и должны были стать моими главными козырями в попытке пройти отбор – в гораздо большей степени, чем природные способности.

Отборные испытания длятся несколько месяцев и настолько тяжелы, что для каждого наступает момент, когда он уже не держится на ногах. Они полностью выматывают человека, каким бы сильным и выносливым он ни был.

САС как раз и нужны смелые и боевые солдаты, чтобы даже в те минуты, когда каждая косточка в теле ноет и молит об отдыхе, они не останавливались, а упорно продолжали действовать, выполняя полученное задание. А для этого мало природных физических способностей, здесь не обойдешься без мужества и воли, без боевого духа.

Но в тот момент я не был уверен, что у каждого из нас есть этот боевой дух.

Относительно морской пехоты я чувствовал себя более уверенным. Я уже по собственному опыту знал, что от меня потребуется как от морского офицера.

Конечно, морским пехотинцам приходится трудно, но я чувствовал, что эта служба мне по силам.

За три дня учений я показал хорошие результаты в отжимании, подтягивании, в марш-броске с полной выкладкой, а это самое главное в профессии морского пехотинца; но смогу ли я вынести сверхдальние переходы по высоким горам с очень тяжелой кладью, что является основным испытанием отбора в САС?

Сомнения одолевали, но внутренний голос продолжал искушать. В конце концов, я вспомнил пословицу «Риск – благородное дело». (С тех пор я осознал, что если хочешь жить интересно и полнокровно, то это самый подходящий девиз.)

Я решил проверить себя.

Хотя бы попытаюсь, пусть даже и не пройду. Рухну физиономией в грязь, исчерпав все свои силы до последнего. (Да, а главное, я знал, что все, кто пытался поступить в САС, подписывали обязательство хранить все в тайне, так что если я провалюсь, то об этом никто не узнает.)

Так я размышлял. На самом деле, будь у меня хоть отдаленное представление о том, что предстояло перенести во время отбора, я бы понял все безрассудство своего решения.

Но к счастью, мы не способны заглянуть в будущее.

Глава 37

Обычно к отбору допускаются солдаты после нескольких лет службы в армии. Но САС состоит из трех полков, из которых 21-й и 23-й являются резервными для 22-го полка.

21-й и 23-й полки набираются из тех бывших парашютистов или морских пехотинцев, кто уже не представляет себя на «гражданке» и желает найти применение своему опыту, приобретенному тяжким трудом.

Тогда САС подвергает этих бывших солдат жесткому отбору, чтобы выявить из них самых достойных. После этого на специальных учениях солдаты, прошедшие отбор, получают и закрепляют военные навыки, необходимые для службы в элитных войсках.

Но в 21-й и в 23-й резервные полки могут поступить и гражданские лица, если они докажут свое соответствие высоким требованиям, которые предъявляются в САС. Правда, этот путь более долгий и трудный.

Что мне нравилось в резервных полках САС, так это возможность самому решать, сколько времени отдавать службе.

Ты не служил все время в армии, хотя многие из резервистов САС считали это своим главным занятием в жизни. Отличные профессионалы своего дела, сохраняющие прекрасную физическую форму, они могли быть призваны в любой момент из любого уголка земного шара – и вместе с тем сами могли выбирать, сколько времени отдать службе в полку.

Мне это было по вкусу.

Если ты шел в армию с «гражданки», то для тебя начинался длительный и скучный период обучения стандартным солдатским навыкам. Однако, если удачно пройти отбор, можно попасть в резервный полк САС, минуя этот обычный, рутинный процесс.

А все традиционное и будничное вызывало во мне резкий протест.

После школы всего несколько моих друзей стали офицерами танковых или пехотных войск. Они участвовали в торжественных мероприятиях и парадах, при этом весьма комфортно жили в Лондоне. И хотя они находили в этом удовольствие, мне в мои двадцать лет такая жизнь не казалась идеалом.

Я жаждал приключений и искал нехоженые тропы.

Если мне суждено попасть в 21-й полк, то только рядовым. Я буду не офицером, как мои школьные товарищи, а окажусь на самой нижней ступеньке военной карьеры, то есть буду «грунтом», как часто с презрением называли рядовых солдат.

Но перспектива стать «грунтом» не пугала меня, а, напротив, возбуждала во мне острый интерес.

И еще мне нравилось, что среди рядовых САС было очень мало выпускников Итона.

Глава 38

По ночам в «Брюнеле» мы с Тракером подолгу обсуждали вопрос о поступлении в САС и в результате оба решили попробовать свои силы.

Нам не пришлось об этом жалеть, а ближайшие два года, когда мы вместе переносили все трудности отбора в САС, связали нас узами крепкой дружбы.

Правда, мы понимали, что поскольку этот отбор проходит лишь малая горстка кандидатов, то шансы попасть туда обоим очень малы.

Но вслух мы об этом не говорили.

В глубине души я очень нервничал, Тракер от природы был силен и ловок, чему я даже завидовал. Мы вместе тренировались, и я видел, что ему все дается гораздо легче, чем мне, поэтому я боялся, что он пройдет отбор, а я – нет.

23 марта 1994 года мы с Тракером, напряженные и взволнованные, с приглашением явиться на отбор, приблизились к воротам казармы.

Перед нами открывался путь в долгие двенадцать месяцев, по окончании которого мы могли стать солдатами элитного подразделения спецназа, обладающими высокой профессиональной подготовкой.

Перспектива была пугающей.

Превращение обыкновенного дилетанта в высококвалифицированного спецназовца, владеющего специальностями подрывника, морского пехотинца и десантника, не говоря уже о других навыках, должно было стоить нам огромных усилий. Но прежде чем мы приступим к изучению этих невероятно интересных специальностей, нам предстояло доказать, что наши физические и моральные качества соответствуют установленным в САС нормативам, которые значительно превышают обычные требования.

Единственный способ доказать это – работать до седьмого пота, не щадя своих сил.

Нас зачислили в один из лучших батальонов 21-го резервного полка САС. В системе САС он заслуженно славился своими отважными, вдумчивыми и во всех отношениях образцовыми солдатами, уровень профессионализма которых был очень высок. В основном это были уроженцы Уэльса, которые всегда грудью защищали своих однополчан.

Они заработали свою репутацию тяжелым трудом и потому

тщательно ее оберегали.

Чтобы заработать право стать среди них своими, нам нужно было работать в два раза усерднее, чем они.

В первый же вечер нас вместе с другими претендентами заставили бегать с вещмешками вверх и вниз по ближайшим холмам, затем расспросили о причинах подачи заявлений, после чего коротко рассказали, что нас ожидает.

Казалось, главным девизом здесь были полная самоотдача и личная заинтересованность.

Я вернулся домой с чувством облегчения – наконец-то все началось.

Зачастую, когда тебе предстоит тяжелый и длительный процесс, труднее всего дается начало.

Теперь мы с Тракером раз в неделю ходили вечером на тренировки. Они должны были дать нам представление о том, что нас ожидает в течение года.

Сам отбор проводился по выходным на протяжении многих месяцев, но должен был начаться только через несколько недель.

Сначала отсеивались самые слабые и непригодные.

С каждой неделей вечерние тренировки становились все более трудными и изматывающими.

Обычно это были кроссы на длинную дистанцию, когда, казалось, у тебя вот-вот лопнут легкие, затем следовал стремительный бег по холмам с рюкзаком на спине – вверх-вниз, вверх-вниз – до тех пор, пока ребята не падали на колени, порой захлебываясь рвотой.

Особенно тяжелое задание: нас выстраивали на вершине крутого холма высотой в двести футов и приказывали бежать вниз, к его подножию. Здесь нам велели подхватить себе на закорки своего партнера и объявляли, что два курсанта, которые доберутся до вершины последними, будут «отправлены в свою часть», то есть признаны не прошедшими отбор.

Мы изо всех сил карабкались вверх, чтобы не оказаться последними, но стоило нам подняться, как всех нас, за исключением двух последних, посылали вниз, и все повторялось снова и снова.

Наконец нас оставалось всего несколько человек – и мы едва стояли на ногах.

Иногда наши командиры выполняли свои угрозы и отсеивали тех, кто оставался последними; порой всем просто отдавалась команда «бегом в лагерь» и никого не отсылали. Но мы не могли знать заранее, как они поступят.

Так у них было принято.

Отсев не грозил только в том случае, если ты выкладывался

на сто пятьдесят процентов, держался в числе первых и не отступал.

Мы уже начали понимать, что для того, чтобы тебя оставили на следующую неделю, придется держать этот темп.

А еще нас заставляли устраивать «молотилку». Это боксерский бой в один раунд длиной в две минуты. Цель – любым способом уложить противника на пол. Никакой техники и правил, только жестокая драка.

Я всегда попадал в пару с одним здоровяком ростом в шесть футов четыре дюйма. И для меня бой заканчивался ужасно.

Затем снова «отжаться», «подтянуться» – и так до тех пор, пока мы не падали с ног.

На этом этапе мы еще даже не думали о том, пройдем ли отбор, – лишь бы не отчислили сегодня.

И все-таки после каждой такой адской тренировки возбуждение всегда побеждало сомнения в моих силах, и я постепенно привыкал к боли.

Умение не обращать внимания на боль, похоже, здесь было самым необходимым.

Глава 39

Наконец нас допустили к первому уик-энду предварительных испытаний.

В половине шестого пятницы я был уже около казарм, откуда нас должны были отвезти в штаб-квартиру САС.

Там намеревались еще раз убедиться, что мы «серьезно настроены участвовать в отборе и осознаем, чего от нас ожидают».

Так в тот первый вечер заявил офицер нашей группе, усевшейся на полу в скудно освещенном ангаре.

Он добавил:

– Хотелось бы, чтобы вы все прошли отбор, потому что мы постоянно нуждаемся в притоке людей. Но это удается не всем. Можете поверить, мне достаточно будет пальцев на обеих руках, чтобы пересчитать тех из вас, кто будет принят.

В ту ночь, дожидаясь, когда настанет половина шестого утра, я почти не спал на жестком бетонном полу в темном ангаре, с которым мне суждено было свыкнуться за предстоящие несколько месяцев.

В 6:00 нам отдали приказ начать кросс. (На эти предварительные испытания прибыли все батальоны 21-го полка.)

Первое задание было довольно простым: за один час пробежать по пересеченной местности восемь миль. Мы углубились в лес по тропе, которая вилась вверх по холму, – эту дистанцию мы преодолевали уже в четвертый раз.

Остаток утра был посвящен урокам начального образования, которые вели офицеры-специалисты, после чего нас коротко ознакомили с дальнейшей программой.

Затем мы побежали вниз на учения по штурму.

На курсах морских пехотинцев я проходил довольно серьезные учения по штурму. Но здесь сразу стало ясно: все будет иначе. Тогда эти учения увлекали нас, даже доставляли удовольствие, теперь же они предвещали тяжелый труд и физические страдания.

Инструкторы хотели видеть в претендентах заинтересованность в конечном результате, готовность к напряжению всех сил и наблюдали за каждым нашим действием.

Иногда они быстро подбегали, отводили какого-нибудь бедолагу в сторонку и тихо говорили ему:

– Проделай все сначала, только как полагается и в три раза быстрее и энергичнее.

После двух часов непрерывных перекатов, ползания,

подъемов и нырков мы совершенно выбились из сил, мышцы рук и ног сводило от перенапряжения.

Не успели мы передохнуть, как получили приказ за несколько минут прибыть к небольшой поляне, находившейся на приличном расстоянии в лесу. Вся поляна была в крышках люков, которые вели в подземные туннели.

Худшего места для тех, кто страдал клаустрофобией, невозможно было найти.

Но времени на раздумья нам не дают и одного за другим вталкивают в эти маленькие лазы – и опускают за нами крышки люков.

Предоставленные самим себе, мы пробираемся по темному подземелью, ползем по лабиринтам, состоящим из узких проходов всего три фута высотой.

Мы наполовину погружаемся в воду и грязь. Я ползу все дальше и дальше, нащупывая дорогу вытянутыми руками. Как только я добираюсь до очередного люка, откуда сквозь щели проникает слабый свет, тут же слышится топот тяжелых армейских ботинок по металлической крышке.

– Дальше! Вперед! – кричит инструктор. – Быстрее!

Спецназовцам нельзя бояться тесного замкнутого пространства – ведь во время выполнения задания они могут оказаться и в таких условиях, а потому должны обладать умением обуздывать свои эмоции, научиться их контролировать.

Если тебе это не по силам, то лучше, чтобы это выяснилось сейчас, до того, как тебя допустят к отбору.

Наконец нам разрешили вылезти из этих крысиных нор – тяжело дыша, мы еле стояли на дрожавших ногах. Но нам приказывают еще раз пройти десантноштурмовую полосу.

Такие нагрузки даются затем, чтобы инструкторы подметили слабые стороны каждого из нас: проявил ли ты настойчивость, упорство, умение владеть собой в критические моменты.

Но и после этого нам не дали отдохнуть.

Нас привели к громоздкой и тяжелой артиллерийской пушке, застрявшей в грязи на середине поля.

– Вытащить ее, ребята, живо!

Ухватившись за трос, мы изо всех сил стараемся вытянуть пушку, и вскоре колеса начинают медленно поворачиваться.

– Мы скажем, когда остановиться… И если вы остановитесь раньше, будете отчислены…

Офицеры-инструкторы редко повышают на нас голос, обычно только молча наблюдают – смотрят, в состоянии ли мы без понуканий выполнять задание с полной самоотдачей. В этом и заключается их принцип отбора.

– Вы должны сами себя подстегивать – если будете работать вразвалку, сами себя подведете, это понятно?

Это было понятно, но очень трудно, хотя лично мне все это нравилось.

Такая зависимость от самого себя почему-то придавала сил.

Большей части бывших солдат, с которыми я встречался на отборе, самодисциплины явно недоставало. Они привыкли к тому, что сержанты постоянно подгоняют их своими окриками.

Но в САС были иные требования, и те, кто не умел выполнять задачу самостоятельно, не дожидаясь окрика, вскоре выпадали из списка.

Ты должен был сам себя подстегивать, даже если находишься один. И как я быстро понял, в САС всегда приходилось «еще чуть-чуть поднажать».

Наконец наступили сумерки, и мы спустились вниз, к ангару. День был длинным и тяжелым, я раскатал свой спальный мешок на бетонном полу и мгновенно уснул.

Было еще темно, когда снаружи донеслись крики капралов. Я поспешно оделся. В 5:50 я взвалил на спину тяжеленный рюкзак и, едва передвигая ноги, вышел под еще темное небо. Снаружи было заметно холоднее, чем в сыром ангаре.

Я вышел на построение на пять минут раньше, полностью готовый.

Нам уже объяснили, что, если приказано быть на построении в 6:00, значит, мы должны явиться в 5:55. Опоздаешь на минуту – получишь предупреждение. Еще одно опоздание – и тебя отчислят.

Мы кладем свои рюкзаки на весы – они показывают тридцать пять фунтов, это не считая экипировки, винтовки, запаса воды и еды. Все вместе было очень тяжело. (Тогда я еще не знал, что меня ожидало на следующий год, какой вес я буду таскать на спине!)

Всем батальоном мы быстро шли вперед, вскоре перешли на ускоренный темп, а потом пустились бежать по той же дороге вверх по холму.

Опять те же восемь миль – четыре круга по заросшему лесом холму, но на этот раз с полной выкладкой.

«Давай жми – один круг пройден – осталось еще три».

На половине второго круга мы потеряли несколько человек, они отстали, не смогли выдержать темп бега. Если заданная скорость бега и ноша оказались для них слишком тяжелыми, то для их же блага им лучше было сойти с тропы на этой стадии испытаний.

К третьему кругу я уже еле бежал, жадно хватая воздух

открытым ртом, не в силах даже стереть пот с лица; острая боль в мышцах ног и в легких смела напрочь бодрый настрой и романтику преодоления трудностей.

«Давай, Беар, нажимай! Остался последний круг. Обидно терять все, чего достиг!»

Наконец я добрался до финиша и оглянулся назад. Наша группа сильно уменьшилась, позади едва брели отставшие ребята. Их отвели в сторону. Я не слышал, что им говорили, но вид у них был совершенно измученный и подавленный.

Их отправили собирать вещи.

Были отчислены еще восемь человек, но и я уже всерьез сомневался, смогу ли и дальше заставлять себя бороться.

И это были только предварительные испытания!

Что же будет во время самого отбора?

Глава 40

Прежде чем нас начнут по-настоящему обучать военным знаниям и умению солдата спецназа, нам предстояло пройти самый трудный, «горный» этап отбора.

Так САС отбирала из множества кандидатов самых достойных. На этом этапе проверялась способность кандидатов исполнять каждое задание в соответствии с установленными нормативами.

Специальные учения требуют серьезных затрат финансовых средств и времени, поэтому для САС нет смысла тратить эти ресурсы на людей, которые не обладают необходимыми моральными и физическими качествами.

Из этих соображений сначала производят отсеивание, а потом уже начинают обучать новобранцев.

С начала предварительных испытаний наш батальон потерял уже около четверти состава; скоро должен был начаться сам отбор.

Нас перевели на основную территорию, где располагались все помещения полка. Теперь мы не были ограничены лишь стоящим на отшибе ангаром и спортивным залом.

Уже какой-то прогресс.

Нам объяснили, что от нас потребуется в дальнейшем, и впервые выдали форму защитной расцветки и основное снаряжение.

Затем нас проводили в помещение для рекрутов, здесь был бетонный пол, покрашенный красной масляной краской, а вдоль стен стояли именные металлические шкафчики. Здесь нам предстояло жить во время обучения.

Нам постоянно втолковывали:

– Если вы действительно хотите попасть в полк, то пройдете.

Весь этап самых трудных испытаний проводился в диких горах Уэльса в районе Брекон-Биконс.

Следующие шесть месяцев, по большей части, проходили в тяжелых маршах и кроссах по этим горам: то при изнурительной жаре, когда ты буквально обливаешься потом и вынужден сражаться с полчищами назойливых москитов; то в зимний мороз, который сковывает все члены, и ты бредешь по бедра в снегу в промокшей одежде, а на вершинах тебя едва не сдувает неистовыми порывами ветра.

Порой нас заставляли тащить на себе груз весом в семьдесят пять фунтов – приблизительный вес среднего восьмилетнего

ребенка.

Нашими заклятыми врагами были переохлаждение и полное истощение сил, а ведь приходилось еще помнить о нормативе по времени. Это постоянная борьба – промокшие ботинки становятся неподъемными, одежда деревенеет и делается жесткой под ураганными ветрами, частым явлением в горах Уэльса. Ты способен идти дальше и… как можно быстрее?

Весь процесс отбора построен так, чтобы проверить не только физические возможности кандидатов. За это время оцениваются умение ориентироваться, инициатива и самостоятельное мышление, волевые установки, позволяющие испытуемому идти вперед, несмотря на крайнюю усталость.

САС может себе позволить такой строгий отбор кандидатов – у этой службы отбоя нет от желающих стать спецназовцами.

Первое учение в Брекон-Биконс называлось «экспедиция в сопровождении гида» – это показалось нам подозрительно легким и заурядным.

Нас небольшими группами водили по горам, чтобы мы на деле доказали, что способны в них ориентироваться и днем и ночью, и только после этого нам могли предоставить самостоятельность.

Мы взбирались все выше, и инструктор давал нам советы и подсказки, учил всем сложностям: как правильно ориентироваться, как вырыть в земле укрытие.

Я все это жадно впитывал.

Рекруты по очереди определяли с помощью компаса направление каждого следующего отрезка, после чего снова двигались в путь.

За десять часов мы преодолели около восемнадцати миль, то поднимаясь в гору, то спускаясь в долину.

Тяжелый груз придавливал к земле, подошвы ног горели огнем, но мы упорно шли дальше и чувствовали себя героями.

На одном из высочайших пиков Уэльса мы впервые испытали восторг покорения настоящей вершины – впоследствии нам суждено было весь его излазить. Сложность восхождения на него словно олицетворяет трудность отбора в САС, так что его хорошо знают и помнят все рекруты.

Наконец мы расположились в лесу у подножия этого пика на двухчасовой привал. От перенесенного в течение целого дня напряжения я пропотел до нитки, но был доволен собой и возбужден.

Мы ожидали наступления темноты, когда должно было начаться первое учение по ночной ориентировке.

Глава 41

С наступлением ночи группами в несколько человек мы отправились в темный лес с заданием обнаружить первый контрольный пункт.

Идти в темноте по высокогорью было очень трудно, вскоре мы стали спотыкаться, проваливаться в канавы и невидимые во тьме болота.

Нам предстояло стать большими специалистами в ночном ориентировании, но пока что наши тела, зрение и инстинкты были необученными и неуверенными.

Но я заметил, что идущий с нами инструктор ни разу не споткнулся. Только мы, рекруты, то и дело запутывались в траве, попадали ногой в щели между камнями.

Видно было, что опытные спецназовцы давно уже освоили науку двигаться в темноте.

Мне ужасно хотелось так же уверенно владеть этим искусством, но было ясно, что это приходит только с опытом, так что, судя по всему, недостатка в практике передвижения по пересеченной местности в темноте у нас не будет.

Наконец мы, промокшие и измотанные, дотащились до последнего контрольного пункта в высокогорном лесу. Я стащил с себя рюкзак, привязал концы одеяла к двум близко растущим деревьям и, рухнув в этот импровизированный гамак, мгновенно вырубился.

Через два часа, в 5:55, мы выстроились вдоль тропы, ведущей вверх на один из высоких пиков, до которого было около шести миль. В рассветной мгле над нами едва виднелась его вершина.

Взглянув налево, на нестройную колонну рекрутов, перед каждым из которых лежал на земле его рюкзак, я заметил, что из-за холода ребята застегнулись на все пуговицы.

Мы стояли в армейских войлочных шапках и в непросохшей форме, вытянув по бокам руки со стиснутыми в кулак пальцами, чтобы они не так мерзли, и окутанные облачками пара от дыхания.

Новые армейские ботинки больно сжимали ступни, натертые и распухшие от частых ушибов о камни.

Сержант-майор выкрикнул:

– Не отставать, если хотите пройти этот курс!

И быстро зашагал по тропе.

Ребята отталкивали друг друга, чтобы оказаться впереди. Но не отставать от сержанта означало почти бежать, а я понимал, что долго бежать не смогу.

Каждый шаг давался с огромным трудом, и по мере того, как подъем становился все более крутым, я все больше слабел. Силы мои были на исходе, я сильно потел, дыхание было прерывистым и частым.

«Сейчас важно показать себя с лучшей стороны, – твердил я себе. – Только не отставать, ни на шаг не отставать!»

Я сознавал: отставание будет роковым.

Я окажусь в кучке остальных рекрутов и уже не смогу выдержать быстрый темп.

Каким-то образом я оказался в группе передовых ходоков, чья энергия передавалась мне и помогала мне держаться, несмотря на стремительный темп и крутой подъем.

Когда мы достигли вершины, я был одним из немногих, кому удалось не отстать от сержанта, и изо всех сил старался сохранить это положение во время спуска по другой стороне горы.

Весь путь вниз по крутым горным тропинкам я проделал бегом.

В результате мы оказались у подножия горы на добрых двадцать минут раньше остальных рекрутов.

Когда вся наша группа была в сборе, инструктор заявил, что очень нами недоволен и что если мы серьезно намерены пройти отбор, то пора начать поработать по-настоящему.

Он приказал нам оставаться на месте и дал знак грузовикам отправляться, а мы провожали их тоскливыми взглядами.

– Поворачивайте назад, ребята! Машины будут ждать вас у противоположного склона. За два часа вы должны проделать обратный путь вверх по горе и вниз, к грузовикам. Те, кто не уложится в это время, возвращаются домой.

Сморгнув выступившие слезы, я повернулся лицом к высокой горе.

Не давая себе расслабиться, я опередил остальных ребят из нашей группы и стал быстро подниматься вверх, полный решимости держаться первым.

Минут через двадцать мы достигли вершины, а сержант уже стоял там, подмечая, кто идет впереди, а кто плетется сзади.

Он махнул рукой на крутой склон.

– Спускайтесь вниз, ребята, грузовики скоро подойдут. Должен сказать, приятно было видеть, что кое-кто из вас уже готов работать по-настоящему. – И кивком он указал на тех, кто пришел первыми, в числе которых были и мы с Тракером.

Не успев передохнуть, мы пустились бегом вниз.

Взмокшие от пота, мы из последних сил забрались в грузовики и, распластавшись на дне, облегченно перевели дух.

Затарахтели двигатели, и мы двинулись в южном направлении.

Последнее задание еще раз перевалить через гору было просто очередной проверкой. Инструктор хотел посмотреть, кто из кандидатов в тот момент, когда все уверены, что на сегодня испытания окончены, способен повернуть назад и найти в себе силы идти дальше, а кто сразу падает духом и обмякает.

Если не подвергнуть человека такой проверке, невозможно угадать, как он отреагирует на такой приказ.

Я же думал только о том, что первый этап отбора уже пройден.

Дальше начиналось самое трудное.

Глава 42

Как получается, что ты лежишь на металлическом полу армейского грузовика в состоянии полного изнеможения, дышишь выхлопными газами и при этом чувствуешь себя совершенно счастливым?

Но почему-то именно в этот момент, когда, успешно пройдя очередное испытание, ты забирался в спальный мешок, к тебе приходило осознание, что это стоило всех усилий и страданий.

Еженедельные ночные учения проходили по обычному плану: бег, упражнения для развития и укрепления различных групп мышц, в том числе изнурительные круговые тренировки, бег с напарником на закорках и марш-броски с полной выгрузкой, а также занятия по чтению карты, медицине и владению оружием.

Как рекруты, мы носили обычную зеленую армейскую форму. И невольно с завистью посматривали на уверенно расхаживающих по лагерю опытных спецназовцев, на куртках которых красовались разные значки.

А мы, новобранцы, еще ничего не знали и сами ничего не значили. Мы были просто серой массой. Не больше и не меньше.

С затаенным восхищением я смотрел на лихо заломленные береты и пояса с «крылатым кинжалом», которые носили ребята из спецназа. У меня начинало формироваться истинное представление о том, каким трудом они заработали право на эти знаки отличия.

Приближался очередной уик-энд. Я не успел до конца залечить свои болячки, восстановить силы и полностью прийти в себя после предыдущих учений, а в сердце уже нарастали страх и волнение перед будущими испытаниями.

Ведь мало кто способен с радостным нетерпением ждать того дня, когда тебе предстоит снова и снова переносить невероятные физические и нравственные нагрузки.

Около часа ночи зеленый армейский грузовик остановился на площадке у подножия горы, где завывал ледяной ветер и вовсю хлестал дождь.

Мы пытались найти участок ровной земли, чтобы немного поспать. Но уснуть было невозможно, и мы, попарно забившись в канавки, которые быстро заполнялись водой, кое-как перемогались, дожидаясь рассвета, до которого оставалось пять часов.

В 5:55 мы под проливным дождем выстроились в шеренгу. Офицер сказал, что нам предстоит последний марш в

сопровождении инструкторов, и напомнил, чтобы мы внимательно слушали и запоминали все их уроки, советы и наставления.

Он передал командование инструкторам и ушел. Инструкторы сразу приказали нам следовать за ними. Они бросились бежать по крутому участку заболоченной земли и за несколько минут оказались далеко впереди нас. Там они остановились и ждали, пока мы медленно приближались к ним, прыгая по кочкам и оступаясь в лужи.

Мы промокли до нитки, перепачкались в грязи и еле волочили ноги, сгибаясь под тяжестью вещмешков.

А наши инструкторы были свежими и полными сил. Они не кричали и не злились на нас, неизменно оставаясь бесстрастными.

Я никак не мог понять – как им удалось за столь короткое время промчаться около мили по крутому болотистому откосу и выглядеть такими бодрыми и невозмутимыми.

Они спокойно объяснили, что как минимум такую скорость мы должны будем показать во время отбора. Стараясь об этом не думать, я решил держаться вплотную к ним.

Мне стало ясно, что между новобранцем и профессиональным спецназовцем лежит огромная пропасть.

Мы снова побежали, и вскоре, когда я поймал ритм движения, почувствовал прилив сил.

Под руководством инструкторов мы отрабатывали приемы переправы через бурлящие потоки, а также осторожно постигали искусство подъема по крутым и голым склонам гор – и все это с полной выкладкой.

В 13:30 нам позволили остановиться в неглубоком овраге, чтобы выпить воды, подкрепиться и немного отдохнуть. Но передышка длилась недолго, и вскоре мы снова пошли вперед, чтобы преодолеть последние пятнадцать миль сегодняшнего марша.

Когда мы добрались до очередной вершины, я увидел рядом с собой остальных ребят: у всех голова низко опущена, дыхание тяжелое и прерывистое, лицо залито потом. Мы не разговаривали, берегли силы, чтобы не потерять скорость.

Последние несколько миль по гребню холма и вниз по другому склону мы еле тащились и наконец добрели до финиша. Нам велели отдыхать в лесу в течение часа, разуться и осмотреть ноги, а также подкрепиться водой и едой. Но весь отдых испортила летняя мошкара, тучами облепившая каждого из нас.

Я никогда не видел таких туч москитов, затмевающих свет.

Армейские репелленты против москитов были почти

бесполезны, они отгоняли их лишь на минуту, чтобы мы успели смахнуть с лица эти кишащие массы.

Нам уже не терпелось снова выйти на марш, на ходу они не так сильно донимали нас.

Скоро нас снова выстроили в шеренгу и приказали не шевелиться.

Мошкары было столько, что при каждом вдохе в нос и в рот набивались тучи этих кровопийц. Невероятным усилием воли мы преодолевали нестерпимое желание отогнать их и почесать зудящие места – стоять по стойке «смирно» под тучами мошкары было по-истине дьявольским испытанием.

– Не сметь двигаться! – закричал один из инструкторов, которого между собой мы называли мистером Занудой.

Сам покрытый густым слоем роящейся мошкары, он стоял перед нами и внимательно следил, чтобы кто-то из нас не взмахнул рукой.

Я усиленно моргал и дергал кончиком носа в тщетной попытке отогнать мошкару, которая назойливо гудела у лица. Это походило на средневековую пытку, и секунды представлялись мне часами.

Наша воля и терпение подходили к концу, когда, спустя сорок пять минут, раздался приказ «Вольно!», и мы разошлись в ожидании инструкций относительно ночного марша.

Таким способом нам только хотели напомнить, что телесная сила должна сочетаться с силой воли, духа, которая способна поддержать человека в моменты физической слабости.

Этот суровый урок владения собой каждому из нас запомнился на всю жизнь.

Глава 43

Инструктор вышел вперед и объявил, что ночной марш будет для нас «поучительным знакомством» с печально известными торфяными болотами. Они простираются на много миль и усеяны кочками, поросшими высокой травой.

В последующие месяцы мы возненавидели эти кочки, которые называли «детскими головками», потому что они действительно походили на тысячи маленьких головок, торчащих из-под земли.

Я ничего хорошего от этого марша не ожидал, и опасения мои полностью оправдались.

Идти милю за милей по этим кочкам размером с дыню, на которых торчат пучки травы, было невероятно трудно. Положение осложнялось тем, что в темноте ты не видел, куда наступаешь, и в любой момент мог зацепиться за траву, споткнуться и упасть.

А если учесть, что большую часть болот покрывали заросли высокого камыша с острыми как бритва листьями, легко было понять, почему солдаты так ненавидят эти торфяники.

В кромешной темноте я то и дело соскальзывал с кочек, подворачивая ногу, порой по пояс проваливаясь в черную и смрадную тину.

В конце концов мы спустились с высокогорного плато и оказались перед забором, который окружал территорию фермы.

Нам велели соблюдать тишину – фермер имел обыкновение прогонять спецназовцев со своей земли выстрелами из ружья. Настороженно прислушиваясь к малейшему звуку, мы с оглядкой обогнули дом и вышли за пределы фермы.

В результате финального стремительного марш-броска по темным лесным тропинкам в 3:00 ночи мы достигли места назначения.

Нам предстояло три часа отдыха в лесу.

Для меня за все время процесса отбора самыми неприятными были именно эти бессонные часы, когда мы, насквозь промокшие и замерзшие, сбивались в кучу и ждали, когда же раздастся команда идти дальше.

Усталость и боль пронизывали каждую клеточку твоего тела, распухшие колени и ступни жгло огнем, безумно хотелось просто растянуться и заснуть. Но перерывы между маршами редко длились дольше трех часов, для полноценного отдыха их было мало, а главное – за это время мы успевали утратить бодрость и боевой настрой.

Так что отдых сводился к тому, что мы только мерзли и коченели, чувствовали себя совершенно невыспавшимися и

измученными – убийственное сочетание.

Наши инструкторы это знали.

Требовалась невероятная сила воли, чтобы ты, промокший и замерзший, сумел заставить себя снова и снова упорно продвигаться вперед по гористой местности в полной темноте, а ведь именно этого от тебя и добивались.

В эти несколько часов передышки я старался чем-нибудь занять себя: осматривал мозоли на ступнях, заклеивал их пластырем, что-нибудь съедал и разогревал какой-нибудь напиток. Но потом оставалось только лежать и со страхом ждать команды построиться для утренней тренировки.

Каждую неделю эти утренние тренировки становились все тяжелее.

Итак, на следующее утро в предрассветной мгле мы выстроились в шеренгу. Ребята топали и шаркали ногами, разминая застывшие ноги, и выглядели бледными и изнуренными. А жаждущие нашей крови инструкторы бодро расхаживали перед нами.

Ровно в 5:55 раздался приказ:

– Следовать за нами и не отставать. На этой неделе вы показали ужасные результаты, так что придется вам за это поплатиться.

Инструктор направляется по лесной тропинке, и, взвалив на спину свои рюкзаки, мы пускаемся вдогонку. Затем он ускоряет шаг, и, чтобы не отстать от него, нам приходится бежать, но долго бежать с таким грузом на спине практически невозможно.

Через пятнадцать минут мы уже задыхаемся и обливаемся потом, стараясь выдержать заданный темп, который инструктор не сбавляет даже через полтора часа.

По дороге беспорядочная, растрепанная колонна стонущих, измученных рекрутов растягивается примерно на милю. Уже светлый день, и все едва держатся на ногах.

Я заставляю себя кое-как тащиться, преодолеваю последний этап марша и прихожу к финишу где-то в середине колонны. Но я окончательно выдохся. Сил у меня больше нет, нет, и все тут! Если бы меня попросили пройти еще пятьдесят ярдов, я одолел бы их с огромным трудом.

Я стоял, пошатываясь, от моего разгоряченного тела шел пар, и вдруг услышал, как один из рекрутов начал втихомолку проклинать все и ругаться.

– Ну, с меня хватит, – бормотал он. – Это же полный бред. Это не служба, а просто садизм какой-то! – Он посмотрел на меня. – Человек не создан для такого труда. С нами обращаются, как с вьючными мулами, но в конце концов даже они подыхают от

такой нагрузки.

Я посоветовал ему держаться, сказал, что вечером, когда он примет теплый душ, все эти трудности забудутся. Тогда он удивленно уставился на меня:

– Знаешь, Беар, какая разница между мной и тобой? Ты просто глупее меня.

С этими словами он швырнул свой рюкзак на землю, подошел к инструктору и заявил, что хочет уехать.

Инструктор невозмутимо указал ему на грузовик.

Парень забрался в него, и больше я его не видел. Так обычно и происходило.

Нас выматывали до конца, поднимая планку все выше и выше до тех пор, пока кто-то из нас не ломался, а кто-то не ухитрялся уложиться в нормативы.

Нам постоянно втолковывали:

– Подводим вас не мы, а вы сами. Если будете укладываться во время и продолжать идти, вы пройдете.

На обратном пути, съежившись в кузове грузовика, я думал о словах этого парня: «Ты просто глупее меня».

Может, он и прав.

Я хочу сказать, действительно кажется глупым, что ты позволяешь изматывать себя до бесчувствия, и, пожалуй, еще более глупо, когда потом ты получаешь всего двадцать семь фунтов в день за право и дальше терпеть все эти мучения.

Но тот парень, который оставил борьбу, упустил один важный момент. Успех приходит к человеку только благодаря упорному и тяжелому труду, ведь все имеет свою цену.

Когда речь идет о том, чтобы поступить в CAC, цена составляет примерно тысячу баррелей пота.

Готов ли я заплатить эту цену?

За время отбора я буду не раз задавать себе этот вопрос.

Глава 44

Пожалуй, лишь во сне я забывал об отборе.

Меня предупреждали, что так будет, а я не верил, но это оказалось правдой. Трудно переключиться с того, чему ты отдаешь столько сил и времени.

В перерывах между испытаниями я переживал возбуждение от прошедших и трепетал перед теми, что еще предстоят. В эти дни мы с Тракером возвращались к нашей студенческой жизни, к нашим беспечным друзьям, которые ходили на лекции и сидели в кафе Бристоля.

Вместе с ними мы тоже заглядывали в университет, иногда сидели в библиотеке и бродили по улицам, но старались не забывать о главном.

Мы избегали поздних пирушек и, в отличие от них, не позволяли себе по утрам долго валяться в постели. Вместо этого мы с Тракером рано вставали, тренировались и готовили экипировку к предстоящим испытаниям.

Короче говоря, у нас с друзьями определились разные цели в жизни.

Очередное испытание происходило в Черных горах Уэльса. Возможно, из-за высоты и ветра там не было этих ненавистных москитов, к нашему огромному облегчению.

На этот раз нам предстояло совершить марш-бросок попарно, а не всей группой, и путем нехитрого маневра при построении я изловчился оказаться в паре с Тракером.

Каждая пара отправлялась в путь с некоторым интервалом, и мы с Тракером вышли в 6:30 утра.

Ярко сияло солнце, и мы быстро и энергично шли по горам. Видимость была отличная, ориентировались мы легко и преисполнились уверенности в себе.

Вскоре мы оказались у моста через ущелье и остановились поразмыслить.

Дело в том, что нам запрещалось переходить по мосту, кстати, как и ходить в лесу по тропинкам и дорогам. (Правда, этот запрет не распространялся на тяжелые утренние кроссы.)

Это делалось для того, чтобы мы научились хорошо ориентироваться и привыкли ходить по нехоженым тропам, что гораздо труднее. (Я до сих пор испытываю легкое чувство вины, если в походе шагаю по тропинке, – от старой привычки трудно избавиться.)

Но если следовать запрету, то придется спускаться вниз, а

потом подниматься на другую сторону ущелья глубиной в четыреста футов.

«Следит за нами инструктор или нет, может, стоит рискнуть?»

В духе девиза полка «Побеждает дерзкий» мы осторожно перелезли через запертые ворота и стремительно промчались шестьсот футов по мосту.

Все тихо. Дальше мы стали подниматься по крутому подъему к следующему контрольному пункту, до которого было около семи миль.

Однако после шести часов ходьбы мы стали уже уставать.

При такой сильной жаре, да еще когда сжигаешь шесть тысяч калорий в день, таскаясь с тяжеленным рюкзаком, оружием и в разгрузочном жилете, необходимо чаще пить. Но мы этого не делали.

Продвигались мы быстро, чувствовали себя хорошо и, как оказалось, слишком самоуверенно. Это едва не стоило нам шанса пройти отбор.

Через некоторое время нам оставалось преодолеть последний подъем на хребет в две тысячи футов высотой и спуститься к последнему контрольному пункту. Но я уже еле тащился и, несмотря на жару и напряжение, больше не потел. А это было плохим знаком.

Каждый шаг на крутом подъеме давался мне с огромным трудом. Голова кружилась, мысли мешались, и я все время присаживался перевести дух.

Короче, от жары и перенапряжения у меня началось обезвоживание организма.

Раньше я никогда не испытывал подобную слабость и помутнение рассудка. У меня было ощущение, будто я совершенно пьян, потому что то и дело падал на колени.

Хотелось только одного – растянуться на земле в каком-нибудь темном и прохладном месте. Но это было невозможно. Пришлось выпить воды и двигаться дальше в надежде, что через несколько минут мне станет легче.

Наконец я перевалил через гребень и покатился вниз по откосу к конечному контрольному пункту. Отметившись, я без сил распростерся под деревьями рядом с остальными рекрутами.

Голова невыносимо болела и кружилась, меня тошнило. Нужно было немедленно восполнить недостаток воды в организме и взять себя в руки.

Между тем пятеро рекрутов сошли с дистанции еще до окончания маршрута, и еще двоих подобрали по пути – все они пострадали от солнечного удара.

Увидев, как их осторожно поднимают в грузовики и с какой заботой за ними ухаживают капралы, я даже позавидовал этим ребятам. В том состоянии, в каком я в тот момент находился, это казалось невероятным счастьем.

Но я считал, что я должен держаться. Назавтра к этому времени мы пройдем еще одно испытание, и я буду еще на шаг ближе к своей цели. Поэтому я сел и принялся пить теплый, сладкий чай, надеясь, что скоро полностью приду в себя.

Перед началом ночного марша нас вызвали на построение намного раньше обычного. Это не предвещало ничего хорошего.

Когда мы стояли в шеренге, инструктор назвал два имени, и их обладатели вышли из строя.

Инструкторы заметили этих двоих парней, когда они бежали по мосту, перекинутому через ущелье, поэтому их сразу отчислили.

Нам с Тракером повезло, но мы получили хороший урок: если уж ты решил рискнуть, то выбери нужный момент и не дай себя засечь.

К тому времени, когда мы с ним отправились на ночной марш, я чувствовал себя немного лучше. Правда, голова все еще болела, но я мог уверенно стоять. Это уже был какой-то прогресс.

Тракеру тоже было чертовски плохо, что меня немного утешало.

К счастью, маршрут был относительно легким, и к трем утра мы возвратились в наш лесной лагерь. Сил у меня все прибывало, и я даже гордился тем, что преодолел свою слабость и снова был здоров.

Я прилег отдохнуть до сигнала на утренний кросс, который должен был прозвучать в 5:55.

Утренний кросс тоже оказался не таким уж трудным – всего три мили по долине.

И как всегда, когда инструктор задал бешеный темп, ребята растянулись по дороге длинной цепочкой, но вскоре мы уже приблизились к концу дистанции, где нас ждали машины.

Я снова чувствовал себя сильным и радовался, что сумел выдержать темп, тогда как почти все остальные ребята тащились позади.

И вдруг в том месте, где инструктор должен был свернуть налево к грузовикам, он круто повернул направо и сразу стал подниматься по склону в тысячу футов, держа направление к гребню горы.

Вот тогда-то на нас и стали кричать по-настоящему, чего раньше не было.

Глава 45

Инструкторы всегда гордились тем, что им нет необходимости кричать на нас. И без того процедура отбора была достаточно трудной.

Они присутствовали, как нам объясняли, только для того, чтобы руководить тренировками и наблюдать.

Но вдруг все резко изменилось, и тон их приказов стал жестким и суровым.

– Бегом марш! – заорал инструктор. – И если мы увидим, что кто-нибудь не бежит, а идет, он будет отчислен, ясно? Эту гору нужно преодолеть бегом.

Я отвернулся от грузовиков и, подчиняясь приказу, устремился вверх по крутому склону, держась прямо за офицером, решив не отставать от него.

Казалось, просто невозможно все время бежать до гребня этой высокой горы с таким грузом на спине.

Но я думал только о том, чтобы не оказаться первым из тех, кто перешел на шаг. Я заставлял себя бежать вверх, хотя с каждым пройденным футом дыхание становилось все более частым и тяжелым.

На середине подъема инструктор остановился, повернулся и стал смотреть, как мы поднимаемся. Несмотря на крайнюю усталость, я решил не останавливаться, а продолжать бежать, пусть и медленно, пока не окажусь рядом с ним.

Наконец я добежал до него, где-то в середине нашей группы. Ноги и плечи ныли и горели, сердце, казалось, вот-вот выскочит из грудной клетки.

Я посмотрел вниз на последних рекрутов, которые карабкались к нам. Двое из них едва тащились, и я понял, что их ожидает.

Инструкторы объясняли нам: «Бежишь – значит, прошел; перешел на шаг – считай, выбыл из игры».

– Так, вы все возвращайтесь на тропу и забирайтесь в машины. А вы, – рявкнул он последним двоим, – вы идите за мной.

Мы спустились вниз и забрались в грузовики, где я с облегчением растянулся на спине. Перед этим я видел, как проваливших отбор рекрутов повели к другой машине.

Так здесь было заведено – проигравшего сразу изолировали от нас. Это помогало нам сплотиться в команду и испытать гордость за то, что нас повезут на базу, а не отправят домой.

Не так уж это много, но для нас это было очень важно.

В следующие три уик-энда нагрузки неминуемо возрастали: удлинялись маршруты, увеличивался вес рюкзаков, предъявлялись все более суровые требования.

Обычно мы совершали горные переходы расстоянием в тридцать миль с пятьюдесятью фунтами веса. Только теперь мы и в ночных, и в дневных маршах были одни, без инструкторов.

Офицеры приступили к проверке наших возможностей работать самостоятельно: хватало ли нам силы воли, чтобы не останавливаться, продолжать движение, правильно ориентироваться и следить за собой, когда мы уже устали, промокли и замерзли?

Как ни странно, но мне удавалось держаться.

На нас редко кричали, теперь нам просто предлагали выполнить три основные задачи: определить маршрут пути в горах, нести на себе определенный груз и прийти вовремя к финишу. Солдатские учения начнутся потом, но лишь для тех, кто проявил способность выкладываться по максимуму в любых условиях.

Мне все это ужасно нравилось.

Довольно скоро количество рекрутов в нашем батальоне сократилось до десяти человек, а ведь мы выполнили только половину горных учений. Тракер по-прежнему был рядом со мной, но многие сильные и мускулистые парни давно уже выбыли из игры.

Было ясно, что этот отбор потребует от нас всех сил без остатка.

После каждого уик-энда несколько дней уходило у меня на то, чтобы привести себя в порядок и восстановиться. Покрытое синяками тело, руки и ноги нестерпимо болели, подошвы ног были стерты до крови, так что эти дни я не ходил, а еле ковылял.

Видимо, я еще не созрел для такой изнурительной работы в горах. Мне было всего двадцать лет, значительно меньше, чем остальным рекрутам, а выносливость приходит только с годами.

Ничего удивительного, что очень малому количеству молодых ребят удавалось пройти отбор – для работы в CAC оптимальным считался возраст ближе к тридцати.

На то, чтобы привыкнуть к постоянному напряжению сил, требовалось время. Мне нужно было научиться восстанавливать силы быстро, за короткий срок.

Эти навыки появились у меня только через несколько месяцев.

В начале отбора у меня страшно болели икры после одного этапа горных учений, когда нас долго гоняли по горам с

напарником на спине, а плечи начинали гореть уже спустя несколько часов таскания по горам тяжелого вещмешка, но постепенно, со временем я становился все крепче и выносливее.

Еще один важный урок, усвоенный мною на первом этапе отбора, касался отношения к своему телу: я понял необходимость следить за питанием, соблюдать время отдыха и правильно тренироваться.

Насколько интенсивными должны быть мои тренировки между испытаниями, как часто их проводить?

Готовясь к испытаниям, солдаты часто допускают большую ошибку, чрезмерно нагружая себя тренировками, в результате чего получают травмы, а с травмой участвовать в отборе уже невозможно.

Нужно тщательно соблюдать баланс между нагрузками и отдыхом и внимательно следить за своим состоянием.

Это очень помогало мне в дальнейшей жизни.

Глава 46

Меня ужасно раздражало то, что, когда мне просто необходимо выспаться, я засыпаю с огромным трудом, а порой это вообще не удается.

И вот лежишь в темноте с открытыми глазами, понимая, что тебя снова ожидает тяжелый уик-энд и позарез нужно отдохнуть, но никак не можешь забыться сном.

Мозг непрестанно работает, заставляя тебя перескакивать с мысли на мысль, заново переживать и обдумывать все перипетии последних учений, и чем меньше я сплю, тем больше возбуждаюсь.

Из-за этого меня очень тревожило, как я справлюсь с очередным испытанием.

Выдержу или провалю его? Провалишь – и ты отчислен.

И без разговоров.

Принятая в САС и зловеще известная настоящая проверка на характер – это «тест» в горах, который состоит из стремительного марш-броска с полной выкладкой на восемнадцать миль, в том числе подъем на высоту около трех тысяч футов, затем спуск по другому склону одной из высочайших вершин, после чего возвращение на старт.

Не уложишься в норматив хотя бы на минуту – и ты отчислен, о второй попытке не может быть и речи.

Стоя у подножия горы в то теплое ясное утро и ожидая команды к маршу, я так нервничал, как никогда прежде.

«Достаточно ли я поел? Хватит ли мне сегодня сил? Смогу ли я выдержать темп?»

Уже через несколько минут после начала подъема по крутому склону меня опередили Тракер и ребята из передней группы.

«Давай, Беар, живее – потом отдыхай сколько влезет, а сейчас давай жми!»

Когда на тебе груз в сорок пять фунтов, да еще разгрузочный жилет, винтовка, еда и вода, нелегко двигаться с такой скоростью. Через час я уже насквозь пропотел, но изо всех сил старался все быстрее и быстрее подниматься в гору.

На отметке половины пути я наспех глотнул воды и снова побежал – все выше по длинной, вьющейся по горам тропе, к далекой вершине.

Но я уже сознавал, что опаздываю.

И страшно злился на себя.

Когда Тракер проходил мимо меня по петляющей тропе, он выглядел очень уверенным, сильным и бежал в хорошем темпе. Я

понимал, что по сравнению с ним выгляжу развалиной. Низко опустив голову, глядя под ноги, я с трудом вбирал в себя воздух сквозь стиснутые зубы.

Необходимо было наверстать время, и сделать это немедленно, иначе я проиграл!

Откуда ни возьмись на втором отрезке у меня прибавилось сил, и я обошел длинную цепочку рекрутов, которые стали выдыхаться. Это придало мне уверенности, и я прибавил ходу.

Добравшись до вершины, я принялся бежать вниз, к подножию горы и к финишу.

Далеко внизу и впереди, в полутора тысячах футов ниже и на расстоянии трех миль, я увидел маячивших у ворот офицеров – они казались черными точками.

Я выжал из себя все силы и понесся к финишу.

В результате я пришел с запасом в три минуты.

Я сидел на своем рюкзаке, свесив голову между коленями, в полном изнеможении, но испытывал невероятное облегчение.

Получалось, что почти все, кого я опередил, придут к финишу с опозданием.

Спустя тридцать минут, когда собрались все опоздавшие, нас выстроили в шеренгу.

– Рекруты, чьи имена мы назовем, возьмите свои рюкзаки и отправляйтесь к ближайшей машине.

Это был приговор, холодный и безжалостный.

«Вы сами себя подвели. Помните?»

В тот день в свои армейские части возвратились шестнадцать солдат.

Планка была поднята еще выше, и, если честно, силы мои были на исходе.

Глава 47

Тот ночной марш-бросок был очень долгим.

Он начался в сумерках и должен был закончиться в 3:30 утра. Внезапно ухудшилась погода, и, когда стемнело, ориентироваться стало еще труднее. По дороге ко второму из последних контрольных пунктов по этой высокогорной, продуваемой ветром болотистой местности мне предстояло преодолеть крутой склон, заросший густым лесом.

На карте дорога казалась довольно легкой, но в действительности обернулась сущим кошмаром: толстые, тесно растущие сосны, штабеля заготовленных бревен и бесконечные заросли колючего утесника.

Через несколько сотен ярдов я понял, что мне предстоит настоящая борьба. Я уже и так был измотан после пяти часов ночного марша по кочковатым торфяникам, только этого леса мне и не хватало. Я думал только о том, чтобы он поскорее закончился.

Чтобы пробраться сквозь эту проклятую чащобу в кромешной темноте, приходилось продвигаться очень осторожно и ежеминутно сверяться с компасом. Но лес казался бесконечным.

Наконец я выбрался на открытое место, побежал по огибающей лес тропе и заметил на фоне неба смутные очертания одинокой палатки.

С нас требовали неукоснительно соблюдать порядок прибытия к контрольному пункту. Ты подбегаешь к нему, прижимая к груди висящую на шее винтовку, в одной руке сжимая карту, а в другой компас, и опускаешься на одно колено. Затем называешь офицеру свое имя и номер.

Офицер сообщает тебе очередные шестизначные координаты, которые ты должен быстро найти на координатной сетке карты и указать на них краешком компаса или травинкой. (Если ты станешь тыкать в карту пальцем, то незабываемый сержант Тафф пригрозит тебе «оторвать к чертям этот палец и отлупить мокрой тряпкой». Я в шутку угрожаю этим наказанием моим сыновьям, когда учу их читать карту.)

Как только координаты подтверждены, нужно сразу «хватать вещмешок и к чертям!», как нам часто приказывали. Это был сигнал отправляться дальше.

Я отошел от палатки ярдов на двадцать и, присев на корточки, вынул головной фонарик, обмотанный маскировочной лентой, сквозь которую проникали лишь слабые лучи света, и внимательно изучил ламинированную карту.

Сложенная в несколько раз карта всегда находилась в набедренном кармане, а компас был прикреплен к вытяжному шнуру нагрудного кармана. Если потеряешь карту или компас – ты пропал.

Повернувшись спиной к ветру, я травинкой проложил маршрут, который мне казался самым удобным путем через болота.

Ошибешься в выборе пути – потеряешь несколько драгоценных часов.

Но как же легко ошибиться, когда ты насквозь промок, измучен от постоянного недосыпания и пытаешься при сильном ветре и в полутьме разглядеть карту.

Я повернулся навстречу ветру и побежал по крутой тропе, пролегавшей вдоль леса, а потом по болоту – мне оставалось пройти всего две мили.

«Ну давай, жми, скорее! Поскорее уж закончим с этим!»

Было уже 2:00 утра. Я настолько измучился, шагая по этим кочкам, что спал на ходу. Такого со мной еще не случалось.

Невероятно трудно было преодолевать нестерпимое желание рухнуть на землю и заснуть и минута за минутой заставлять себя идти дальше.

Через полтора часа я добрался до маленькой заброшенной каменоломни, вырубленной в склоне горы. Трудно себе представить более жалкую награду за окончание ночного марша.

Пошел сильный дождь, поблизости не было ни одного дерева, чтобы привязать к стволу мое одеяло-гамак. Я лег на топкую землю, натянул на себя одеяло и уснул.

Вскоре я стал мерзнуть, так как моя одежда насквозь промокла. Я дрожал от холода, но думал только о том, чтобы справиться с этим испытанием.

К утру я настолько продрог, что даже обрадовался, когда нас отправили в обычный для этого часа марш-бросок. Я чувствовал, что внутренне словно перешел какую-то грань, стал немного другим. Мне уже было все равно, насколько мне холодно, сыро, болят ли у меня руки-ноги и все тело. Я стремился только к одной цели – успешно закончить этот день.

После двух часов бега вверх-вниз по крутому карьеру, после бесконечных отжиманий в грязи нас, оставшихся рекрутов, отвезли вниз.

Мы были грязные, мокрые и совершенно измотанные.

И невероятно возбуждены.

Я без сил упал на дно кузова. Первое испытание было пройдено.

Глава 48

В следующие выходные испытания проходили в особенно тяжелом районе Уэльских гор – отдаленном, необитаемом, где было еще больше болот с кочками, поросшими пучками высокой травы, которая, словно путы, охватывала щиколотки и страшно мешала идти.

Среди рекрутов она была известна под выразительным названием «Чертова дыра».

Первый марш начался для меня неудачно. Я не смог выдержать темп и вскоре стал отставать. Почему у меня это часто происходило в самом начале? Может, я слишком нервничал?

Приближаясь к первому кемперу[9], я злился на себя за то, что не могу идти быстрее.

К тому же я дважды заблудился на этой громадной заболоченной территории, и мне пришлось потратить драгоценное время на то, чтобы добраться до какого-нибудь места повыше и сориентироваться.

Видно, просто это был не мой день. Я не понимал, почему я такой уставший и раздраженный, когда мне следует быть энергичным и спокойным. Меня охватила растерянность, я не знал, как прекратить это отставание, и с каждой минутой все больше выбивался из графика.

У второго кемпера я выбрал неверное направление, и это опять стоило мне времени – времени, которое мне и так нельзя было терять.

Ошибка состояла в том, что я выбрал дорогу в обход горы, а не через нее. Такое решение я принял в минуту слабости, потому что слишком устал и надеялся сэкономить силы, – и оно оказалось катастрофическим.

В любом случае круговая дорога, хоть и проходила по более ровному месту, была более длинной и утомила меня еще больше. Осторожность не всегда идет на пользу. Порой лучше просто идти приступом на эти горы.

Когда я добрался до следующей контрольной точки, офицер заставил меня долго отжиматься на вязкой почве, не снимая рюкзака, в наказание за то, что последние триста ярдов я шел по тропе, а не по болоту.

Неожиданное наказание задержало меня на целых пятнадцать минут, так что теперь я уже намного отставал от графика.

Наконец он меня отпустил, но велел перейти вброд глубокий, по пояс, ручей с очень быстрым течением, запретив воспользоваться мостками. Он сделал это нарочно, чтобы я

разозлился.

Теперь с меня буквально текла вода, и я едва стоял на ногах. Кое-как я преодолел около сотни ярдов, чтобы скрыться из вида, а потом рухнул на землю. Я хотел немного отдохнуть и прийти в себя. Меня трясло как в лихорадке.

Но офицер следил за мной и приказал мне вернуться:

– Что, парень, хочешь сойти с дистанции?

Он не угрожал мне, просто говорил честно и откровенно. Он же видел, что я совсем раскис.

– Нет, сэр.

И я, пошатываясь, повернулся и побрел дальше.

– Тогда давай вкалывай, наверстывай время!

Мне ужасно хотелось, чтобы решение выйти из игры за меня принял кто-то другой. Я почти надеялся, что он снова окликнет меня и снимет с дистанции. Но он этого не сделал. Решение уйти должен принять ты сам.

Но что-то заставляло меня не останавливаться, идти дальше.

Я понимал, что отказ от борьбы не дает ничего хорошего, что после окончания тяжелой работы будет много времени для отдыха. Но все это легче сказать, чем сделать, когда ты весь разбит и шатаешься на ходу.

Следующий подъем по болотистому, утыканному кочками бесконечному склону горы я никогда не забуду. Я был совершенно измотан. Кое-как мне удавалось сделать пару шагов, а потом я падал на колени под тяжестью рюкзака. У меня началось головокружение и сильная слабость, как во время тяжелой болезни, когда ты пытаешься встать с постели.

Я то и дело спотыкался и падал.

На вершине мне стало легче, правда, совсем немного. Я отчаянно подстегивал себя, стараясь наверстать время.

Наконец я увидел наши грузовики, стоявшие на площадке около моста у подножия горы.

Я бегом спустился к мосту и отметился на контрольном пункте.

Увидев остальных рекрутов, собравшихся в кружок под деревьями недалеко от входа на мост, я понял, что опоздал.

Над индивидуальными спиртовками поднимались дымки, рекруты готовили себе сладкий чай. Я представлял себе, как ребята молча возятся под своим навесом, стараются восполнить недостаток воды в организме и разобрать снаряжение перед ночным маршем.

Офицеры ничего не сказали, просто отправили меня к остальным ждать дальнейших приказаний.

Когда наступили сумерки, нас выстроили в шеренгу.

И снова объявили:

– Итак, следующие рекруты отстраняются от участия в ночном марше. Они не прошли сегодняшний экзамен.

Я стоял и ждал. Были названы четыре фамилии. Затем офицер взглянул на меня – холодно, бесстрастно.

– И Гриллс.

Глава 49

После меня было объявлено еще несколько фамилий, но я уже ничего не слышал.

Я проиграл, потому что не уложился в норматив. Не сказав ни слова в утешение, офицеры велели отчисленным идти в лес и дожидаться рассвета.

В жизни я не испытывал столь глубокого и безысходного отчаяния. Все, ради чего я работал, пошло прахом. Просто пропало. Весь этот пот, труд и страдания – все черту под хвост. Крах. Неудача. Катастрофа.

В сумерках я сидел на своем вещмешке рядом с остальными неудачниками и не мог удержать слез: они так и катились по щекам. Мне было все равно, что меня видят плачущим.

Никогда я не работал так упорно, никогда я так не выкладывался, и все напрасно! Сквозь слезы я видел вдали, на горизонте, силуэты Тракера и немногих оставшихся ребят, отправившихся в ночной марш.

Перед этим Тракер сочувственно обнял меня за плечи. Он сильно расстроился из-за меня, но что он мог сказать или сделать!

В ту ночь я лежал в лесу, и на душе у меня было тяжело и одиноко. Я залез под свой навес, прячась от сильного дождя. Но больше всего мне хотелось быть там – под этим дождем, в горах, – и упорно идти к своей цели. Выдержать испытания. Не оказаться среди тех, кто проиграл.

Никогда не думал, что, хотя тебе тепло и сухо, можно чувствовать себя таким несчастным и подавленным. Большую часть жизни я жил без каких-либо забот. Мне никогда не приходилось добиваться хлеба или крова тяжелым трудом. Я рос с добрыми, любящими родителями, никогда не голодал, всегда был в тепле и не ощущал недостатка в одежде.

Однако мне было как-то неловко пользоваться всеми этими благами, меня терзало чувство неосознанной вины. Мне хотелось работать, усердно и серьезно, хотелось доказать, что я достоин всех благ, что у меня есть.

Если бы у меня был волевой характер и стойкость! Но мой провал служил ярким доказательством, что у меня не было ни того ни другого. И сознавать это было тяжело и очень больно.

Следующие несколько недель проходили в ужасных страданиях.

До сих пор я понятия не имел, что такое душевные муки.

Я страшно переживал, что сам себя предал, что четыре месяца упорного и тяжелого труда пошли впустую, коту под хвост!

Короче, я пребывал в глубокой депрессии, чувствовал себя жалким ничтожеством.

Единственный просвет в этом унынии забрезжил, когда мой батальон предложил мне сделать еще одну попытку, если у меня есть желание.

Это означало проделать все снова, с самого начала. При одной этой мысли меня охватил настоящий ужас.

С другой стороны… в САС не принято давать кандидатам повторной попытки, если в них не видят необходимых волевых качеств, серьезного отношения к делу и не считают их способными пройти отбор! Во всяком случае, это уже был проблеск надежды.

В данный момент моим злейшим врагом был я сам. Неуверенность в себе способна отнять у тебя возможность видеть выход из безнадежного положения. Я постарался объективно оценить ситуацию – мне не удалось пройти отбор только на третьем этапе учений, – есть ли у меня шансы пройти его со второй попытки?

Родственники говорили, что, наверное, все это не для меня, что я и так извлек богатый опыт, решив попробовать себя во время отбора. От их утешений мне становилось только хуже.

Однако, несмотря ни на что, внутренний голос убеждал, что мне это по силам. Голос был слабым, но подавал мне надежду. А порой человеку только и нужно, что лучик надежды.

Глава 50

Зачастую нам мешает добиться успеха представление о своих ограниченных возможностях, которое мы сами же себе внушили.

Если мы постоянно твердим себе, что не обладаем нужными качествами или способностями для того или иного дела, то со временем неизбежно привыкнем считать себя таковыми.

Но я знал, что сумею выдержать все трудности и пройти отбор, если только заменю сомнения в себе надеждой, страх – мужеством и жалость к себе – гордостью за себя.

А этого можно было добиться лишь усердным и тяжелым трудом, еще более напряженными тренировками. И помогать мне в этом, подстегивать меня будет стремление к цели. Ведь я осознал это уже много лет назад.

Эд Эмис, один из моих давних и близких друзей, высказался очень просто: «Божьи создания рождаются, умирают, а потом воскресают».

Я родился и увлекся мыслью пройти отбор; я умер у того злосчастного моста в горах Уэльса – теперь, по логике, пришло время воскреснуть.

Я твердо верю в то, что чудеса действительно возможны. Поэтому я решил попытаться еще раз.

Только на этот раз я буду один, без Тракера.

Я не ожидал поддержки от моей семьи и друзей, особенно от мамы, которая видела, сколько сил мне стоили эти четыре месяца. Но это был мой последний шанс, и я решительно настроился непременно пройти отбор. И я понимал, что за меня этого никто не сделает.

Примерно через две недели после моего провала я выслушал записанное на автоответчик сообщение вконец расстроенного Тракера. Он потерпел неудачу на последнем этапе марша. Несколько часов он блуждал в темноте, безнадежно отстав от графика, и, наконец, его подобрал в свой «лендровер» офицер, который разыскивал заблудившихся рекрутов.

Тракер был невероятно измучен и подавлен. В ближайшие несколько недель он пережил такие же душевные страдания, как и я, и, подобно мне, был приглашен сделать вторую попытку. Мы были единственными двумя ребятами, которым снова предложили пройти отбор.

Мы с огромным рвением приступили к серьезным тренировкам, на этот раз решив во что бы то ни стало добиться успеха. Мы даже арендовали старый деревенский коттедж в шести

милях от Бристоля. И стали тренироваться, как Рокки Бальбоа.

Вскоре должны были начаться занятия на очередном курсе отбора (каждый год объявлялся набор на два курса). И снова, как в День сурка, мы с товарищем оказались в памятном нам старом и пыльном спортивном зале в казармах, и снова нас гоняли офицеры.

Мы вошли в состав новой группы кандидатов. В конце курсов их останется жалкая горстка – мы уже видели, как это происходит.

Но на этот раз мы были уже «стариками». И это очень помогало, придавало нам сил и уверенности. Теперь мы знали, что нас ожидает; тайна, всегда сопровождающая неизвестность, исчезла, оставалось только заработать приз.

На этот раз мы попали на зимние курсы отбора, а в условиях высокогорья они всегда намного труднее. Но я старался об этом не думать. Вместо изнурительной жары и полчищ мошкары теперь нашими врагами должны были стать холодные дожди вперемежку со снегом, ураганные ветры и короткий световой день.

По сравнению с этим летний отбор вспоминался нам с Тракером как нечто благодатное! Удивительно, как быстро человек привыкает к трудностям, и то, что когда-то приводило в ужас, потом кажется простым и легким.

Офицеры часто говорили нам:

– Когда идет дождь, тренировок нет.

(Недавно я услышал, как наш средний сын, Мармадьюк, говорил это своему другу. Тот жаловался, что не может выйти погулять из-за дождя. Четырехлетний Мармадьюк серьезно объяснил ему, что в дождь не гуляют. Здорово!)

В течение нескольких первых недель мы с Тракером постоянно были в числе первых.

Мы были тренированнее, сильнее и увереннее, чем многие из новых рекрутов. Правда, зимняя погода и нам не позволяла расслабиться.

Нам все время приходилось бороться с ветром: однажды на высоком гребне он разыгрался с такой силой, что на моих глазах сбил с ног целую цепочку солдат, включая и инструктора.

Во время первого ночного марша одного рекрута отчислили из-за переохлаждения организма. Как и все остальные, он промок и замерз, из-за ветра и белой мглы[10] утратил волю к сопротивлению и своевременно не принял меры против замерзания.

Он забыл золотое правило холода, которое все время твердили нам офицеры:

– Не позволяйте себе замерзнуть. Немедленно принимайте срочные меры, пока у вас не притуплены чувства и вы еще способны двигаться. Наденьте дополнительную одежду, закутайтесь в одеяло, сделайте себе укрытие, ускорьте шаг – делайте все, что сможете, но только делайте, не сдавайтесь!

Вместо этого тот парень просто сел на болотистую землю, не в силах заставить себя идти дальше. Он так замерз, что не мог ни говорить, ни стоять. Мы тесно окружили его, стараясь укрыть от ветра, дали поесть, потеплее укутали. Затем помогли ему спуститься с горы, откуда его забрал офицер на «лендровере» и отвез в лагерь, где о нем позаботились медики.

Для него это испытание в 21-м полку САС стало последним и жестоким напоминанием о том, что условия отбора гораздо тяжелее, чем это можно представить. Спецназовец должен уметь выживать и в горах, а зимой это совсем непросто.

Еще одной трудной задачей в зимних отборах была попытка согреться в те несколько часов в перерывах между маршами, о которых я уже упоминал.

Летом не имеет значения, замерз ты или промок, – конечно, это неприятно, но не угрожает твоей жизни. Но зимой если ты не позаботишься о себе, то быстро замерзнешь, и это кончится одним из двух: либо ты не пройдешь отбор, либо погибнешь. Выбор невелик.

Глава 51

Примерно на втором этапе я почувствовал себя более крепким и выносливым.

По сравнению с первой попыткой теперь голова и тело работали более согласованно, и я часто заканчивал марш одним из первых.

Шло время, и с каждым разом нас отвозили во все более труднодоступные горные районы Уэльса: черные безжизненные горы, бесконечные болота и старые заброшенные каменоломни.

Час за часом, день за днем я упрямо пробирался по этим горам под холодным проливным дождем. Натянув на голову капюшон армейской куртки, я шел и шел от одной контрольной точки до другой.

По дороге я бормотал, разговаривая сам с собой, напевал и беспрестанно себя подстегивал. Чем труднее становились условия похода, тем больше навыков по их преодолению я усваивал.

Эта выучка приходит только с практикой: умение приспособиться к тяжелым обстоятельствам и продолжать идти дальше. Я сделал это своим девизом.

Привычка преодолевать все эти трудности постепенно становилась моей второй натурой.

И вот я опять погружаюсь по пояс в воду, переходя вброд бурный горный поток. Или с силой вонзаю шипы ботинок в замерзшую грязь на очередном крутом склоне, осторожно поднимаясь вверх в темноте.

Я перебрасываю через расселину тонкое скользкое бревно. Темно и сыро, я сгибаюсь под тяжестью рюкзака, разгрузочного жилета и винтовки. Я устал, но продолжаю идти.

Но хуже всего было ожидание: лежать в холодном болоте, пытаясь отдохнуть несколько часов в промежутке между маршами.

«Не забывай шевелить пальцами ног, улыбайся, думай о следующем задании. Ты сумеешь его выполнить, Беар!» И неделю за неделей я их выполнял.

К концу «горных» испытаний от нашего батальона оставалось всего несколько человек, в том числе мы с Тракером.

Мы работали и проводили вместе так много времени, что сблизились, как братья. Это было нам мощной поддержкой.

Всем нам, пятерым, приходилось испытывать и моменты упадка сил, и неудачи, и все-таки нам всегда удавалось оказаться одними из первых. Каждый из нас вел свою борьбу, и это

вызывало в нас гордость за себя и чувство товарищества, что так трудно найти в гражданской жизни.

Но пока что это было лишь прелюдией к суровой «недельной проверке». Эта неделя состояла из сплошных переходов по горам, которые были самой серьезной и сложной «проверкой на прочность» как для военнослужащих, так и для резервистов САС. Но если ты ее выдержал, значит, прошел и первый этап отбора.

На всю эту неделю базой для нас должен был стать штаб САС, где соберутся все три полка – 21-й, 22-й и 23-й.

Нам предстояло пройти громадные расстояния, совершить утомительные переходы по горным тропам, тащить на себе все больше груза, и при этом обязательно укладываться в нормативы времени. Таковы условия испытаний.

В этих походах, дающих полную возможность максимально испытать пригодность даже самых опытных солдат, наравне с рекрутами участвуют и профессиональные спецназовцы.

Поскольку до сих пор после каждых выходных я дня два с трудом передвигался на распухших подошвах, перспектива совершить один за другим шесть маршей на более длинные дистанции и с большим весом вызывала во мне серьезные опасения.

Я просто не знал, смогу ли я выдержать все эти марши. Дело в том, что «недельная проверка» завершалась самым трудным испытанием. После пяти достаточно сложных маршей предстояло выполнить еще один, самый главный, который у нас называли «проверкой на прочность». Хорошее название!

Дистанция этого марша была намного длиннее прежних. Причем расстояние определялось по прямой, без учета возвышенностей и крутых вершин данной местности. (Миля на карте сильно отличается от мили на местности, когда приходится совершать переходы вверх и вниз по горам высотой в три тысячи футов, брести по болотам, переправляться через реки.) Мы должны будем идти с вещмешком весом в пятьдесят пять фунтов, винтовкой, водой, едой и в разгрузочном жилете.

Ничего удивительного, что я боялся.

Я уже немного представлял себе, каково это будет.

В ту пятницу мы впятером сидели на своих вещах в длинном «лендровере». Мы выехали из казарм в Уэльсе и двигались на север, бог весть куда.

Когда мы прибыли на место, нас провели в большое пустое помещение, полное опытных, закаленных солдат.

Старший инструктор 22-го полка с сильным йоркширским акцентом бесстрастно заявил, что, скорее всего, на этом этапе

отбора за предстоящие шесть дней большинство из нас отсеется. Но если мы по-настоящему хотим стать спецназовцами, тогда все зависит от нас самих.

– Желание должно быть у вас здесь, ребята, – сказал он, ударив себя в грудь. – Вот здесь, в сердце. Итак, первый сбор завтра утром в 5:00. Дальнейшие инструкции каждый вечер будут вывешиваться на доске объявлений. Желаю удачи.

И он ушел, предоставив нам устраиваться на новом месте.

Глава 52

Я аккуратно сложил свои вещи в шкафчик, завел будильник в наручных часах и постарался заснуть. Никогда я так не волновался.

Все поднялись рано, задолго до рассвета. Каждый солдат прибыл сюда с одной целью: доказать, что в состоянии выполнить марши в установленные нормативом сроки. Все, что мы перенесли до этого, было лишь подготовкой к этой «недельной проверке».

Теперь мы были освобождены от утренних кроссов, отжиманий и уборки барака. Они уже не требовались. Вопрос, пригодны ли мы для службы в САС, будет решаться по итогам этой недели.

В конце ее САС пополнится еще одной небольшой группой солдат, которые впоследствии станут профессиональными служащими этого элитного подразделения.

В столовой я заставил себя целиком съесть завтрак – сегодня мне понадобится каждая унция этих калорий.

В объявлении, вывешенном на доске, указывалось, какой вес нашего вещмешка должен быть в этот день. Мы должны были сами взвесить свои мешки и в должное время выстроиться в шеренгу. Здесь с нами не нянчились, все было построено на дисциплине и сознательности.

В 4:55 мы уже стояли на построении, все в стандартном обмундировании, за исключением обуви и головных уборов, которые нам разрешалось выбирать по своему вкусу.

Специальной авиадесантной службе требовались индивидуальности, поэтому здесь всегда поощрялись любые проявления этого рода.

Прежде чем оказаться сейчас в этой шеренге, каждый солдат пролил немало пота и заслужил право выбрать себе более удобную обувь. Это касалось и меня.

Мы стояли вольно, зеленые рюкзаки лежали на земле и давили на ноги своим тяжелым грузом. Дежурный офицер спокойно проверил и взвесил вещмешки, после чего отправил нас за оружием на склад. Нам выдали одинаковые старые самозарядные автоматические винтовки, но с одной особенностью: скользящий затвор и рабочие части были не внутри, а снаружи.

«Удобная штука», – отметил я про себя. Затем мы разместились по автомашинам, выехали из гарнизона и направились в горы. Было еще темно. Я не имел представления,

куда мы направляемся, и ужасно нервничал.

Наконец грузовики остановились, скрежеща тормозами. Я выглянул наружу и сразу понял, что нас привезли в эту отвратительную болотистую местность. Мог бы догадаться и раньше.

После полутора часов езды, сопровождаемой выхлопами едких газов, меня стало подташнивать. Я спрыгнул на землю, и меня вдруг вырвало. Я расстроился, что остался без калорий, которые мне так нужны.

Пока я сидел на земле и ждал, когда меня вызовут и вручат первую карту с координатами моего маршрута, уверенности у меня сильно поубавилось. На меня нахлынули прежние сомнения.

Я вдруг почувствовал себя совершенно опустошенным, отчетливо осознав себя неопытным новичком. Вставая в шеренгу, я сделал глубокий вдох. «Соблюдай спокойствие!» Мне не терпелось поскорее приступить к делу.

Глава 53

Вскоре я вышел на дистанцию.

Поднялся и спустился с первой горы, в долине пересек реку и стал взбираться на следующую гору.

Спустя несколько часов я прошел мимо Тракера, который тоже лез вверх. Он кивнул мне и улыбнулся. Видно было, что идет он хорошо.

Я поднимался по крутому склону, цепляясь за влажную болотистую почву.

Вскоре я добрался до места, после которого, как я надеялся, начнется последний отрезок на обратном пути. Он был длиной всего в шесть миль, но потом я ошибся в направлении и оказался у топкой трясины с высокой травой.

Пришлось пересекать бесконечные теснины глубиной в тридцать футов с бешеными потоками и покинуть твердую почву и высоту, чтобы хоть как-то продвинуться вперед.

Чтобы не тратить с таким трудом выигранное время, я решительно двинулся через болото и вскоре увидел внизу, в долине, ожидающие нас грузовики. Я едва успел уложиться в отведенное время, сбросил с ноющих плеч тяжеленный рюкзак и рухнул на дно кузова, довольный, но уставший, как собака.

В тот день все ребята столкнулись с такими же проблемами. Маршрут и был составлен с этой целью. Но мне удалось выдержать дистанцию.

На следующий день нам снова увеличили вес рюкзаков и опять привезли к болотам, только на этот раз они находились в той части гор, где мне еще не приходилось бывать.

Стоя в цепочке холодным зимним рассветом в ожидании, когда нас станут отправлять в путь с двухминутным интервалом, я хлопнул по плечу впереди стоящего рекрута и спросил его об этой местности. Он сказал, что хорошо ее знает. За полминуты он рассказал мне о коварных местах и о том, как можно срезать путь.

Отличный парень, его советы были неоценимы. Тем отбор и хорош, ведь это не состязание. Если отбор пройдет вся наша группа, инструктор первым будет этому радоваться. САС не ограничена в количестве новобранцев, только нормативы строго соблюдаются.

Дождавшись своей очереди, я быстро двинулся вперед. К этому моменту я уже столько отшагал по болотам, что немного привык к их неровной, кочковатой почве.

Тот день я закончил удачно, несмотря на непрерывный и мощный ливень. По дороге в лагерь я лежал на дне кузова и

болтал с товарищами. Я чувствовал себя более уверенно и спокойно.

Утром следующего дня я заметил, что грузовиков подали меньше; значит, уже отчислено довольно много рекрутов. Кто-то из них заблудился, кто-то не вынес тяжести рюкзака, кто-то пришел позже установленного времени.

Уследить за отчислением было трудно, но на доске объявлений каждый вечер вывешивался список оставшихся, и пока что в их числе было и мое имя.

Я поставил себе цель работать как можно более стабильно, без провалов, но и не зарываться. А просто каждый день стараться выполнить задание и уложиться в заданное время, чтобы остаться в списке.

Глава 54

Наша все убывающая группа рекрутов забралась в большие металлические грузовики, которые вновь направлялись к болотам.

Сегодня нам предстояло идти по тем же местам, где пол год а назад я потерпел поражение. Настало время расправиться с этой дистанцией.

Чтобы не повторить прежнюю ошибку, я понемногу подкреплялся остатками от завтрака, которые спрятал в карман, и регулярно отпивал по глотку воды.

Но не успел я обрести уверенность, что на этот раз все идет как надо, как по беспечности допустил просчет.

Я слишком рано спустился с возвышенности и вскоре снова оказался на самом тяжелом болотистом участке. Топкая и вязкая почва под ногами хлюпала и засасывала, каждый шаг давался с огромным трудом, под тяжестью рюкзака подгибались колени. К тому же высоко над собой я видел на фоне неба отдаленные фигуры рекрутов, которые опередили меня.

Скоро я настолько вымотался, что вынужден был остановиться, передохнуть и хотя бы на минутку снять с плеч тяжеленный рюкзак. Пошарив в карманах, я съел все до последней крошки. Теперь еды не осталось. А мне явно не хватало энергии.

Я проверил карту и оценил свое положение. Нужно было срочно придумать, как выбраться из этой проклятой трясины.

Я круто повернул и стал взбираться на плато, с которого только что спустился. Это означало сделать крюк, мне следовало спускаться вниз, но идти здесь было гораздо легче, чем снова сражаться с болотистой почвой. Один раз я уже пытался ее одолеть и проиграл.

Как нарочно, поднялся сильный ветер, он дул мне навстречу, с плато. Я опустил голову и, не обращая внимания на то, что лямки рюкзака больно впились мне в ноющие плечи, упорно продолжал лезть вверх.

Я не хотел проиграть игру в этой богом забытой дыре.

Добравшись до верха, я бросился бежать. Бежать по топкой почве, с весом восьмилетнего ребенка на спине – то еще удовольствие. Но меня охватил азарт, и я продолжал отыгрывать время и расстояние.

Я бежал, пока не оказался у последнего контрольного пункта, и только потом рухнул на землю, совершенно обессиленный. Офицер как-то странно посмотрел на меня и усмехнулся.

– Хорошо поработал, – заметил он, потому что видел, как я бежал последнюю милю с небольшим по этим кочкам.

Мне удалось уложиться во время.

Я выиграл, и адреналин бушевал в моей крови.

До окончания «недели испытаний» оставалось выполнить три марша, самых тяжелых и страшных. Первый из них проходил в Брекон-Биконсе. Маршрут длиной в двадцать миль проходил между тремя высокими вершинами, а три кемпера безжалостные офицеры расположили только на обратном пути, на дне каждой долины.

Вес наших рюкзаков был серьезно увеличен. Я даже лишний раз посмотрел на доску объявлений, чтобы убедиться, что не ошибся. Каждое утро, в ожидании инструктажа, нам стоило огромного труда взвалить на спину тяжелый и громоздкий рюкзак. Лучше всего оказался вот такой способ: присесть на корточки, просунуть руки под лямки, а потом кто-нибудь тянул тебя за руки, помогая встать на ноги.

А уж если ты встал, то надо было стоять с рюкзаком весь развод. Вес рюкзака больше всего ощущался в начале и в конце маршрута, и труднее всего давались первые два часа марша.

Как только рюкзак оказывался на спине, стертые в кровь лопатки сразу отзывались болью. Затем ты как-то отвлекался от нее, зато к концу марша начинала заявлять о себе нестерпимая боль в плечах, которые резало и жгло будто огнем.

Покрытые волдырями и растертыми в кровь ссадинами, местами заклеенные пластырем поясница и плечи рекрутов говорили о многом, так что, казалось, в душевом блоке моются солдаты с передовой, поступившие в полевой госпиталь.

Волдыри на спинах и ступнях причиняли сильную боль, и большая часть вечера у рекрутов уходила на то, чтобы старательно заклеить их перед сном.

В то утро, когда мы стояли в ожидании инструктажа, я опять чувствовал тошноту и головокружение. Я всегда очень нервничал во время ожидания, и эта слабость была следствием волнения. Я посмотрел на лежавший у моих ног рюкзак с дневным рационом. Плохое начало.

В момент отправления повалил густой снег, и уже на первой вершине я стал быстро слабеть. Опять. День за днем силы покидали меня. А восстановить их за несколько часов сна было просто невозможно. Я ненавидел это ощущение слабости и головокружения.

«Почему я снова слабею? Мне нужна энергия!» Но сказывались частая рвота, недостаток сна и длинные трудные

переходы по горным болотам.

На середине пути я уже отставал от графика и понимал, что мне необходимо увеличить скорость, как бы я себя ни чувствовал. Я перестал себя жалеть, хорошенько поднажал, и оказалось, что чем упорнее я себя подстегиваю, тем более сильным себя ощущаю.

В итоге день я закончил по графику. Я был разгорячен и еще полон возбуждения, когда скинул на дно кузова осточертевший рюкзак и прочее снаряжение.

«Молодец, Беар!»

Но я не понимал, что в результате такого тяжелого и долговременного напряжения мои ресурсы и выносливость все больше иссякают.

А с пустым баком далеко не уедешь.

Глава 55

На следующий день дистанция была меньше, правда, был значительно увеличен вес рюкзака. «Недалеко, зато тяжело, – сказал я себе. – Придется еще раз поднажать, Беар».

Сильный косой дождь крайне затруднял ориентировку. К тому же через несколько минут после старта все мое снаряжение промокло до нитки. Я выглядел так, будто только что перешел реку вброд.

Несмотря на мокрую одежду, холода я не чувствовал – слишком энергично шел. Натянув на голову капюшон, я устремился в лес.

Спустя шесть часов я увидел грузовики. Сбросив на пол рюкзак, я прямо здесь, в машине, сменил мокрую одежду на сухую. Мы прибыли в лагерь и занялись чисткой одежды и снаряжения, заклеиванием всяких потертостей и волдырей, готовясь к следующему дню.

Те из нас, кто остался, отлично понимали, что их ждет в очередные сутки. Еще один марш, но какой!

«Проверка на прочность» – это знаменитый маршрут отбора. Именно на нем несколько лет назад умер один рекрут – от переутомления. Он уравнивает и объединяет всех, кто его прошел.

Нам предстояло пройти по всему горному кряжу Брекон-Биконса, а потом по нему же проделать обратный путь. Нам понадобилось два листа карты масштаба 1:50 000, чтобы целиком увидеть этот маршрут и осознать его сложность.

Это были последние испытания отбора в горных условиях. Если ты прошел этот этап, то допускаешься к дальнейшим этапам отбора САС.

В два часа ночи меня разбудил ненавистный звон моего будильника.

Я медленно сел на спальном мешке.

В казарме уже горел свет, все снова заклеивали пластырем ступни, забинтовывали волдыри на спине. Сидящий рядом со мной парень, бледный и изнуренный, обматывал пластырной лентой пальцы на ногах, как боксер тщательно бинтует себе руки перед боем.

Мне не приходилось часто пользоваться пластырем. В начале недели я постарался, чтобы спина и ноги приспособились к тяжелому весу, и сейчас, глядя, как ребята бинтуют и заклеивают себе спины и щиколотки, я радовался тому, что у меня было всего

несколько волдырей, которые уже зажили.

Зато я был очень изнурен, а щиколотки и ступни так распухли, что я едва ковылял в сторону кухни. На полпути я остановился отдохнуть.

«Посмотри на себя, Беар. Сегодня «проверка на прочность», а ты едва ползешь!» Я постарался не думать об этом.

В ту ночь построение прошло очень быстро и при полном молчании рекрутов. От тех, кто вышел на старт всего неделю назад, осталась жалкая горстка, включая нас с Тракером. Каждый день он упорно и спокойно преодолевал вовремя все дистанции, без малейшей суеты и ажиотажа. Просто молодчина!

– Дружище, это нам по силам, – прошептал я ему на построении. – Остался всего один марш, и все, Тракер.

В ответ он слабо улыбнулся. Он выглядел как ходячий раненый. Да мы все были такими же. Сильные люди, шаркающие на больных ногах.

«Стоит только начать идти, – думал я, – и кровь разгонит всю эту тяжесть и скованность в спине и ногах».

Мы не разговаривали, когда в ту ночь ехали в последний раз к горам. Все сидели, сгрудившись в одну кучу и уйдя в свои мысли.

В эту глухую февральскую ночь стоял сильный холод. Скрип тормозов и резкий толчок вывели нас из задумчивости. Я выглянул наружу. Даже в темноте было видно, что вся земля покрыта толстым слоем снега. Пора было вылезать.

Сегодня наши рюкзаки весили пятьдесят пять фунтов плюс разгрузочный жилет, оружие, вода и дневной паек. Чертовски тяжело.

Офицеры взвесили наш груз на безмене, подвешенном к заднику одной из машин. У Тракера оказалось на фунт меньше.

Офицер дал ему десятифунтовый камень и велел засунуть в рюкзак. Такова «проверка на прочность». Никто не ожидал никаких поблажек.

Мы с Тракером помогли друг другу взвалить рюкзаки на спину, затем встали в шеренгу, ожидая сигнала, чтобы отправиться друг за другом на марш с обычным интервалом в две минуты. Было дьявольски холодно, и даже здесь, в долине, ветер был очень сильным. Мы даже повернулись к нему спиной.

Наконец офицер выкликнул мое имя:

– Гриллс! Время пошло. Марш!

Глава 56

Я в темноте двинулся по проложенной предыдущими рекрутами тропе.

Настроив себя на взятие первой высоты, я опустил голову и зашагал так быстро, как позволяли больные ступни.

Первый контрольный пункт находился на высоте двух тысяч футов, и я подумал, что могу срезать угол, если пойду по долине, а не по гребню горы. Скоро я понял, что это было ошибкой.

Я неверно оценил высоту снежного покрова, но прошел уже достаточно приличное расстояние, так что не хотел тратить время на возвращение в исходную точку. На дне долины сухой, рассыпчатый снег доходил мне до пояса. Я продвигался со скоростью черепахи.

Надо мной, на фоне освещенного полной луной неба, виднелись маленькие фигурки рекрутов, медленно поднимающихся в гору. А я все барахтался на дне долины, практически топчась на одном месте. Я даже не приступил к началу маршрута. «Что за идиотское решение, Беар!»

Я уже весь покрылся потом. Целый час ушел у меня на то, чтобы добраться до гребня, где к тому моменту никого уже не было. Я оказался в одиночестве и сильно отстал от графика.

На вершине ветер был особенно неистовым, и мое продвижение без преувеличений можно было описать как два шага вперед, один назад. Я осторожно продвигался по узкой овечьей тропе по самому гребню горы, справа за которой начинался отвесный склон высотой примерно в восемьсот футов.

Неожиданно подо мной треснул лед, покрывавший небольшую лужу, и я по бедра провалился в ледяную вязкую кашу. Я весь промок и испачкался в этой черной жиже, тяжелой массой налипшей на ботинки. Ничего себе начало!

Нагнув голову, я снова зашагал вперед. С первыми лучами солнца я в последний раз поднялся на восточный гребень высокой вершины, которую мы так хорошо знали.

Сколько раз я запросто преодолевал эту гору, а сейчас еле тащился – голова низко опущена, ноги дрожат, дыхание прерывистое, судорожное. Казалось, горы решили бросить вызов человеку, заставляя его вступить в схватку. Когда мы спустились, а потом снова стали подниматься на следующий гребень, я увидел перед собой невероятной красоты зимний рассвет с солнцем, поднимающимся над отдаленным горизонтом.

Нам предстояло идти весь этот день до полудня следующего дня, то есть если мы вообще дойдем до финиша.

Я продвигался вперед с огромным трудом, но упрямо и настойчиво. «Сохраняй темп, следи за дыханием, не останавливайся».

Час протекал за часом, но я не замечал их, потому что вел изнурительную борьбу со своим телом, стараясь не замечать, как все больше распухают ступни в мокрых покоробленных башмаках.

Я спустился по очередному заснеженному склону горы к водохранилищу: оно означало середину маршрута. Измученный, я сбросил рюкзак и немного подкрепился в кемпере, чтобы восполнить запас энергии.

Из кухни навстречу мне выходили другие рекруты – темные, мокрые и сгорбленные фигуры; они быстро пересекали болото, возвращаясь в горы, и на ходу жадно уничтожали овсяное печенье и армейский шоколад.

На контрольном пункте я просидел еще минут пять в ожидании своей очереди. Нужно было немедленно отправляться дальше, а то ноги откажутся идти. Чем дольше ты сидишь, тем тяжелее и больнее снова начать ходьбу.

Я взвалил на себя рюкзак и начал подниматься на тот же склон, с которого только что спустился. Вскоре я вынужден был сбавить скорость из-за кочковатой почвы, заросшей пучками травы. Я старался подстегивать себя, насколько позволяли мне силы.

На десятой миле я нагнал Тракера, и дальше мы пошли рядом – две жалкие одинокие фигуры, старающиеся держать темп и не поддаваться все возрастающей усталости.

На следующем контрольном пункте я стащил с себя башмаки, полные вязкой болотной жижи. Надел свежие носки и подсушил ботинки. В сырых ботинках сухие носки быстро промокли, но приятно было сознавать, что они свежие. Нам оставалось преодолеть последние восемнадцать миль, а на мне были свежие носки.

Психологически казалось, что я только отправился в путь.

«Давай, Беар, держись, не останавливайся. Еще немного, не сдавайся».

Глава 57

Одну из последних вершин, которую нужно преодолеть в Брекон-Биконсе, рекруты прозвали «Уноси ноги». Стоит ее увидеть, и ты сразу понимаешь, почему люди часто перед ней пасуют.

Высокая гора с обрывистыми склонами, покрытыми болотистой почвой, – уже на тридцатой миле рекруты, измученные длинной дистанцией, тяжелым грузом и высоким темпом, сами отказываются от участия в дальнейших испытаниях отбора.

Но я пока что не сдаюсь. Опрокинувшись на спину, я начинаю скользить по крутому заснеженному спуску в долину, в качестве руля используя приклад винтовки, и, наконец, останавливаюсь в самом низу, у покрытого льдом ручья.

Перейдя его, я начинаю карабкаться вверх, за мной следует Тракер. Все выше и выше, пока я не оказываюсь на вершине, где падаю в снег и жду товарища.

У Тракера тоже страшно распухли обе ступни. Позже он обнаружил, что где-то в этом месте у него произошел перелом косточек больших пальцев на обеих ногах. Это произошло оттого, что на крутизне все время приходилось врубаться носком ботинок в снег. Бедняга очень страдал.

До меня доносилось его бормотание – он читал себе под нос строки из Библии. Мы с ним всегда молились перед походом. Сейчас нам, как никогда, нужна была помощь Бога.

«Ибо Я Господь, Бог твой, держу тебя за правую руку твою, говорю тебе: «не бойся, Я помогаю тебе» (Книга пророка Исаии, 41: 13). Никогда еще я так не нуждался в подобном ободрении.

Когда тебя ничто не отягощает, легко быть циником и думать, что обойдешься и без помощи. Но отбор показал, что у каждого есть свой предел. Чтобы преодолеть этот предел и двигаться дальше, нужна помощь свыше.

Вот это и давала мне вера – тайную силу и помощь, когда они требуются больше всего. А сейчас я в них определенно нуждался.

Когда мы поднялись на вершину, опустился туман, стало опять темно. Мы здорово замерзли. Долгая и трудная ходьба в сумраке по болотистому плато измучила нас, и вскоре мы заблудились – именно от переутомления. Мы медленно спускались, в то время как должны были находиться еще на плато.

– Черт возьми, где мы? – Я развернул карту и стал рассматривать ее, сотрясаясь от дрожи.

Мы ходили кругами в поисках маленькой тропинки на обрыве, которая должна была привести нас в долину, к очередному контрольному пункту.

Уже полностью стемнело, из-за густого тумана видимость упала почти до нуля. Я шел впереди, когда вдруг поскользнулся и стал съезжать в грязный ледяной овраг. Тракер, который шел прямо за мной, тоже заскользил вниз.

Оказавшись внизу, в жиже из снега и грязи, мы стали подниматься обратно, к тому месту, где упали. И вдруг прямо перед собой увидели огонек.

Это и был тот самый контрольный пункт, который мы тщетно искали. Вот и ответ на наши отчаянные мольбы! Мы отметились на этом пункте и отправились к следующему кемперу.

Неожиданно идти стало почти невозможно. Я три раза проваливался по пояс в болото. К тому же повсюду торчали пни от спиленных деревьев.

Я жутко замерз и жестоко страдал от жажды. Казалось, этот маршрут окончательно меня доконает. Медленно, но верно я начал отставать.

Недавно к нам присоединился Мэтт, один из наших рекрутов. Поняв, что силы у меня уже на исходе, он оттащил меня в сторону и заставил надеть еще один свитер. Затем дал мне напиться из своей фляжки и помог встать.

Мне никогда не отблагодарить его за то, что он сделал для меня в тот час. Через несколько минут мы втроем снова двинулись в путь. Вскоре внизу мы увидели грязную тропу, которая вела за пределы участка с этими злосчастными пнями. Если мы воспользуемся этой тропой, то нас сразу отчислят – это мы знали твердо.

Но кроме нас, в этом пустынном месте никого не было, а мы стремились сэкономить время, чтобы успешно закончить этот последний маршрут. Во что бы то ни стало!

Мы стали пробираться между густо торчащими пнями и скоро оказались на тропе. То и дело озираясь, мы зашагали вперед.

Неожиданно в темноте мелькнул свет фар, и мы разом пригнулись за изгородью из колючей проволоки. Прятаться было негде, поэтому мы просто упали на землю, лицом вниз, и замерли.

Я молился, чтобы фары не осветили нас. Мимо медленно прополз «лендровер» с офицерами. Нас никто не заметил.

Мы рискнули пройти по тропе еще с полчаса, затем свернули на восток, снова в лес, после чего выбрались на открытое болото. Теперь нам оставалось пройти всего восемь миль.

Но, казалось, конец пути никогда не настанет. Мы шли как привидения. Через каждые сто ярдов мы останавливались и присаживались передохнуть, испытывая невероятное блаженство от того, что вес рюкзаков не давит на плечи и ноги.

Минутки две посидев на грязном снегу, я подталкивал Мэтта, заставляя его снова идти. Настала моя очередь помогать ему.

– Давай, Мэтт, еще немного. Скоро уже все закончится!

Наконец на другом берегу водохранилища мы увидели то, что искали. В воде отражались лучи света. Это горели фары армейских грузовиков, которые ждали нас на финише. Мы слышали приглушенный гул двигателей, от которых работали обогреватели в кабинах.

Напрямик через водохранилище было всего полмили, но дорога вокруг него тянулась примерно на три мили.

Почувствовав прилив сил, я как можно быстрее зашагал в обход водохранилища. Только близость финиша поддерживала во мне энергию.

И вот спустя двадцать один час Мэтт, Тракер и я закончили эту «проверку на прочность» – первыми из оставшихся двадцати одного рекрута.

Я впервые испытывал одновременно и полное изнеможение, и радостное облегчение, и невероятную гордость.

Но главным было ликующее сознание, что я прошел горные испытания.

Хотя продолжение обучения оказалось по-своему еще более тяжелым.

Глава 58

По окончании горных испытаний от нашего батальона осталась лишь жалкая горстка.

Мне понадобилось около шести дней, чтобы привести в порядок распухшие ступни и воспаленную спину, но я гордился тем, что показал себя в горах сильным и выносливым.

Наступило время военных учений. Сначала мы должны были научиться тому, что составляет основу для солдат регулярной армии, после чего приступить к приобретению и закреплению военных знаний и умений, необходимых в элитных частях.

Основное время будет уделяться усвоению специальных навыков. Наконец-то офицерам была предоставлена возможность превратить зеленых новобранцев в тщательно обученных, находчивых специалистов, которыми славится САС.

Мы должны были научиться выполнять наше дело точно, быстро и, главное, почти автоматически. Чтобы достичь такого профессионализма, требовалось особое усердие в учебе и тренировках. Нас предупредили, что здесь любую ошибку или промах прощают лишь один раз. Еще одна ошибка – и ты отчислен.

Мне страшно хотелось во всех отношениях отвечать высокому уровню профессионализма, которым отличались спецназовцы САС. Обидно было бы упустить возможность научиться всему этому, заработанную столь тяжким трудом.

Обучения специальным навыкам проводятся в течение многих месяцев по выходным. Затем нам предстояло несколько недель провести в тренировочном лагере, где в тяжелых условиях будут подвергнуты суровой проверке наши знания и характер, чтобы определить, действительно ли мы годимся для службы в спецподразделениях.

После этого наступит самая тяжелая фаза учений, имеющая целью «посвятить бойцов в искусство проведения операции по захвату террористов». Если нам удастся благополучно пройти эту фазу (а нам сказали, что на этой фазе многие проваливаются), тогда и только тогда мы получим право носить значок с девизом «Побеждает дерзкий» и песочный берет САС.

Во время следующего уик-энда занятия были очень напряженными. Но здесь главным были не тренировки, а обучение специальным знаниям и умению сочетать эти знания с физическими качествами, которые мы в себе развили за предыдущие месяцы.

Перед рассветом нас всех собрали в подземном бункере. Здесь нам предстояло выслушать лекции и усвоить полученную информацию – быстро и в большом объеме.

Суть этих занятий выражалась словами: объяснение, показ, исполнение. То есть нам объяснят задание, покажут, как его выполнять, а затем мы должны будем отрабатывать его до тех пор, пока не сделаем все на «отлично».

Нам придется покрывать большие расстояния, знакомиться с УПД (установленным порядком действий) или СОП (стандартными операционными процедурами), которые выполняют в специальных подразделениях армии.

Я сразу заметил, что здесь атмосфера иная: к нам уже относились не как к безликой массе рекрутов, а как к будущим солдатам спецслужбы – к солдатам, с которыми в ближайшем будущем, возможно, придется сражаться нашим преподавателям-офицерам.

Поэтому они были крайне заинтересованы в том, чтобы обучить нас как можно лучше и устранить все наши недостатки.

По сложности новые учения во многом уступали испытаниям в горах. И здесь каждый рекрут оценивался особо: если офицер считал, что ты не справляешься, недостаточно быстро схватываешь материал, или просто ему чем-то не нравилась твоя физиономия, то ты подлежал отчислению. Без всяких вопросов.

Самым главным для офицера была скорость, с какой ты усваиваешь знания. Умеешь ли ты правильно оценить и приспособиться к ситуации, быстро соображать, проявлять инициативу, выдумку, способен ли в критический момент сохранять хладнокровие. Успешно ли ты справляешься с заданием в одиночку, способен ли работать в команде. Насколько ты собран, владеешь собой, сможешь ли, когда потребуется, проявить контролируемую агрессию и напор.

Теперь я понимал, почему предъявлялись столь высокие требования к уровню физической подготовки кандидатов. Приобретенные во время тренировочных учений сила, ловкость, выносливость должны были помочь им выполнять сложные задачи, которые ставились перед служащими спецподразделений.

– За пять часов вы должны произвести эвакуацию десанта вертолетом – место назначения в пятнадцати милях. У вас один раненый, а на хвосте – противник. Задание считается выполненным, когда вы посадите вертолет на свой аэродром. Приступайте!

Вот это мне было по душе!

Глава 59

Мы уже чувствовали себя в САС своими, и это было здорово!

Снова и снова мы с энтузиазмом отрабатывали боевые навыки: внезапно атаковывали противника из укрытия, таскали на себе в горы боеприпасы и рации, штурмовали строения на заброшенных фермах.

Помимо этого постоянно проводились тренировки: бег на короткие и длинные дистанции, физическая, боевая подготовка и марш-броски в полной выкладке.

Занятия проходили в стремительном темпе и напряжении: как только мы осваивали очередную тему, офицеры сразу переходили к следующему курсу лекций. Нам приходилось все время «работать мозгами», не давая себе расслабиться, – вот почему САС славится своими высокопрофессиональными и умственно развитыми солдатами.

Их отличает умение быстро и верно оценить самую сложную и запутанную обстановку и немедленно приступить к решительным действиям. Ну и, конечно, им свойственна способность очень быстро овладевать новой техникой и знаниями, в том числе способов маскировки, выслеживания противника, устройства тайников, владения оружием при любой погоде, а также под водой и в темноте. Знакомство и освоение всех типов иностранного оружия, включая его сборку с закрытыми глазами и меткую стрельбу. Многочасовые учения по боевой стрельбе группами из четырех курсантов.

И при этом нас постоянно приучали работать сплоченной командой: знать, как каждый из нас поведет себя в самый критический момент и какие качества являются его сильной стороной. Ведь в бою или в любой другой сложной ситуации необходимо иметь рядом надежного и верного товарища.

Учения проходили в напряженной обстановке, поскольку последствия ошибок становились все более серьезными. Мы работали командой, поэтому ошибка одного грозила неприятностями всему коллективу. В лучшем случае в качестве наказания нас заставляли отжиматься ночью, когда остальные спали, а в худшем такая ошибка могла стоить жизни кому-то из нас. (Учения по стрельбе, когда ты пробираешься, пригнувшись, по траншее и в темноте ведешь огонь по цели боевыми патронами, очень опасны, поскольку курсанты находятся очень близко друг от друга.)

Стремительно приближалось время, когда мы должны были в последний раз отправиться в лагерь по обучению боевым

действиям. Офицеры все чаще собирались для обсуждения каждого кандидата в отдельности на предмет годности к службе в САС.

Физические нагрузки тоже возрастали: нас заставляли бегать вверх-вниз по горам с тяжелыми пулеметами и с ящиками, полными боеприпасов.

– Хорошо! Теперь проделай это еще раз, только теперь во время подъема разбери и снова собери винтовку.

И все это время мы знали, что далеко не всем удастся благополучно закончить эти учения.

Поездка в учебный лагерь началась плохо.

– Если вы даже не умеете толком погрузить в машину свое снаряжение, можете мне поверить – у вас нет ни малейшего шанса пройти учения, – сказал перед отправлением из гарнизона наш командир Тафф.

Лично я нервничал, как никогда во время отбора.

Пока мы ехали, на машине меня укачало, так же было, когда я ребенком ездил в школу. Это потому, что я очень волновался.

Мы спросили у Таффа, чего нам ожидать от этого этапа, нас должны были научить проводить операции по освобождению заложников, и как их нам пережить.

Он посоветовал нам с Тракером следующее:

– Вам, ребята, с вашей речью лучше помалкивать – офицеры 23-го полка не очень-то жалуют рекрутов, которые учились в частной школе.

Занятия в учебном лагере проводил 23-й полк (эта обязанность поочередно возлагалась то на этот полк, то на 21-й), который был известен своими крутыми, грубоватыми на язык, крепко пьющими и высокопрофессиональными солдатами. Несколько месяцев назад мы вместе с ними проходили «неделю испытаний», а теперь среди новобранцев прошел слух, что офицеры 23-го полка собираются «задать перцу» парням 21-го.

Мы с Тракером надеялись, что если мы не будем лезть вперед, а просто тихо делать свою работу, то останемся незамеченными.

Но наши надежды не оправдались.

– А где эти парни, которые выражаются вроде принца Чарльза? – закричал офицер 23-го полка, когда по прибытии в лагерь мы выстроились шеренгой. – Ну что, джентльмены, вы, конечно, за утренним чаем собираетесь просматривать газету? – язвительно осведомился он.

Мне хотелось ответить, что это было бы очень приятно, но я воздержался.

Офицер продолжал:

– Я вас приметил, ребята. Хочу ли я, чтобы в один прекрасный день моя жизнь зависела от ваших изнеженных ручек? Черта с два! Если вы хотите пройти этот курс, вам придется заработать это право и показать себя самым серьезным образом. Вам следует работать лучше всех остальных.

«Ну и ну!» – подумал я.

Было понятно, что следующие две недели станут для нас сплошным кошмаром.

Глава 60

Из-за постоянного недосыпания, бесконечных проверок и усиленных тренировок я даже не заметил, как пролетели следующие пять дней.

Каждое утро ровно в 5:00 начиналась убийственная физическая подготовка, которая длилась целый час.

Мы ели практически всегда на ходу, и я не совсем понимал, зачем нам выделили кровати, – так редко мы ими пользовались.

С завязанными глазами мы разбирали на части иностранные винтовки и пистолеты, стремясь уложиться в норматив, затем начинались лекции по баллистике, за ними – практические занятия по сигнализации; потом мы отправлялись на озеро, где проходили тренировки по плаванию, после чего наступала очередь марша с полной выкладкой. Сразу за этим проводились контактные бои, тренировочные занятия на вертолете, лекции и практические занятия по полевой медицине.

Обучение умышленно проводилось в напряженном темпе, чтобы офицеры могли удостовериться в наших физических, умственных и психологических возможностях в любом состоянии сохранять бдительность и быстро переключаться с одного задания на другое, а также слаженно работать в команде, хотя от обилия информации и физических нагрузок мы очень уставали.

Каждую ночь мы до трех или четырех часов отрабатывали технику внезапного нападения на неприятеля со скрытой позиции и атакующего боя и только потом ложились спать.

Труднее всего было лежать под проливным дождем в какой-нибудь канаве и от усталости то и дело проваливаться в сон. Замерзшие, голодные, измученные, мы ждали, когда офицеры пройдут сквозь зону нашей «засады», устроенной на высоте в болотистой местности Йоркшира, которая простиралась вокруг казарм.

Часто они так и не показывались, и тогда мы собирали свои мешки и снаряжение и под утро возвращались в лагерь, где обязаны были вычистить все до блеска.

Только после этого мы падали в постели и на два часа забывались мертвым сном.

Я стал страшиться сигнала тревоги, который после этих двух жалких часов сна поднимал нас и выгонял на утренний кросс.

Я чувствовал себя совершенно разбитым. Но, несмотря на все эти трудности, с каждым днем мы постигали все больше тонкостей профессиональных навыков, необходимых спецназовцу.

Собственно, в этом и состоял смысл этой стадии тренировок:

способны ли мы действовать эффективно, находясь в состоянии усталости.

Особенно мне запомнилось одно раннее утро, когда мы выполняли обычный кросс с партнером на спине. От слабости и перенапряжения всех подташнивало. Я как раз почувствовал, что не в силах дальше бежать со своим грузом на спине, когда сзади послышался звук удара и затем вскрик боли.

Я оглянулся и увидел на бетонной дорожке рекрута с залитым кровью лицом.

Оказалось, парень, который тащил своего напарника на закорках, покачнулся на бегу, и напарник ударился головой об оказавшийся рядом фонарный столб с такой силой, что его сбросило на землю. Срочно прибыли медики, и нас отпустили на полчаса раньше. Мы страшно обрадовались этой передышке. Но такое случалось крайне редко – этот случай был единственной поблажкой за целых две недели.

Недостаток сна стал тяжело сказываться на моем состоянии. Невозможно знать, как ты будешь действовать, когда несколько дней практически не спишь. Страдало все: настроение, способность сосредоточиться и четко выполнять задание. А ведь к этому мы и готовились. Но так и было задумано: расколоть тебя и посмотреть, из какого материала ты сделан.

Я помню, как во время одного занятия (ужасно скучной лекции о различной проникающей способности пуль и снарядов разного типа) я посмотрел на Тракера и увидел, что через каждые две минуты он щиплет себя за руку, чтобы не уснуть.

Мне стало смешно, и моя сонливость пропала.

Больше всего изматывало то, что мы находились под непрерывным наблюдением. И это было тщательно продумано: офицеры смотрели, способны ли мы выполнять задания в определенные нормативом сроки, когда находимся на пределе своих сил.

Я с нетерпением ждал заключительных четырехдневных учений, когда мы отправимся в разведку и окажемся одни, без этих пристальных и оценивающих взглядов.

Последние испытания начались в холодный предрассветный час (как обычно), но без кросса (вопреки обыкновению), и мы отправились в разведку по четыре человека в группе.

С этого момента мы ни с кем не могли общаться, кроме членов нашей маленькой группы или ячейки. (Это правило безопасности принято с той целью, чтобы в случае пленения наша группа ничего не знала о заданиях других разведывательных групп. Оно заставляет группу полностью сосредоточиться на выполнении своей задачи.)

Каждой группе сообщили, в чем будет заключаться специфика ее задания.

После этого весь день прошел в подготовке: мы старались освободиться от лишних вещей, чтобы захватить с собой побольше боеприпасов, чистили оружие и заполняли магазины патронами и трассирующими снарядами, изучали карты и заучивали позывные вертолетов, отрабатывали систему приемов и отдельные элементы операции побега и эвакуации, проверяли рации.

Меня охватило такое возбуждение, что я едва мог дождаться команды отправиться на задание.

После обеда наша четверка еще раз обсудила задание и проверила снаряжение.

С наступлением темноты должен был прибыть вертолет.

Глава 61

Ясной звездной ночью мы увидели, как по диску луны промелькнул силуэт вертолета, идущего на посадку. Мы закинули внутрь свои вещмешки, потом залезли сами.

Впервые я летел ночью в военном вертолете над самыми горами. Как и мои товарищи, после суровых учений я чувствовал себя уверенным и непобедимым.

Вскоре вертолет завис на высоте всего пять футов от обдуваемой ветром вершины. Мы тихо выгрузились и заняли круговую оборону, а вертолет скрылся в ночном небе.

Вскоре наступила полная тишина, нарушаемая только свистом ветра, а мы тихо лежали и выжидали. Прежде чем действовать, нам нужно было привыкнуть к этой тишине.

Затем мы вышли в разведку. До нашего первого контакта было семь миль.

Нас должен был встретить неизвестный человек на неизвестном транспортном средстве, который уточнит направление к нашей цели и сообщит нам разведывательные данные нашей операции.

Мы прибыли на указанное место, рассеялись и заняли позиции, после чего замерли и стали напряженно прислушиваться.

Однако по мере того, как проходило возбуждение, нас начала одолевать дремота.

«Не спи, Беар! Давай соберись!»

Эти несколько часов ожидания мы, замерзшие, неподвижные и скованные, боролись со сном.

Я то и дело клевал носом, вздрагивал и просыпался, стараясь стряхнуть усталость и оцепенение. Я даже опустил подбородок на заостренный кончик мушки винтовки, чтобы только не уснуть.

Наконец на опушке появился агент.

Мы быстро и бесшумно забрались в задник его фургона. Примерно полчаса мы тряслись по узким лесным тропинкам, подсвечивая себе красными фонариками и изучая врученные нам агентом карты.

Вскоре он высадил нас на обочине заброшенной дороги и пропал в темноте.

Мы отправились в путь, направляясь к месту проведения нашей операции, где нам предстояло в первый раз увидеть наш главный объект.

Сценарий операции был прост.

Нашей целью было место, где, по данным разведки, укрывался преступник, удерживающий заложника. Если информация подтвердится, нам давалось двадцать четыре часа на то, чтобы соединиться с двумя другими группами разведчиков, объяснить им ситуацию, разработать совместный план по освобождению заложника и выполнить его. Затем мы должны будем добраться до конечного пункта встречи.

Оттуда все разведывательные группы и заложника должны были вывезти на машинах. В конце всей операции нас поджидала опасность. Нас поймают, и тогда начнется заключительная стадия операции «захвата». Разумеется, мы знали, что все это только игра. Но за месяцы постоянных тренировок привыкли воспринимать все как подлинные события.

Это был главный принцип подготовки солдат к реальным боевым действиям: тяжело в учении – легко в бою. Как можно больше приблизить учения к реальным условиям, и, когда дело дойдет до настоящих боевых действий, меньше будет неожиданностей и сюрпризов.

А за многие годы своего существования САС научилась проводить учения таким образом, что их трудно было отличить от реальных боевых операций. Можете поверить мне на слово.

Глава 62

Мы заняли позицию, из которой хорошо был виден заброшенный дом – наш объект. Замаскировавшись, мы установили порядок дежурства. Смена длилась два часа, за эти два часа два человека наблюдали за объектом, ожидая каких-либо движений противника; а вторая пара ела и отдыхала.

Я с облегчением закрыл глаза, хотя бы на два часа.

Стояло лето, солнечные лучи весь день падали на наше тщательно замаскированное укрытие и согревали нас, что было приятной переменой после непрерывных дождей, которые докучали нам предыдущие десять дней. Затаившись, мы пристально наблюдали за объектом, находившимся от нас всего в трехстах ярдах.

Наше задание на следующую ночь – привести на наш наблюдательный пункт еще две группы, до которых было несколько миль. Это должны были сделать мы с Мэттом, тогда как оставшиеся два разведчика будут продолжать следить за объектом.

Встреча с другими группами была назначена на период от трех до пяти часов утра.

Мы с Мэттом прибыли на место заранее и стали ждать.

Мы укрылись в густых зарослях терновника. Снова начался дождь с сильным ветром, и я натянул на голову капюшон, чтобы согреться.

Мы дежурили по очереди, но вскоре от усталости оба заснули. Ужас! Но к счастью, услышав шорох листьев под ногами приближающихся людей, я проснулся.

В первой группе был офицер 23-го полка. Я тихо прополз вперед, дотронулся до его плеча и проводил всю группу к месту укрытия.

Когда мы вернулись, Мэтт уже не спал и выглядел свежим и бодрым, будто всю ночь бдительно вел наблюдение. Офицер показал мне большой палец в знак одобрения.

Он даже не заподозрил, что каких-нибудь пять минут назад мы с Мэттом безмятежно дрыхли, сдвинув шапки на нос и посапывая. Если бы нас накрыли в этот момент, то тут же вышвырнули без разговоров.

(Но назовите мне хотя бы одного солдата, который за весь отбор в САС едва не попался на таком проступке.)

Все мы не без изъяна.

К рассвету мы привели новые группы к нашему главному НП,

находившемуся в нескольких сотнях ярдов позади объекта. Мы устроились на позиции и продолжали наблюдение. Был уже день, но противник себя не обнаруживал.

Внезапно все изменилось. Мы заметили стремительно приближающийся к объекту автомобиль-фургон. Два человека в красных вязаных шлемах распахнули задние дверцы и выволокли за волосы девушку, которая кричала от боли и страха.

Они втащили ее в дом, захлопнув за собой дверь. Мы передали информацию по рации и получили приказ срочно составить план по освобождению и спасению «заложницы». Больше нам ничего не требовалось. За несколько минут мы приготовились с наступлением сумерек начать операцию.

Наша группа должна была напасть на террористов и вызволить «заложницу», а две другие – прикрывать нас и уничтожить «силы быстрого реагирования», которые могли прибыть к террористам для поддержки.

Операция прошла точно по плану. Вот где пригодились все знания и тренировки. Мы взяли дом штурмом, «застрелили» террористов и освободили «заложницу».

Не стану распространяться о подробностях, главное, что все прошло очень быстро. Вскоре мы все забрались в открытый кузов автомобиля и покинули место операции. Задание было выполнено.

Как было условлено, связной встретил нас вскоре после расправы с «преступниками». Другая машина забрала «заложницу»: ее должны были расспросить о том, как проходила операция.

Я испытывал страшное возбуждение, никак не мог успокоиться. Первая часть задания была выполнена, впереди уже маячила конечная цель – оставалось не больше суток до того момента, когда нам вручат значки спецназовцев.

Но все должно было решиться за эти последние сутки.

Глава 63

К некоторым вещам почти невозможно подготовиться. Я ужасно волновался. Мы, четверо рекрутов, сидели в кузове с приглушенным светом: потные, грязные, нагруженные снаряжением; машина быстро мчалась по дороге.

Взглянув на компас, я увидел, что мы направляемся не на юг, и сразу понял: что-то не так. Внезапно грузовик свернул, завизжали тормоза, и мы резко остановились. Наступила тишина. Через мгновение на металлическую крышу фургона обрушился град ударов.

Началось.

То, что за этим последовало и продолжалось до следующего дня, было настоящим шоком, и психологическим, и физическим, специально предназначенным для того, чтобы показать нам трудности пребывания в плену.

Хорошего в этом мало, скорее это просто ужасно – но я не вправе раскрывать, что происходило на самом деле.

За день до заключительного испытания офицер ясно нам объяснил:

– Ничего им не говорите, иначе они этим воспользуются. Быстро соображайте. Оставайтесь сосредоточенными, несмотря на боль и усталость. Стоит вам потерять бдительность на секунду – и вы пропали. И никому не доверяйте, пока не увидите меня с белым крестом на рукаве. Только тогда испытание будет окончено. Красный Крест – это не мой белый крест; крест викария – не мой белый крест… предложение булочки с крестом и стакана чая – не мой белый крест. Все понятно? – Он снова все повторил. – Не подведите себя – обидно было бы на последнем этапе отбора.

Методика обучения была жесткой, но эффективной. И сейчас я никому не собирался позволить отнять у меня шанс успешно закончить испытания.

Хотя мозг мой лихорадочно работал, в глубине души я чувствовал, что держу себя в руках. Я не собирался сдаться этим гадам. Я все время молился: «Господи, поддержи меня! Дай мне силы!»

В жизни мне не приходилось оказываться таким избитым и измученным. Голова сильно болела, мускулы спины сводило судорогой. Я снова и снова впадал в забытье. Я был истощен, голоден, умирал от жажды и никак не мог унять дрожь в этом холодном подвале.

Минуты складывались в часы, которые, казалось, никогда не закончатся. День сейчас или ночь? Я никак не мог сориентироваться во времени.

Наконец меня швырнули в темную крошечную камеру. Наступила абсолютная тишина. Но я сразу почувствовал исходящее откуда-то тепло. И из-под повязки на глазах сумел различить очертания помещения.

Я ждал. Я был обнажен по пояс, наброшенная на меня камуфляжная куртка лишь отчасти прикрывала мою спину, я сжался в комок, унимая дрожь, из носа текло. Представляю, как я выглядел.

Вдруг чья-то рука сдернула с меня повязку, и в ту же секунду вспыхнул свет.

– Узнаешь меня, Беар? – тихо спросил меня какой-то человек.

Я сощурился. Офицер показывал мне белый крест на своем рукаве. Я не отреагировал. Мне нужно было мысленно в этом удостовериться.

– Это означает конец испытаний. Конец. Помнишь?

Я помнил, но снова не реагировал. Я снова старался убедить себя в этом. Наконец я слабо кивнул. Он улыбнулся. Это был конец.

– Молодец, дружище! А теперь садись, дай я пожму тебе руку, и выпей вот этот напиток. Через несколько минут к тебе зайдет доктор.

Офицер накинул мне на плечи одеяло. Я улыбнулся и почувствовал, как по лицу текут слезы. Потом меня примерно с час расспрашивал психотерапевт. Он сказал, что я все выполнил отлично, что здорово держался. Я испытал огромное облегчение. Мне понравился этот психотерапевт.

Эти учения преследовали цель научить нас владеть собой и не дать себя захватить.

Как сказал офицер:

– Запомните: эти парни на вашей стороне. Они британцы, не настоящие враги. Вот если бы они были настоящими врагами, тогда все действительно кончилось бы плохо. Поэтому запомните: не дайте себя захватить!

Я никогда не забывал этого урока, возможно, поэтому мне удавалось благополучно выбираться из всяких неприятностей.

Те из нас, кто остался, возвратились в гарнизон. Мы были бледными и потрясенными, но каждый испытывал огромное облегчение от сознания, что все уже позади.

Хуже всех выглядел Тракер, но все равно радостно улыбался. Я сел на его кровать, и мы разговорились, пока он разбирал свои

вещи. Он только покачивал головой и усмехался. У него была такая манера обдумывать все про себя. Я улыбнулся: «Не парень, а просто чудо!»

Мы переоделись в запасную одежду и сидели на кроватях, с волнением ожидая дальнейшего. Испытания закончились, но все ли из нас прошли отбор?

– Парни, через несколько минут выходите строиться! Вам сообщат хорошие и плохие новости. Хорошие – что кое-кто из вас прошел. А плохие – сами догадайтесь. – С этими словами офицер вышел.

Я вдруг страшно испугался, что не прошел, и изо всех сил старался отогнать этот страх. «Только не сейчас, когда все так близко!»

Снова появился офицер, огласил короткий список и велел названным следовать за ним. Меня в этом списке не было. Нас осталось совсем немного, в том числе Тракер. Мы нервно переглянулись. Медленно ползли минуты. Мы подавленно молчали.

Затем дверь открылась, вернулись те ребята и, опустив голову, с замкнутыми лицами стали собирать свои вещи. Мне были знакомы и этот вид, и их чувства.

Среди них был Мэтт. Это он так здорово поддержал меня во время марш-броска «испытание на прочность». Ему не удалось устоять во время заточения. Он отключился всего на минуту, а в таком состоянии ничего не стоило попасться на хитрости и уловки офицеров.

Правило первое: в плену солдаты САС должны уметь оставаться бдительными и сконцентрированными.

Мэтт обернулся, улыбнулся мне на прощание и вышел. Больше мы с ним никогда не встречались.

Глава 64

Вот так мы, небольшая горстка из большого количества кандидатов, несколько месяцев назад приступивших к испытаниям, оказались в просторном помещении неприметного здания гарнизона САС.

Мы нетерпеливо топтались на месте. Наконец-то приближался момент, когда нам вручат значки спецназовцев.

Вошел полковник, одетый в легкие камуфляжные брюки, рубашку с синим поясом, украшенным эмблемой САС, и в берете.

Он улыбнулся нам:

– Сегодня вы можете собой гордиться. Но помните: это только начало. Настоящая тяжелая работа начнется теперь, когда вы вернетесь в свой батальон. «Много званых, а мало избранных» – живите согласно этому девизу.

Он помолчал.

– И отныне и до конца своих дней помните: вы вливаетесь в семью САС. Вы заработали это право. А это самая прекрасная семья в мире. Служба в наших спецподразделениях является экстраординарной потому, что каждый член семьи САС делает чуть больше обыкновенного солдата. Когда все остальные отступают, мы продолжаем бороться. Вот что выделяет нас из остальных частей вооруженных сил.

Я никогда не забуду его речь.

Я стоял в потрескавшихся грязных ботинках, в изорванных брюках и в пропотевшей черной футболке – и грудь мою распирала невероятная гордость.

Мы встали по стойке «смирно» – церемония происходила просто и скромно. Полковник каждому пожал руку и вручил вожделенный песочный берет САС.

Я понимал, что главное – не берет, а то, что он олицетворял: чувство товарищества, тяжкий труд, профессионализм, выдержка, выносливость и твердый характер. Я бережно надел берет, пока полковник шел вдоль строя. Затем он повернулся и сказал:

– Добро пожаловать в САС. Если вам что-нибудь понадобится, моя дверь всегда открыта – так у нас принято. А теперь идите и выпейте за мой счет по кружке пива.

Таким был отбор в САС. И, как сказал полковник, по-настоящему все только начиналось.

С тех пор как я много лет назад проходил отбор, в его процедуре мало что изменилось.

На электронной странице министерства обороны по-прежнему размещено объявление, что 21-му полку САС требуются

солдаты, отвечающие следующим требованиям: «Физически и психически здоровые, уверенные в себе, сознательные, способные работать в одиночку, усваивать информацию и новые навыки».

Сейчас я читаю это объявление с улыбкой. Во время отбора во мне развивались все эти качества, а потом, когда я три года служил в своем батальоне, они стали неотъемлемым свойством моей натуры.

Я и сегодня очень высоко ценю и уважаю людей, обладающих этими качествами.

Не имея права разглашать подробности моей службы после окончания отбора, могу только сказать, что это была самая серьезная и потрясающе интересная наука, какую только может получить молодой человек.

Нас обучали взрывному делу, владению иностранным оружием, арабскому языку, выживанию в джунглях, высадке с моря и с воздуха, травматологии, работе с различными средствами связи, искусному вождению автомобиля, боевым действиям в условиях зимы, а также проведению операций по освобождению заложников в тылу противника.

Я прошел испытания еще более тяжелым и длительным заточением, что помогло мне стать инструктором по борьбе за выживание.

Мы овладели мастерством ночью скрытно спускаться на парашютах, сражаться без применения оружия, приобрели многие другие знания и навыки – и в какие только переделки мы при этом не попадали!

Но что мне больше всего помнится, что я ценю больше всего? Безусловно, это чувство товарищества и верной дружбы, и, конечно, Тракер, который до сих пор остается моим самым преданным и надежным другом. Есть узы, которые невозможно разорвать.

Я никогда не забуду марш-броски на дальние дистанции с полной выкладкой, специальные учения и, конечно, одну, особенную вершину в Брекон-Биконсе. Но главное, я втайне горжусь тем, что всегда могу посмотреть на себя в зеркало и сказать себе, что когда-то был в отличной форме. И потому смог стать членом Специальной авиадесантной службы.

Не все можно оценить в деньгах.

Глава 65

Все это время мы с Тракером снимали на двоих маленький домик за городом, в шести милях от Бристоля.

С одной стороны коттеджа видна была большая зеленая долина, а с другой его окружал красивый лес.

По вечерам к нам приходили друзья, мы устраивали вечера с живой музыкой и топили печку досками от сломанного сарая.

Теперь мы получали деньги за службу в армии и беспечно транжирили их в местном пабе.

Вероятно, мы были плохими арендаторами, потому что не ухаживали за садом и сжигали доски от сгнивших навесов. Но и хозяин был вредным стариком, о котором ходили ужасные слухи.

Когда трава стала слишком высокой, мы попытались постричь ее, но сломали оба секатора. Тогда мы ее подожгли. Она занялась очень быстро, но огонь стремительно захватил лужайку и едва не спалил весь коттедж.

Нас очень устраивало то, что отсюда можно было добраться до Бристоля на мотоциклах с объемом бака в сто кубических сантиметров по лесным тропинкам, даже не выезжая на дорогу.

Помню, однажды, проведя в городе веселый вечер, мы с Тракером возвращались на мотоциклах домой. В моем мотоцикле что-то случилось с выхлопной трубой – она раскалилась докрасна, потом вдруг раздался оглушительный выстрел, и двигатель заглох. В темноте мы с трудом нашли старую проволоку от забора, и Тракер тащил меня домой на этом импровизированном тросе, причем мы буквально умирали от хохота.

С тех пор двигатель заводился только после того, как я скатывался на нем по крутому спуску рядом с домом. Если мотор не включался, мне приходилось снова толкать его двести ярдов наверх и снова спускаться.

Это было ужасно смешно, но помогало мне держать себя в форме, да и Тракера развлекало. Веселые были деньки!

Мы вели такую же жизнь, как наши приятели-студенты, только вдруг пропадали недели на три с нашим батальоном, а потом возвращались с прекрасным загаром – к хорошеньким девочкам в Бристоле.

Нам все это страшно нравилось, и только несколько самых близких друзей знали, что мы были не только студентами – студентами, которые не ходили на лекции. (Впрочем, далеко не все наши друзья отличались усердием в учебе!)

В это время мы жили под прекрасным девизом «Работай

много, отдыхай на всю катушку!». Мы были молодыми и здоровыми, занимались делом, которое отвечало нашему вкусу, но вне службы отлично проводили время в университетском городке.

Вот так прошли два года, и я, совсем еще юный парнишка, осуществил свою давнюю мечту. Ведь редко кто из молодых ребят не мечтает научиться пользоваться взрывчаткой, взбираться на утесы, летать на вертолетах в ночном небе и на бешеной скорости водить машину! Но для того, чтобы овладеть всеми этими навыками, приходилось много и упорно работать.

Мы с Тракером соблазнили нескольких друзей попытаться поступить в САС, но, к сожалению, никто из них не смог далеко продвинуться. Просто это дано не каждому.

Кто-то из этих ребят однажды попросил меня перечислить качества, необходимые для службы в САС.

Я бы назвал следующие: нужно сделать это своей целью и стремиться к ней упорно и настойчиво, не унывать, уметь сохранять хладнокровие и присутствие духа, улыбаться, когда все идет плохо, обладать быстрой реакцией и способностью импровизировать, адаптироваться и преодолевать трудности. И еще уметь предвидеть ход событий в решающую минуту.

В основном именно на эти качества я опирался в дальнейших своих приключениях, когда покорял Эверест, участвовал в съемках программ «Побег в легион», «Хуже быть не могло», «Выжить любой ценой». Это не так уж сложно, важно только в критические моменты проявить силу духа. Меня это всегда привлекало.

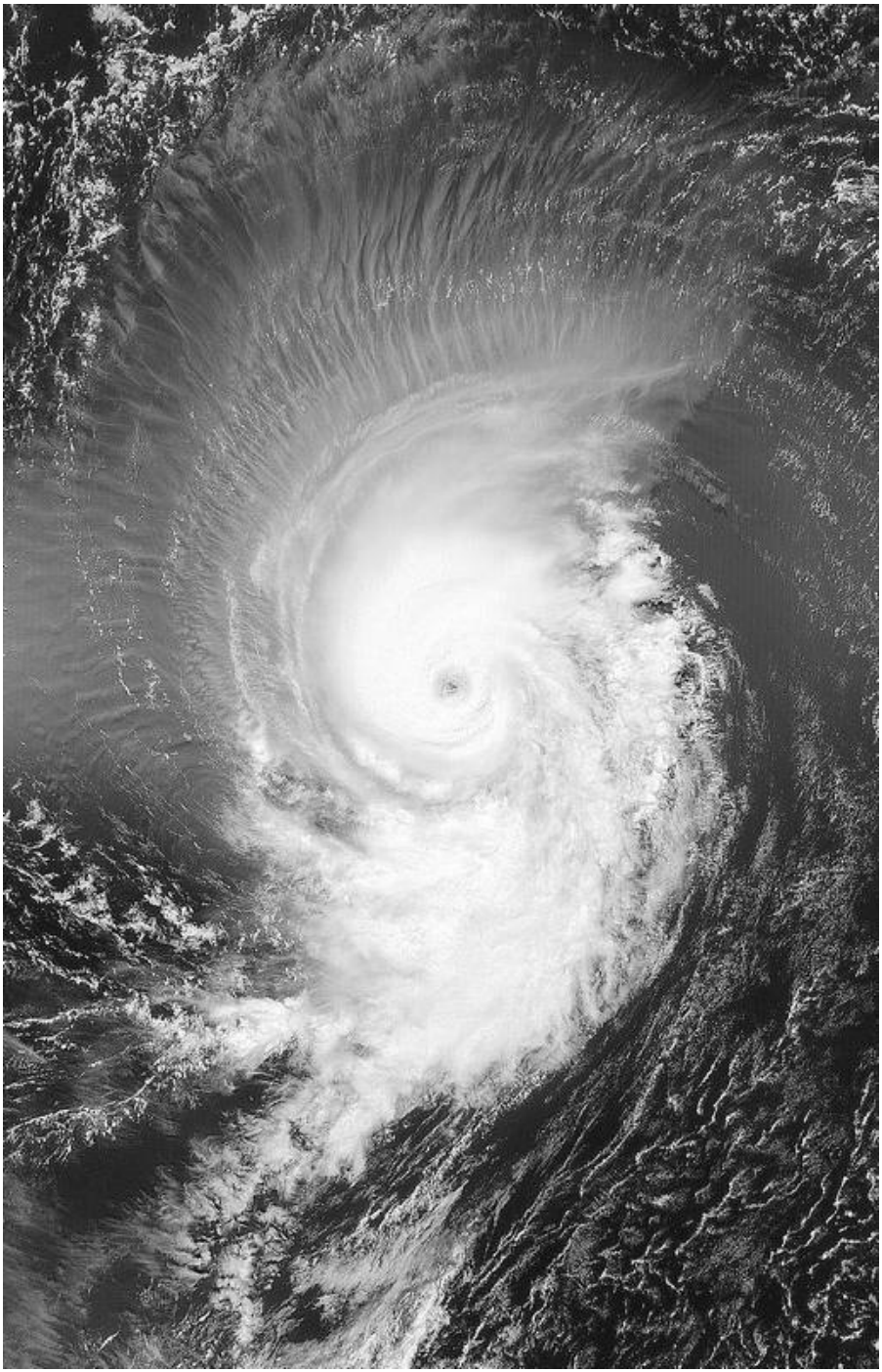
Но и здесь было одно большое но – я не знал, насколько мне пригодятся некоторые из этих качеств, когда со мной произошла беда. Как и к отбору, к таким вещам невозможно подготовиться.

Тот холодный вечер, когда это случилось высоко в небе над пустынными просторами Африки, и стал одним из тех поворотных моментов, что круто меняют и определяют всю твою дальнейшую жизнь.

Часть третья

Нет лучшего УЧИТЕЛЯ,
чем
НЕСЧАСТЬЕ.

Бенджамин Дизраэли



Глава 66

Летом 1996 года я провел месяц в Северном Трансваале, что в Южной Африке, где помогал отбраковывать оленей и советовал, как бороться с браконьерами. Каждый день я работал с чернокожими рабочими, и за это удовольствие мне еще и платили.

Потом я решил двинуться на север, в Зимбабве, чтобы отдохнуть и развлечься – истратить часть полученных денег, прежде чем вернуться домой, в Великобританию.

Развлечение я понимал как прыжки с парашютом в компании хороших друзей, а по вечерам – отдых за выпивкой.

Жизнь была прекрасна и удивительна!

Небо начинало бледнеть, и на смену ослепительному блеску африканского солнца пришли мягкие сумерки.

Мы с друзьями набились в маленький самолетик, и от тесноты у меня затекли ноги. Я напрягал мышцы, чтобы кровь снова побежала по венам.

Как это обычно бывает, пока самолет забирается на высоту почти шестнадцать тысяч футов, люди в нем уходят в себя, в свои мысли.

Но вот самолет выровнялся. Ребята сразу оживились и начали в который раз проверять снаряжение. Кто-то уже подошел к дверце. Как только она скользнула в сторону, внутрь ворвался оглушительный рев двигателей и вой ветра, задувавшего со скоростью семьдесят пять ярдов в час.

– Приготовиться.

Все стали серьезными и внимательно смотрели на сигнальную лампочку. Вот зажегся зеленый свет.

– Пошел!

Один за другим ребята шагали вперед и быстро исчезали из поля зрения, летя вниз. Я остался один. Я посмотрел вниз, сделал обычный глубокий вдох и соскользнул с порожка.

Толчок ветра заставил меня согнуться пополам, и я понял, что он реагирует на мои движения. Я опустил плечо, и ветер стал вращать меня, горизонт завертелся перед моими глазами. Это ощущение известно как «свободный полет».

Я различал крошечные точки, в которые превратились остальные ребята, летевшие в свободном падении ниже меня, затем они скрылись за облаками. Через несколько секунд я тоже попал в облака, ощутил их влагу на лице. Как я любил это ощущение падения через белую мглу!

«Десять тысяч футов. Пора открывать парашют». Я протянул руку к правому бедру, схватился за вытяжной трос и сильно дернул. Сначала он ответил, как обычно. Хлопок раскрывшегося купола заглушил шум свободного падения на скорости четыреста двадцать футов в час. Скорость сразу уменьшилась до восьмидесяти футов в час.

Потом я взглянул вверх и понял: что-то не так. Вместо ровного прямоугольника надо мной болтался смятый парашют, а это означало, что им тяжело будет управлять. Я с силой потянул за обе клеванты в надежде, что это поможет. Не помогло. Я запаниковал.

Пустыня стремительно приближалась, очертания предметов становились все более четкими и ясными. Я спускался быстро, даже слишком быстро. Нужно было как-то приземляться.

Не успел я об этом подумать, как оказался слишком близко от земли, чтобы воспользоваться запасным парашютом, и стремительно к ней приближался. От страха я слишком сильно дернул за стропы, и меня развернуло горизонтально по отношению к земле – затем я сорвался и рухнул на землю.

Тело мое подскочило, как тряпичная кукла. Я приземлился, подняв облако песчаной пыли, беспомощно валялся на месте и стонал.

Я упал спиной прямо на туго свернутый запасной парашют, который образовал твердый и жесткий, как камень, сверток. Впечатление было такое, будто этот сверток клином врезался мне в позвоночник.

Я не мог встать, а только катался на спине и стонал от боли. Я плакал, лежа в пыли и ожидая, когда мне на помощь придут товарищи, уже понимая, что у меня поврежден позвоночник.

В жизни нам дается только один шанс, и в этот тяжелый момент я понял, что навсегда его потерял. Под ложечкой сосало от страха при мысли, что жизнь моя уже никогда не будет такой, как прежде.

Глава 67

Я валялся в бреду, время от времени теряя сознание. Когда мои товарищи помогали мне встать, я застонал. Крепко зажмурив веки, я корчился от невыносимой боли. Я слышал, как один из них сказал, что в моем парашюте оказалась большая прореха. Стало ясно, почему им было так трудно управлять.

Но ведь я знал простое правило: если не можешь справиться с парашютом, нужно отрезать стропы и освободиться от него. Затем, продолжая свободное падение, вытянуть запасной парашют.

Я этого не сделал – подумал, что сумею справиться с основным. Я допустил страшную ошибку.

Потом, помню, меня уложили в старенький «лендровер» и повезли в ближайшую больницу. Меня внесли внутрь и осторожно усадили в кресло на колесиках.

Две медсестры повезли меня по коридору, где доктор сделал первое обследование. Когда он дотрагивался до меня, я дергался от боли, помню, что все извинялся перед ним.

Он набрал какого-то лекарства в длинный шприц и сделал мне укол. Боль сразу утихла, и я попытался встать и пойти. Сестры схватили меня и снова уложили.

Я помню шотландский акцент доктора (что казалось странным, поскольку дело происходило в Южной Африке), он сказал, что потребуется какое-то время, прежде чем я снова смогу ходить. После этого я уже ничего не помню.

Когда я проснулся, надо мной склонился человек в зеленом берете с торчащим над ним большим пером какой-то птицы. Я решил, что у меня галлюцинация. Я поморгал, но видение не исчезло. Затем раздался голос с отчетливым британским выговором:

– Как вы себя чувствуете, солдат?

Это был полковник, командир группы английских военных советников. Он приехал узнать о моем состоянии.

– Скоро мы отправим вас самолетом в Англию, – с улыбкой сказал он. – Держитесь пока, дружище.

Я никогда не забуду этого добрейшего человека. Навестив меня, он превысил свои полномочия и приложил все усилия, чтобы меня срочно переправили на родину, ведь мы были в стране, где медицина находилась на крайне низком уровне развития.

Меня несли на носилках по аэродрому под палящим африканским солнцем, и я чувствовал себя невыносимо

несчастным и одиноким. Перелет в Англию вспоминается мне смутно, я провел его, лежа поперек трех сидений в задней части салона.

Когда на меня никто не смотрел, я плакал. «Взгляни на себя, Беар, ты только посмотри. Да, здорово тебя скрутило». Потом я отключился.

В аэропорте Хитроу меня встречала карета скорой помощи, и наконец по настоянию родителей меня привезли домой. Больше мне некуда было ехать. Мама и папа выглядели измученными от тревоги; и помимо физической боли, меня терзало чувство вины за то, что я доставил им такие переживания.

Все мои планы были нарушены разом и окончательно. Я получил сильный и коварный удар, откуда и не ждал. Такое со мной просто не могло случиться. Ведь я всегда был везунчиком.

Но зачастую именно такой внезапный удар и формирует нас.

Глава 68

С тех пор меня чуть не каждый день привозили в больницу. Меня без конца ощупывали, кололи, сделали несколько рентгеновских снимков.

В итоге было установлено, что у меня повреждены восьмой, десятый и двенадцатый позвонки. От рентгена ничего не скроешь. Это были главные позвонки, именно им и досталось.

– Я смогу снова ходить? – спрашивал я докторов.

Но никто не мог мне ответить. А что может быть хуже неизвестности?

Доктора решили, что не стоит сразу делать операцию. Они пришли к заключению (и совершенно правильному), что, поскольку организм у меня молодой и здоровый, лучше выждать – возможно, повреждения устранятся естественным путем.

Врачи в один голос твердили, что мне невероятно повезло.

Оказалось, что, будь удар чуть-чуть сильней и был бы задет спинной мозг, тогда мне уж точно никогда не ходить.

Меня называли парнем, которого спасло чудо.

Не знаю уж, чудо или нет, но стоило мне еле-еле повернуться вправо и влево, как меня пронизывала страшная боль. Я почти вообще не мог двигаться без этой боли.

Когда мне нужно было встать с постели, на меня надевали тяжелый металлический корсет.

Я чувствовал себя инвалидом. Да я и был инвалидом. И это сводило меня с ума. «Меня скрутило».

«Ты полный тупица, Беар. Ты сумел бы приземлиться даже с поврежденным парашютом, если бы не поддался панике. Или если бы освободился от него и раскрыл запасной парашют».

Я допустил две грубейшие ошибки: сразу не воспользовался запасным парашютом и не сумел приземлиться с порванным парашютом.

Главное, я мог бы избежать этой катастрофы, если бы быстро отреагировал на ситуацию, проявил хладнокровие и сообразительность. Я понимал, что сам все испортил.

Я поклялся себе, что больше никогда не допущу такой глупости.

А пока что мне все время хотелось плакать.

Я проснулся, обливаясь потом и задыхаясь. Уже в третий раз мне снился этот кошмар: я переживал то жуткое ощущение неизбежного удара о землю.

Я лежал уже второй месяц, считалось, что я выздоравливаю.

Но лучше мне не становилось. Больше того, спина болела все сильнее. Я не мог двигаться и становился все раздражительнее. Я злился на себя, злился на весь свет. А злился я от того, что меня терзал безумный, смертельный страх.

Все мои мечты и планы на будущее были порваны в клочья. Впереди не было ничего определенного. Я не знал, смогу ли остаться в составе САС. Я даже не знал, стану ли я когда-нибудь снова здоровым.

Я лежал, не в силах пошевельнуться, изнемогая от разочарования, и думал, как мне избавиться от этого мучения.

Я столько мечтал совершить!

Я обвел взглядом комнату, остановил его на старой фотографии Эвереста. Наша с папой заветная мечта! Ей суждено было стать такой же, как мечтам многих – невоплощенной, похороненной под прахом проходящих годов.

Через несколько недель, по-прежнему закованный в корсет, я с трудом подошел к стене и снял фотографию.

Люди часто говорят, что, должно быть, я был очень уверен в своем выздоровлении, но это было ложью. То был самый мрачный, самый унылый и безнадежный период моей жизни. Я утратил весь свой задор и боевой дух – самую суть моей души. А когда ты упал духом, выздороветь очень трудно.

Я не знал, смогу ли я снова ходить, – что уж говорить о скалолазании или службе в САС. И будущее в тот момент представлялось мне абсолютно беспросветным.

Свойственная всем молодым людям уверенность в себе полностью меня покинула. Я не имел представления, когда смогу заниматься физическими упражнениями, – и это меня невероятно терзало. Потребность двигаться, испытывать тяжелые физические нагрузки были у меня врожденными, и без них мне трудно было представить свою жизнь.

Когда ты не можешь нагнуться, чтобы завязать шнурки, или изогнуться, чтобы потереть себе спину, тебя охватывает ощущение полной беспомощности и безысходности.

В САС у меня была цель, были товарищи. Одиноко лежа в своей комнате, я остро ощущал себя лишенным и того и другого. В душе моей происходила жестокая борьба с обрекшей меня на страдания судьбой, и, не видя выхода, я погрузился в полное отчаяние.

Для выздоровления требовалось приложить столько же сил, сколько необходимо при восхождении на вершину. Но я не догадывался, что именно гора – не образ, а конкретная вершина – поможет мне восстановиться. Эверест – высочайшая и самая неприступная вершина в мире.

Глава 69

Порой человеку необходима сильная встряска, чтобы заставить его больше дорожить своей жизнью. Сейчас после только что пережитого сильнейшего потрясения я находился именно в таком состоянии.

Но сквозь отчаяние, страх и страдания передо мной уже забрезжила надежда, а я еще не понимал этого. Я понимал только, что мне нужно нечто такое, что возвратило бы мне надежду, азарт, энергию и живость. И это «нечто» я нашел в вере в Бога, в поддержке со стороны своих родителей и в своих мечтах о приключениях.

Вера говорила мне, что я ничего не должен бояться, ни о чем не тревожиться. Все будет хорошо.

В дни, когда меня каждый день возили в больницу и обратно, сквозь всю боль и отчаяние она напомнила, что у меня есть поддержка, любовь и благословение, что мою жизнь оберегает Иисус Христос. С тех пор я еще сильнее стал ценить этот дар милости Господней.

Родители говорили нечто в этом же духе:

– Беар, ты, конечно, круглый дурак, но мы все равно бесконечно тебя любим.

Это меня очень поддерживало, помогало вновь обрести уверенность в себе. Мои мечты о великих приключениях до поры до времени дремали. И вот они стали пробуждаться, оживать и разгораться.

Болезнь, физические и душевные страдания заставили меня глубоко и ясно осознать, какой это бесценный дар – жизнь! Мама всегда учила меня быть благодарным. И по мере того, как ко мне возвращались силы и уверенность, во мне росло понимание, что если уж я удостоился такого высокого дара, то просто обязан распорядиться им с умом и блеском. Ведь талант, зарытый в землю, пропадает понапрасну.

Однажды ночью я вслух дал себе торжественную клятву: если мне станет настолько лучше, что опять смогу подниматься в горы, я отправлюсь в Гималаи и осуществлю свою самую заветную мечту.

Вы скажете, слишком тривиально? Но для меня это было единственной надеждой. Во мне горела жажда жизни, стремление познать и испытать все, что только есть интересного. Так вот, я ухвачу жизнь за рога и проживу ее так, как она того стоит!

Жизнь не часто дает нам второй шанс. Но уж если дает, то нужно быть ей очень благодарным и максимально использовать

этот шанс.

Я поклялся, что всегда буду благодарен своему Божественному Создателю за то, что он помог мне идти по этой тернистой дороге, по жизни.

После того как я три месяца провел в постели, меня направили в Военно-медицинский реабилитационный центр, расположенный в Хидли-Корт, недалеко от Лондона. Я уже понемногу ходил, но боль не оставляла меня.

Медики этого центра были замечательными людьми. Они ободрили меня, четко сформулировали стоящие передо мной задачи и помогли снова поверить в себя.

Лечение было очень интенсивным. Порой мне приходилось «работать» по десять часов в день. Час растягивания мышц на мате, час плавания в бассейне на матрасе, час консультации, час физиотерапии (с хорошенькими сестрами!), час лечебной гимнастики, затем ланч и снова занятия.

Постепенно ко мне возвращалась способность двигаться, боли стали ослабевать, и, когда я покинул центр, что произошло спустя восемь месяцев после падения, я определенно уже шел на поправку.

Почувствовав себя лучше и увереннее, однажды вечером я, не снимая корсета, тайком покинул больницу, поездом добрался до дома, забрал свой мотоцикл с двигателем объемом в 1200 куб. см и на рассвете возвратился на нем в Хидли-Корт.

Медсестры с ума сошли бы, если бы это увидели, но для меня мотоцикл олицетворял свободу и независимость, а когда я совершал рискованный, но удачный поступок, это неизменно поднимало мне настроение.

Я снова стал улыбаться.

Глава 70

Незадолго до катастрофы я познакомился с девушкой, которая училась в Кембридже.

Обретя средство передвижения, я украдкой уезжал из центра после вечернего обхода, заезжал за девушкой, и мы где-нибудь ужинали, потом вместе проводили ночь, а к четырем часам утра я возвращался в Хидли-Корт, успевая к утреннему обходу.

Персонал центра даже не подозревал об этом. Им и в голову не приходило, что больной может вести себя до такой степени легкомысленно.

В середине зимы стало так холодно, что, помню, я ехал на мотоцикле в кожаной куртке и штанах и поочередно грел руки на двигателе. Конечно, такое отношение к езде на большой скорости тоже не отличалось благоразумием, зато доставляло мне громадное наслаждение.

Правда, вскоре наше знакомство прекратилось: студентка из Кембриджа оказалась для меня слишком умной. С другой стороны, я тоже был не самым надежным приятелем.

Во время реабилитации я больше всего размышлял об Эвересте. Это давало мне цель, пусть даже и далекую. Из моей семьи никто серьезно к этому не относился. Ведь я едва ходил. Но я был настроен очень решительно.

Интересный факт – медсестры никогда надо мной не посмеивались. Они отлично понимали, что для выздоровления необходимо к чему-то стремиться, иметь цель. Но я чувствовал, что далеко не все они считали мои планы осуществимыми.

Из множества попыток военных англичан покорить Эверест только одна была удачной. Она была совершена самыми сильными и опытными альпинистами страны.

Оба служили в САС и находились в отличной физической форме. Они чудом добрались до вершины, едва не погибнув, а из-за жестокого обморожения лишились конечностей.

На тот момент идея восхождения на Эверест была для меня чисто теоретической. Главное – у меня была мечта, ради которой я стремился поскорее выздороветь и набраться сил, какой бы безумной и далекой от реальности она ни казалась.

Жизнь научила меня очень бережно относиться к человеку, лелеющему какую-то мечту, особенно если он балансирует на тонкой грани между жизнью и смертью. Нельзя отнимать у человека его мечту – она дарит ему внутренний жар, азарт и дерзкую отвагу.

А те, в свою очередь, придают жизни смысл и интерес.

Вскоре меня выписали из реабилитационного центра, и я вернулся в САС. Но врач высказался против того, чтобы я продолжал служить десантником, считая, что это слишком опасно. Одно неудачное приземление ночью с полным снаряжением – и мой кое-как залатанный позвоночник может не выдержать.

А про дальние марш-броски с тяжелым грузом он даже и говорить не стал. Впрочем, любой спецназовец понимает, что при слабой спине в САС нечего и соваться.

Таким же общеизвестным фактом является то, что у многих солдат САС в результате многолетних походов и прыжков с парашютом имеются разные скрепы и штыри в спине и в коленных суставах. В глубине души я и сам с горечью сознавал, что у меня было мало шансов снова вернуться в свой полк.

Но рано или поздно мне предстояло подумать, как жить дальше. Доктора могли дать мне необходимые советы и рекомендации, но решение зависело от меня самого.

Знакомая история, верно? Вся наша жизнь определяется нашими же решениями. И труднее всего даются самые важные из них. Поэтому я предпочел дать себе передышку, а потом уже принять окончательное решение.

Тем временем я принял должность инструктора по выживанию в других подразделениях нашего полка. Еще я помогал ребятам из разведки, когда моя старая команда уходила на учебный полигон.

Но мне было очень тяжело. Не физически, а морально: видеть, как мои товарищи, возбужденные и напряженные, вместе отправляются на учения и потом возвращаются, уставшие, но довольные. Мне безумно хотелось быть с ними.

Я страшно бесился, что мне приходится торчать в оперативной комнате и готовить чай для разведчиков. И сколько я себя ни уговаривал, я никак не мог с этим смириться.

Я провел в САС несколько замечательных лет, учился и тренировался, вкладывая всю свою душу, и если теперь я не могу делать свое дело, то лучше вообще там не работать.

Такова жизнь. Чтобы оставаться высокопрофессиональной, элитной частью, САС вынуждена развивать и поддерживать свои самые сильные стороны. Если я не в состоянии совершать прыжки с парашютом и тащить на себе большой груз на дальние расстояния, то становлюсь обузой. И сознавать это было очень больно.

Совсем не так я обещал себе прожить свою жизнь после

катастрофы. И тогда я решил следовать за своей мечтой, чего бы мне это ни стоило.

Поэтому я попросил у полковника аудиенции и сообщил ему о своем решении уволиться. Он меня понял и заверил, что в трудную минуту семья САС всегда придет ко мне на помощь.

Полк устроил мне роскошные проводы и подарил на память о службе маленькую бронзовую статуэтку спецназовца. (Она стоит у меня на каминной полке, и мои сыновья играют с ней в солдатики.) Я собрал свои вещи и навсегда расстался с САС.

Признаюсь, в тот вечер я здорово надрался.

Глава 71

Любое испытание делает тебя сильнее. Согласно великому плану бытия я выдержал посланное мне испытание и стал сильнее если не телом, то душой.

Мне грозила опасность оказаться прикованным к постели или инвалидной коляске, но благодаря Господу Богу я до сих пор жив и здоров и рассказываю эту историю. Я многое понял, но, прежде всего, правила игры.

Теперь передо мной встала серьезная проблема – у меня не было ни дохода, ни работы.

Зачастую необходимость зарабатывать на жизнь и стремление осуществить свою мечту вынуждают человека выбирать одно из двух, и я был далеко не первым, кто оказался перед подобным выбором.

Эту проблему могло бы решить восхождение на Эверест.

Если бы подъем увенчался успехом, я оказался бы самым молодым покорителем этой неприступной вершины, и тогда у меня появился бы шанс получить работу, связанную с горами, – вести какую-нибудь программу на телевидении или руководить экспедициями.

Удачное восхождение помогло бы мне привлечь спонсоров для следующей экспедиции. С другой стороны, я могу погибнуть или просто не одолеть вершину, и тогда вернуться к разбитому корыту – ни работы, ни профессии.

Честно говоря, решение далось мне без особого труда. В глубине души я чувствовал, что только так и нужно поступать: без оглядки идти к своей цели.

К тому же я никогда не боялся неудач.

Я занимался альпинизмом не ради славы, а просто потому, что у меня это неплохо получалось, – и теперь мне хотелось проверить себя на Эвересте.

Но даже если я потерплю неудачу, то это случится во время грандиозного и смелого предприятия. Эта мысль согревала меня.

К тому же, если я продолжу занятия на последнем курсе университета (это можно будет сделать и с Эвереста через электронную почту) и получу диплом, у меня появится возможность попытаться снова поступить в МИ-15. (Хорошо, что я не окончательно сжег за собой мосты.)

Интересная штука жизнь. Ты принимаешь решение, начинаешь выяснять, можно ли учиться в университете заочно, и вдруг все складывается в твою пользу. Я это не раз замечал.

Спустя месяц после того, как я приступил к поиску спонсоров экспедиции на Эверест (хотя сам я пока не представлял, что из этого получится), мне позвонил один мой старый товарищ по армейской службе, который задумал организовать новую британскую команду и совершить восхождение по юго-восточному склону этой вершины мира, – он пригласил меня в эту команду!

Я несколько раз пересекался с капитаном Нейлом Лаутоном, но близко знаком с ним не был. Он служил в морском батальоне коммандос, был человеком твердым, решительным и – как я узнал позднее – очень деятельным и энергичным.

Два года назад Нейл почти достиг вершины Эвереста – в тот самый год, когда на большой высоте разбушевался страшный ураган, погубивший за сутки восемь альпинистов. Но, несмотря на явный риск и на то, что эта трагедия разыгралась у него на глазах, он поставил себе цель совершить новую попытку.

Многие не в состоянии понять, почему людей с такой силой тянет в горы, что они сознательно рискуют жизнью на их ледяных склонах – и только ради того, чтобы взойти на самую вершину. Объяснить это трудно, поэтому я воспользуюсь поговоркой: «Если тебе приходится спрашивать, то ты никогда этого не поймешь».

Лично я отнесся к его идее с энтузиазмом, понимая, что это был мой первый и, возможно, единственный шанс исполнить свою мечту и покорить вершину Эвереста.

Нейл согласился принять меня в свою команду для восхождения на Эверест в том случае, если я хорошо покажу себя во время экспедиции на Гималаи в том же октябре. После разговора с Нейлом у меня возникло острое ощущение, что я только что принял решение, которое полностью изменит мою жизнь – к лучшему или к худшему. Но я жаждал испытать себя, а предложение давало эту возможность, так что я сразу воспрянул духом.

Через несколько дней я поставил в известность свою семью. Родители, а особенно сестра Лара, назвали меня бессердечным эгоистом и даже взбалмошным дураком.

В конце концов они согласились меня отпустить – на том условии, что если я погибну, то мама разведется с папой, потому что именно он много лет назад вбил мне в голову «эту безумную мысль».

Папа только улыбался. Однако со временем мама и даже сестра смирились и стали мне всячески содействовать, объясняя это желанием помочь мне остаться в живых. А с меня взяли обещание вернуться живым и здоровым.

Так случилось, что во время нашей экспедиции на Эверест

трагически погибли четыре альпиниста, все талантливые и опытные скалолазы.

И не от меня зависело сдержать обещание, данное семье.

Папа это понимал.

Глава 72

Гималайская горная система простирается на севере Индии на тысячу семьсот миль в длину. Трудно представить себе колоссальные размеры этого высочайшего в мире горного кряжа, но если бы он находился в Европе, то покрыл бы расстояние от Лондона до Москвы.

На Гималаях находятся девяносто одна вершина высотой свыше двадцати четырех тысяч футов над уровнем моря, таких высоких гор нет ни на одном континенте. И главная среди них – Эверест – гордая и неприступная крыша мира.

Впервые Эверест был покорен 9 мая 1953 года Эдмундом Хиллари и шерпом Норгеем Тенцингом. До этого многие пытались совершить восхождение и многие погибли, стремясь достигнуть того, что казалось для них невозможным.

К 1990-м годам на Гималаях стали появляться коммерческие экспедиции. Теперь альпинистам приходится платить до шестидесяти тысяч долларов только за то, чтобы попытаться подняться на Эверест. Правда, это открыло доступ в горы клиентам, не обладающим необходимым опытом восхождений.

Такая дороговизна объясняется тем, что руководители экспедиций берут на себя большую ответственность за клиентов, легкомысленно подвергающих свою жизнь опасности в условиях высокогорья.

В 1996 году во время сильнейшего урагана из-за неопытности восходителей произошла роковая трагедия. За одну ночь погибли восемь туристов, на следующей неделе – еще три человека.

Но на Эвересте погибали не только новички. Среди погибших числится Роб Холл, один из самых известных альпинистов мира. У него закончился кислород, когда он пытался спасти заболевшего восходителя. Сочетание таких факторов, как истощение, недостаток кислорода и страшный холод, вызвало у него полный упадок сил.

Каким-то чудом Роб пережил ночь на высоте двадцати восьми тысяч семисот футов при температуре минус пятьдесят градусов, и на рассвете позвонил своей жене Джэн по рации, которая через спутник связывалась с базовым лагерем.

Она была беременна их третьим ребенком, и все, находившиеся рядом с ней, замерли, когда услышали, как он сказал ей:

– Я люблю тебя. Спи спокойно, любимая моя. Пожалуйста, постарайся не очень волноваться.

Это были его последние слова.

Вывод ясен: относись к горам с почтением и знай, что может произойти даже с опытнейшими альпинистами на огромной высоте и при плохой погоде. И еще: не искушай судьбу и помни, что, если ты дерзаешь подняться на такую исполинскую вершину, как Эверест, деньги ни от чего тебя не защитят, а меньше всего от опасности.

С тех пор как мы побывали на Эвересте, это пытались сделать еще очень многие. В списке тех, кому удалось подняться на вершину, сейчас уже числятся незрячий человек, парень на протезах и даже подросток из Непала.

Однако не обманывайтесь – это вовсе не значит, что Эверест стал ниже или безопаснее. Меня восхищают все, кто когда-либо совершил это тяжелейшее восхождение, поскольку я на личном опыте знаю, чего это стоит.

Люди привыкли доминировать в мире, стремятся все завоевать и покорить себе. Собственно, как и мы, альпинисты. Однако Эверест остается самим собой и порой оскаливается так грозно, что мы в ужасе отступаем.

Но лишь на время. А потом мы снова возвращаемся. Как хищники, упорно преследующие свою жертву. Но Эверест так и останется непокоренным.

Вот почему в Непале Эверест известен под названием божественная мать земли – и забывать об этом не стоит.

Это название отражает преклонение и уважение непальцев к горе, а это – главное, что следует усвоить альпинисту. Ты поднимаешься на гору лишь потому, что сама гора тебе это позволяет.

Если она велит тебе подождать, жди; и, когда она подсказывает тебе идти, тогда только и лезь наверх, напрягая все силы в ее разреженном воздухе.

Когда вершину обволакивают грозные тучи, это предвещает страшный ураган, и он действительно налетает через считаные минуты, но вершина упрямо противостоит бешеным порывам ветра, завывающим на высоте двадцати пяти тысяч футов. Эти ветры, превышающие скорость около пятисот футов в час, и образуют волшебный снежный флаг, увенчивающий Эверест.

Как постоянное напоминание, что человеку следует уважать Гору.

Иначе он погибнет.

Глава 73

Однако на данном этапе, при всем моем желании, я и думать не мог о восхождении, покуда не найду спонсоров. Я даже не представлял себе, каких трудов мне будет это стоить.

Я не знал, как составить предложение о совместном финансировании экспедиции, не знал, как совместить мою мечту с возможностями потенциального спонсора, и понятия не имел, как получить доступ в какую-нибудь крупную корпорацию, чтобы тебя хотя бы выслушали.

Кроме того, у меня не было ни снаряжения, ни опыта путешествий и, конечно, никакого предложения от СМИ на репортаж об экспедиции. Образно говоря, я шел на Голиафа, вооруженный пластиковой вилкой. Вскоре от постоянных отказов я впал в глубокое уныние.

Как раз о подобной ситуации прекрасно сказал Черчилль: «Залогом успеха является способность идти от одной неудачи к другой, не теряя энтузиазма».

Настал момент собрать весь мой энтузиазм и преодолевать неудачи… до тех пор, пока не добьюсь успеха. Но дело в том, что для потенциальных спонсоров я был никем, человеком без имени, без репутации.

Я мучительно вспоминал какого-нибудь известного предпринимателя и любителя приключений и мысленно все время возвращался к сэру Ричарду Брэнсону[11], основателю корпорации «Вирджин».

Я написал ему раз, потом второй… Всего я отправил ему двадцать три письма. И ни на одно не получил ответа.

«Хорошо, – решил я, – узнаю, где он живет, и сам доставлю свое предложение».

Однажды холодным вечером я позвонил в его большой дверной колокольчик. По домофону ответил чей-то голос, и я смущенно пробормотал свою просьбу. Голос велел мне оставить предложение – и пропал.

То, что произошло потом, не совсем понятно. Скорее всего, человек, ответивший мне по домофону, хотел его отключить, но вместо этого нажал кнопку, автоматически отпирающую дверь.

Раздался писк зуммера, показавшийся мне невероятно долгим. Я машинально толкнул дверь, и та открылась. Я оказался в огромном холле, выложенном мраморными плитами.

– Алло! – выкрикнул я в гулкое пространство. – Извините, но, похоже, вы отперли дверь…

Через минуту навстречу мне стремительно сбежал по

лестнице какой-то человек и крикнул, чтобы я немедленно ушел.

Я послушно оставил свое письмо и ретировался. На следующий день я послал по этому адресу цветы и записку, в которой извинялся за вторжение и просил ознакомиться с моим предложением. Я подчеркнул, что, вполне возможно, в начале карьеры ему самому тоже приходилось обращаться с просьбами к преуспевающим бизнесменам. И это мое письмо осталось без ответа.

Через несколько дней я направлялся на велосипеде в лондонский Сити и заметил вывеску компании ДЛЭ, что означало «Дэвис Лэнгдон энд Эверест». Я остановился и задумался.

Потом набрался смелости, поднялся в безукоризненно чистую и оснащенную ультрасовременной аппаратурой приемную и попросил соединить меня с генеральным директором, сказав, что у меня к нему важное и конфиденциальное дело.

Когда мне ответила секретарша генерального директора, я попросил ее помочь мне получить двухминутный разговор с ее боссом. После трех попыток мне удалось вызвать ее сочувствие и интерес, и она согласилась попросить босса уделить мне «буквально две минуты».

Ура!

Меня проводили в лифт, и я поднялся в тихий кабинет генерального директора на верхнем этаже. Я страшно волновался.

Вошли два руководителя компании, Пол Моррелл и Элистер Коллинс, и с подозрением воззрились на неряшливо одетого юнца, теребящего какую-то тетрадку. (Потом они сказали, что более бестолково составленного предложения им видеть не приходилось.)

Но они любезно меня выслушали.

Моя мечта и энтузиазм каким-то чудом произвели на них впечатление, и за десять тысяч английских фунтов (что для меня было целым состоянием, а для них – обычной ставкой на бирже) они согласились поддержать мою попытку водрузить на вершину Эвереста флаг их компании.

Я заверил, что непременно привезу фотографию для зала заседаний их фирмы. Мы встали, пожали друг другу руки и с тех пор стали большими друзьями.

Вот такие сделки по мне!

Глава 74

Итак, мне повезло, но лишь после множества отказов. Думаю, это весьма поучительно. Нашлись-таки люди, которые рискнули и поверили мне. Я никогда бы их не подвел, потому что был бесконечно благодарен за то, что они дали мне шанс.

Как только мне удалось привлечь на свою сторону ДЛЭ, к ним сразу присоединились еще несколько компаний. Просто удивительно: стоит вас поддержать хоть одному человеку, его примеру спешат последовать и другие. Наверное, это происходит оттого, что не каждый готов быть первооткрывателем.

И вот не успел я опомниться, как у меня набралась достаточная сумма, чтобы заплатить за место в команде Нейла. (Вообще-то мне не хватило 600 фунтов, но их дал мне папа и не захотел даже слышать, чтобы я их возвращал. Добрейшей души человек!)

Мечта совершить восхождение на Эверест была близка к тому, чтобы осуществиться.

Люди часто спрашивают моего совета, как найти спонсора. Есть только один способ – искать и не прекращать поиски до тех пор, пока не найдете. Мечта так и останется мечтой, если мы не приложим силы для ее осуществления. И еще очень важно самому жить своей мечтой и заражать ею остальных.

Как правило, подготовка крупных экспедиций дело малоприятное и трудоемкое, чреватое разочарованиями из-за бесконечных отказов. Мой энтузиазм частенько угасал, угрожая совсем потухнуть. Но мое упорство и целеустремленность победили.

Достав деньги, я стал думать, как бы присоединиться к британской экспедиции в Гималаях, которая планировала совершить восхождение на вершину Ама-Даблам.

Об этом можно было только мечтать, но мне опять повезло – за небольшую сумму мне предложил место в команде известный шотландский альпинист Генри Тодд, который должен был организовать для нас экспедицию на Эверест.

Я обрадовался шансу доказать Генри и Нейлу, что я способен позаботиться о себе и благополучно перенести условия высокогорья. Легко говорить такое, когда ты торчишь в цивилизованной столице, где уютно и безопасно! Пришлось приступить к упорным тренировкам, чтобы доказать свою силу и выносливость.

Ама-Даблам – один из самых живописных пиков на Земле.

Сэр Эдмунд Хилари когда-то назвал ее самой неприступной вершиной – из-за громадных отвесных склонов, которые высятся над Гималайским кряжем.

Как часто бывает с горами, только чуть ли не носом упершись в Ама-Даблам, ты понимаешь, что путь наверх все-таки возможен. Нужно только иметь тщательно проработанный маршрут и вооружиться отвагой.

Всемирно известная компания «Джаггд Глоуб экспедишн» считает вершину Ама-Даблам своим самым трудным объектом для восхождения. Горе присвоена категория трудности 5Д, что отражает технические характеристики маршрута: «Очень крутые ледяные или скалистые склоны доступны лишь опытным альпинистам, которые регулярно совершают подъемы такого уровня сложности. Подобные восхождения требуют большого напряжения и не обходятся без потери веса альпиниста».

Вот что такое Гималаи!

Я с любовью вспоминаю четыре недели восхождения на Ама-Даблам. У нас была превосходная интернациональная команда, в которую входила замечательная Джинетт Харрисон, через пару лет трагически погибшая на другом пике Гималаев. (Я всегда гордился тем, что мне выпала честь совершать восхождение вместе с Джинетт – необыкновенно талантливой, сильной и красивой; ее смерть стала тяжелой потерей для альпинистов.)

С нами был и Петер Хабелер, один из величайших альпинистов, который вместе с Райнхольдом Месснером первым поднялся на Эверест без кислородной маски. Так что я оказался в обществе людей, вызывающих во мне почтительную робость и огромное восхищение.

Большую часть времени я в одиночестве тренировался в подъемах, отключаясь от всего: надевал наушники и, низко опустив голову, сосредоточенно работал ледорубом, стараясь точно ставить ноги. И все время впереди, всего в десяти милях на север, возносилась высоко в небо вершина Эвереста.

Порой во время этих тренировок я проявлял порядочную беспечность, о чем сейчас вспоминаю с содроганием. Я пренебрегал веревками и карабинами, предпочитая обходиться одним ледорубом.

Помню, однажды я находился на отвесной скалистой стене, так что подо мной было добрых четыре тысячи футов. Мурлыча про себя песенку из репертуара «Джипси Кингс», я опасно балансировал на мысках кошек и изо всех сил старался дотянуться до выступа.

Мне пришлось воззвать к Богу, чтобы набраться смелости, оттолкнуться, подпрыгнуть и ухватиться за этот выступ, молясь,

чтобы он не сорвался под тяжестью моего тела, а затем продолжать путь вверх. Но обращение к Богу и общее отношение к делу были типичны для меня во время этих тренировок на склонах Ама-Даблам. Своего рода легкомысленное безрассудство, что далеко не всегда безопасно.

Но я горел воодушевлением, не испытывал никакого страха и был счастлив, что могу вот так лазить по горам после того, что со мной случилось. Впервые я снова ощущал себя сильным и уверенным, а для моей спины было даже полезно спать на жестком льду.

Все-таки совершать восхождение с такой беспечностью очень опасно. (Кстати, сейчас я веду себя намного осторожнее.) Но мне все сходило с рук, и я поднимался быстро и ловко.

Спустя три трудных недели я добрался до вершины Ама-Даблам.

Я был страшно утомлен. Последний отрезок пути дался мне очень тяжело. Я стоял на коленях, прикрываясь от ветра, и сквозь защитные очки посмотрел налево от себя.

Вдали над бегущими облаками одиноким колоссом возносился в небо Эверест.

У самой вершины пика метался гигантский снежный флаг.

Могучий, бесстрастный и отрешенный, он на шесть с половиной тысяч футов выше той горы, на вершине которой я стоял. Я понял, что восхождение на Эверест будет совершенно иным испытанием.

«Черт возьми, во что же я ввязался?!»

Глава 75

Я вернулся в Англию целым и невредимым с сознанием, что, каким бы сильным я ни был, необходимо потрудиться и стать еще сильнее и крепче. Эверест потребует от меня много сил и труда и вознаградит за них.

Я использовал любую возможность, чтобы потренироваться в подъеме в горы: в Уэльсе, на озере Дистрикт, в Шотландии.

На Новый год мой старый приятель Сэм Сайкс пригласил меня к себе домой в графство Сатерленд, что на северо-западном берегу Шотландии.

Я люблю это место, невероятно дикое и гористое.

Там расположена одна из самых любимых мною вершин Бен-Лойал, с пиком из скалистой породы, поросшей вереском, откуда открывался широкий вид на живописную дельту реки. Так что меня не нужно было упрашивать приехать к Сэму и лазать по горам.

Там я познакомился с леди, которой суждено было навсегда изменить мою жизнь, но, к сожалению, я был совершенно к этому не готов. Я ведь направлялся туда преимущественно с целью потренироваться. Сэм предупредил меня, что на Новый год к нему приедут и другие друзья, и заверил, что они мне понравятся.

«Прекрасно, если только они не будут отвлекать меня от тренировок», – подумалось мне. Я был далек от мысли влюбиться, так как думал только о своей мечте. До Эвереста оставалось всего два месяца. А любовь свернула бы меня с пути.

Одной из подруг Сэма и была эта девушка по имени Шара. Изящная, как олененок, красивая и веселая, она, казалось, смотрела на меня ласково и приветливо. В этой девушке было что-то особенное. Все, что она ни делала, было прекрасно. И я сразу в нее влюбился.

Я только и думал о том, как бы оказаться рядом с Шарой – все равно, пить ли чай, просто разговаривать с ней или гулять. Я пытался побороть свое увлечение тем, что уходил в горы, нагрузив рюкзак камнями и толстыми книгами. Но и там я постоянно думал об этой прелестной белокурой девушке, которая так мило смеялась над тем, что я таскаю в горы Шекспира.

Я уже понимал, что знакомство с нею будет сильно меня отвлекать, но теперь меня это не расстраивало. Мне хотелось одного – все время быть с этой девушкой.

На третий день я спросил, не хочет ли она подняться на Бен-Лойал вместе со мной… ну, и с кем-нибудь еще, если найдутся

желающие. Из ребят никто этой идеей не увлекся, и в результате я отправился в обществе трех девушек, включая Шару. Два часа мы шли по болотистой почве с заросшими травой кочками к подножию горы, потом стали подниматься по крутому склону к гребню вершины. Он был почти отвесным, но мы еще шагали по «легкой» дороге.

Уже через двести футов девушки здорово устали. Я сказал, что если уж мы проделали такой долгий и утомительный путь по болотам, то стоит подняться повыше. Ведь это интересно. Все согласились со мной, и мы продолжали медленно подниматься.

Ближе к вершине склон становится более отлогим, однако перед этим тропа идет по довольно открытому участку. Расстояние небольшое, всего несколько сотен футов, и я подумал, что девушкам понравится безопасный подъем, когда не нужны никакие веревки. К тому же оттуда открывался изумительный вид на море.

Но я ошибался. Стоило вскрикнуть одной девушке, как остальные тоже закричали от страха. Просто удивительно, насколько заразительна паника. Затем начались слезы. Кошмар!

Мне пришлось буквально спускать одну за другой самых боязливых девушек. Я становился перед каждой из них, держа ее за руки, и помогал ей сделать шаг, заставляя ставить ноги на то место, куда ступал я, чтобы предохранить ее от падения.

Но самым потрясающим открытием стало то, что единственная девушка, которая проявила полное спокойствие и хладнокровие, была Шара, которая уверенно поднималась, а потом столь же уверенно спускалась вниз рядом со мной, когда я помогал другим участницам нашей экскурсии.

Это меня окончательно сразило. Я всегда восхищался умением проявлять спокойствие в трудный момент. И если до этого я еще не был окончательно влюблен, то после этой прогулки в горы я просто голову потерял. Я начинал понимать, что встретил девушку своей мечты.

Глава 76

На следующий вечер, перед самым Новым годом, мы с Шарой договорились, что ровно в двенадцать часов по секрету от всех встретимся у задней двери дома.

– Давай погуляем, – предложил я.

– Конечно. Правда, уже полночь и минус пять градусов, к тому же совершенно темно, ну и пусть, давай погуляем. – Она помолчала. – Только не на Бен-Лойал, – добавила она и улыбнулась.

И вот мы брели с ней по залитой луной тропе. «Через двадцать ярдов я ее поцелую», – сказал я себе. Но мне не хватало смелости, чтобы поцеловать такую необыкновенную девушку.

Двадцать ярдов превратились в двести ярдов. Потом в две тысячи. Минут через сорок пять она предложила повернуть к дому.

– Да, хорошая мысль, – ответил я.

«Давай, Беар, смелее! Эх ты, тряпка! Смелее!»

И я решился. Сначала быстрый поцелуй в губы, затем чуть более долгий, а потом я вынужден был прекратить поцелуй. Я едва не потерял сознание от переполнявших меня чувств.

«Вау! Ради этого стоило пойти погулять!» – думал я, улыбаясь во весь рот.

– Пойдем назад, – подтвердил я, все еще улыбаясь.

Я не уверен, что Шаре очень понравилось соотношение между трудом и наградой, – я имею в виду долгую прогулку по морозу и быстрый, горячий поцелуй, – но для меня небеса и облака расступились, и все изменилось сразу и навеки.

Следующие несколько дней мы практически не расставались. Мы дурачились, по вечерам складывали головоломки, и она с улыбкой стояла на берегу, ожидая, когда я совершу свое традиционное новогоднее омовение в ледяной воде.

У меня было ощущение, что мы предназначены друг для друга. Я даже узнал, что она живет совсем близко от дома моего друга в Лондоне, у которого я снимал комнату. Разве это не кажется невероятным совпадением?

Приближался конец праздников, и мы оба собирались вернуться в Лондон. Она летела самолетом, я ехал в своей машине.

– Я приеду в Лондон раньше тебя, – заявил я.

– Как бы не так, – улыбнулась она. («Но твой азарт мне нравится!»)

Разумеется, выиграла она. Мне понадобилось десять часов,

чтобы добраться до Лондона, и в десять часов того же вечера я постучал в ее дверь.

Она открыла дверь, уже одетая в пижаму.

– Черт возьми, ты была права! – со смехом сказал я. – Поедем куда-нибудь, поужинаем.

– Но, Беар, я в пижаме.

– Я вижу, и она тебе изумительно идет! Набрось пальто, и пойдем.

Она так и сделала.

Наше первое свидание – и Шара в пижаме. Вот это девушка!

С тех пор мы почти не расставались. Днем я писал ей длинные любовные письма и постоянно упрашивал взять отгулы.

Мы катались на роликах в парке, а на выходные я возил ее на остров Уайт.

Мама с папой давно перебрались жить в старый дом деда в Дорсете, а наш коттедж на острове сдали каким-то жильцам. Но рядом с домом по-прежнему стоял старый бабушкин фургон на колесах, скрытый густыми зарослями, и при желании любой из наших родственников мог незаметно пробраться в него.

Полы в нем сгнили, в ванной обитали разные жуки и насекомые, но нас с Шарой это не смущало. Лишь бы быть вместе – это было невероятное счастье.

Через неделю я уже точно знал, что она создана для меня, а через две недели мы признались друг другу в любви.

Я понимал, что теперь мне будет очень трудно уехать на Эверест на три с половиной месяца. Но я обещал себе, что если останусь живым, то непременно женюсь на этой девушке.

Глава 77

Тем временем продолжалась лихорадочная суета с подготовкой длительной экспедиции на Эверест.

К нам с Нейлом захотел присоединиться мой давний друг Мик Кростуэйт, и его включили в состав британской команды. Мы с Миком вместе росли на острове Уайт, ходили в начальную школу, потом учились в Итоне и много раз поднимались в горы.

Сколько я помнил, Мик всегда отличался физической силой и волевым духом. В девять лет он один выигрывал схватку за мяч в регби, благодаря чему наша школьная команда всегда выходила в победители. После окончания университета он с легкостью прошел невероятно тяжелые военные учения.

Мик всегда был надежным товарищем, и я обрадовался, что он пойдет со мной на Эверест. Таким образом, наша группа была окончательно укомплектована.

Отправление было запланировано на 27 февраля 1998 года.

Поскольку наша команда была небольшой, мы решили примкнуть к более крупной экспедиции, возглавляемой Генри Тоддом, который организовал маршрут для Ама-Даблам.

По плану мы должны были совершить восхождение на Эверест с непальской стороны, по юго-восточному гребню. Это был самый первый маршрут, по которому шли Хилари и Тенцинг, и один из труднейших. Факт этот не остался не замеченным мамой.

К тому времени из ста шестидесяти одного альпиниста, погибших на Эвересте, сто один погиб именно на этой трассе. Мы с Миком решили выехать примерно на месяц раньше Нейла и Джеффри Стэнфорда (последнего члена нашей команды), чтобы как можно дольше потренироваться на высоте, прежде чем начнется само восхождение.

На аэродроме у меня состоялось полное слез прощание с Шарой, и мы вылетели в Непал.

Скоро для нас с Миком должен был начаться тяжелый период акклиматизации.

Акклиматизация проводится для того, чтобы организм приспособился нормально функционировать при уменьшении концентрации кислорода в воздухе. Для этого необходимо набирать высоту постепенно, с большой осторожностью. Когда начинаешь подниматься слишком быстро, на определенной высоте может развиться горная болезнь, последствия которой, скорее всего, станут убийственными. Если неправильно пройти

этап акклиматизации, в любой момент могут проявиться симптомы этой болезни: отек мозга, потеря сознания и кровотечения в глазном дне, в сетчатке. Так что скалолазание сродни игре с огнем – так же опасно и непредсказуемо.

На север от Эвереста до самого горизонта простирается Тибетское нагорье. К югу вплоть до долин Непала тянется гигантская и мощная гряда Гималаев. На всей планете нет более высокой точки, чем Эверест.

Но прежде чем добраться до пика, скалолаз должен преодолеть тысячи футов скал, покрытых снегом и льдом, на которых погибло множество восходителей. И вот почему.

Юго-восточный склон Эвереста, начиная от вершины, представляет собой крутую гладкую стену из скал, покрытых льдом. Она ведет к узкому ущелью – кулуару, заполненному снежным порошком, затем спуск идет дальше вниз, где на расстоянии трех тысяч футов от вершины находится перевал, так называемая Южная седловина.

Эта седловина, где должен был расположиться наш лагерь 4, соединяет две гигантские вершины, с севера Эверест, а с юга Лхоцзе.

Большую часть восхождения, рассчитанного на полтора месяца, у нас должен был занять подъем к Южной седловине.

За Южной седловиной начинается крутой спуск, ледяная стена в пять тысяч футов, – это склон Лхоцзе. Приблизительно в середине этой стены во льду будет вырублен наш лагерь 3.

Стена эта упирается в самый высокогорный в мире ледопад. В центре его будет устроен лагерь 2, а в его конце – лагерь 1. Этот громадный язык изо льда называется Долина Молчания.

Ледопад стекает через крутой вход в долину, где лед начинает с грохотом ломаться, разлетаясь на громадные глыбы, которые со страшной скоростью летят вниз.

Это можно сравнить с тем, как река, попадая в узкое ущелье, начинает бурлить и пениться. Только здесь вода превращена в крепчайший лед. Огромные блоки льда, иногда размерами с дом, с грохотом медленно скользят по склону.

Этот поток льда около пятисот ярдов шириной, ледопад Кхумбу, представляет собой самый опасный участок восхождения.

И наконец, у его начала находится базовый лагерь Эвереста.

Мы с Миком в течение этих нескольких недель тренировались, поднимаясь на относительно невысокие вершины Гималаев, чтобы акклиматизироваться и прочувствовать серьезность предстоящей нам задачи.

Забираясь все выше в горы, однажды мы оказались на высоте семнадцать тысяч четыреста пятьдесят футов, у кромки ледопада

Кхумбу, откуда, собственно, и начинается подъем на Эверест.

Мы раскинули свои палатки в базовом лагере; через два дня должны были прибыть остальные члены нашей команды.

Закинув голову, мы часто смотрели на далекую вершину Эвереста, и мне становилось жутковато. Хотелось поскорее начать восхождение, тяжелее всего дается ожидание.

Никогда еще я не испытывал такого ужаса, волнения и тревоги – и недостатка кислорода.

И это еще до начала подъема и на сравнительно небольшой высоте.

Я решил не заглядывать вперед и полностью настроился на многодневный напряженный труд, готовый ко всем тяжелым последствиям высоты.

И если восхождение обойдется без них, это нужно воспринимать как великое снисхождение со стороны горы.

Во всяком случае, я не обманывался – восхождение будет невероятно трудным и сложным.

Глава 78

Наконец прибыли Нейл и Генри – экспедиция началась.

К этому времени базовый лагерь заполнялся альпинистами из разных стран, от Сингапура до Мексики и России. Примерно сорок альпинистов, и в том числе могучий и веселый восходитель из Боливии Бернардо Гуарачи.

Каждому не терпелось рискнуть всем ради штурма вершины.

Но не все вернулись живыми.

От этих отважных, загорелых и мощных атлетов исходила ощутимая энергия – энергия стремления к цели. Альпинисты готовили снаряжение, обсуждали маршруты и тактику восхождения.

В нашу группу под командованием Генри Тодда, отвечающего за снабжение и маршрут, входили врач Энди Лэпкасс и Карла Уилок, молчаливая, дружелюбная и очень смелая девушка, мечтавшая стать первой мексиканкой, покорившей Эверест.

Еще к нам присоединился австралийский альпинист Алан Сильва. Блондин могучего сложения, он был скуп на слова, очень серьезен и сосредоточен. По нему сразу было видно, что он приехал не для развлечения, а полон решимости достичь своей цели.

Был также бритт Грэхем Ратклиф, который уже поднимался на Эверест по северному склону. Откровенный и добродушный, он хотел стать первым бриттом, который поднялся на Эверест по обоим склонам.

Джеффри Стэнфорд, гвардейский офицер, тоже из Великобритании, был опытным альпийским скалолазом, а теперь собирался впервые совершить попытку штурма Эвереста.

И наконец, Майкл Даун, один из самых известных альпинистов Канады. Веселый, опытный, загорелый и обветренный, как все высотники, он сразу мне понравился, хотя порой казалось, что он уже предчувствует неудачу.

Эверест внушает страх даже самым отважным восходителям.

Проводниками нашей интернациональной команды были непальские шерпы во главе с сирдаром, то есть руководителем, Ками.

Выросшие в Гималаях, эти шерпы отлично знают Эверест. Большинство из них в течение многих лет поднимаются на гору с экспедициями, несут запасы продуктов, кислородные аппараты, палатки и снаряжение для высотных лагерей.

Каждому из нас предстояло подниматься с довольно

внушительным по объему и весу грузом. Это продукты, вода, примус, канистры с топливом, спальный мешок, свернутый матрас, головной фонарь, батарейки, рукавицы, перчатки, шапка, куртка на пуху, ботинки с шипами, снаряжение, веревки и ледоруб.

Дополнительно к этому стандартному грузу шерпы тащили еще по мешку с рисом или по два баллона с кислородом.

Они были необыкновенно сильными и выносливыми и гордились тем, что несли жизненно необходимые запасы, которые были не под силу самим альпинистам.

Шерпов, без сомнения, можно назвать подлинными героями Эвереста.

Поскольку они родились и выросли на высоте примерно двенадцати тысяч футов, привычка к высоте, можно сказать, у них в крови. Однако высота свыше двадцати пяти тысяч футов изматывает даже их, исподволь, но неминуемо.

Люди начинают идти все медленнее, подъем дается с огромным напряжением. Два шага, затем отдых, два шага и отдых.

Это называется «ползти» на Эверест.

Говорят, чтобы взойти на пик Эвереста, фактически ты пять раз преодолеваешь его высоту. Это потому, что необходимо постоянно подниматься на гору, а затем спускаться, чтобы организм постепенно привыкал к невероятной высоте.

Каждый день мы забирались все выше, но снова спускались в базовый лагерь, чтобы дать отдых измученному организму.

Десять часов ты с огромным трудом медленно поднимаешься вверх, а потом всего за час или два быстро спускаешься по тому же склону в лагерь по веревкам, подчиняясь незыблемому правилу «Лезь высоко, но спи низко». Было отчего упасть настроению.

Самая большая высота, к которой организм человека может адаптироваться, – это двадцать четыре с половиной тысячи футов, где расположен наш лагерь 3.

Выше нее ты вступаешь в зловеще известную мертвую зону, где твой организм буквально «умирает» – замедляется пищеварение и вообще все процессы, запас энергии стремительно истощается от разреженного воздуха и недостатка кислорода.

Было ясно, что восхождение станет настоящей борьбой, когда нам придется акклиматизироваться к высоте, и при этом не утратить воли, стремления к цели. А еще болезни, изнурение, повреждения и непогода.

Каждый из нас понимал: чтобы осуществилась твоя мечта,

необходимо сочетание множества благоприятных факторов. Вот почему при подъеме на Эверест столь большую роль играет удача, везение.

Мы с Миком поставили себе цель как можно скорее акклиматизироваться к высоте в лагере 3, желательно к концу апреля. Затем нам предстояла борьба с плохой погодой и ураганным ветром.

Именно из-за сильнейших ветров большую часть года подъем на Эверест становится невозможным. Они достигают такой силы, что могут просто сбросить человека вниз со склона.

Но дважды в год, когда над Гималаями проносятся в сторону севера теплые муссоны, ветер стихает. Среди альпинистов это состояние погоды называется «молчаливым приглашением» – всего на несколько драгоценных дней на горе становится тихо.

Все до одного альпинисты гадают, когда наступит этот вожделенный покой в атмосфере и сколько он продлится. Если ошибся в расчетах и что-то пошло не так – ты погиб.

Наряду с невероятным холодом, бесконечными расселинами в леднике, частыми обвалами и лавинами, обнаженными ледяными склонами причиной мрачной статистики гибели на склонах Эвереста являются и ураганные ветры.

Если исходить из данных того года, из шести восходителей, которым удалось достигнуть вершины, одному суждено было погибнуть.

Одному из шести. Одна пуля в обойме, как в русской рулетке.

Признаться, мне не очень нравилась эта аналогия.

Глава 79

7 апреля Мик, Нима, я и один из шерпов собрались в первый раз начать подъем на Эверест.

Остальные члены команды оставались в базовом лагере, чтобы постепенно акклиматизироваться к высоте, прежде чем подниматься выше.

Мы остановились у начала ледопада Кхумбу, посреди искореженных глыб льда, и надели ботинки с кошками. Наконец-то мы приступали к подъему, о чем до сих пор лишь мечтали.

Мы стали углубляться в ледяной лабиринт, цепляясь за блестящий гладкий лед когтями кошек. Казалось, все идет нормально. Ледник становился все круче, и мы стали применять веревки. Впереди и выше виднелось бесконечное нагромождение ледяных глыб. Еще несколько мощных рывков – и мы взберемся на следующий ледяной уступ, а там ляжем, с трудом вдыхая разреженный воздух.

Вскоре базовый лагерь окажется далеко внизу и будет казаться все меньше и меньше.

В те несколько первых часов рассвета, когда мы карабкались вверх, все тело пронизывали мощные волны адреналина. Подъем на незнакомую гору всегда сопровождается этим одновременно тревожным и возбужденным состоянием.

Скоро мы добрались до первой системы из алюминиевых лестниц, проложенных шерпами через множество зияющих ледниковых расселин при помощи веревок, крючьев, вбитых в лед, и стоек. Получались своеобразные мосты через гигантские пропасти во льдах.

За многие годы эти легкие лестницы, закрепленные на месте и поправляемые каждые несколько дней в соответствии с движением льда, доказали, что это самый эффективный способ проложить дорогу через ледопад. Но поначалу, чтобы пройти по такому мостику, требовалось огромное мужество и самообладание.

Кошки, тонкие металлические ступени и лед представляют собой опасное сочетание. Ни в коем случае нельзя идти быстро, необходимо контролировать каждое свое движение и осторожно перемещаться со ступеньки на ступеньку. И помнить: только не смотреть вниз, на черную пропасть под ногами.

Смотреть только на свои ботинки, но не в пропасть. Как говорится, легче сказать, чем сделать. Примерно за сотню футов перед лагерем 1 рухнул мост, который шерпы с таким трудом проложили через расселину. Остатки веревок и связанные

лестницы длинными нитями болтались над гигантской расселиной.

Мы с Миком постояли и постарались оценить свои возможности. Нима отстал от нас, он чинил часть дороги, для чего понадобилось вколачивать дополнительные крючья. Поразмыслив, мы не стали искать новую дорогу к лагерю 1 – для первого дня мы и так поднялись достаточно высоко. Поэтому мы повернули и начали спускаться.

Я не предполагал, каким тяжелым окажется возвращение в базовый лагерь. Мышцы ног сводило от напряжения, сердце бешено колотилось, легкие горели, когда я пытался втянуть в себя каждую унцию кислорода из разреженного воздуха.

Целый день пребывания во льдах измучил меня. Перевозбуждение, повышенная концентрация внимания и условия высоты привели к полному изнеможению. Этот род усталости невозможно описать: ты чувствуешь себя совершенно немощным и опустошенным.

Звон металлических карабинов на моем снаряжении нагонял дремоту. Я крепко зажмурился, потом открыл глаза и постарался дышать как можно более ритмично.

Мы находились на высоте восемнадцать тысяч футов над уровнем моря, в преддверии смертельных объятий Эвереста. Я неловко возился с веревками трясущимися пальцами. Это был результат крайнего перенапряжения и усталости.

Прошел час, а мы, казалось, ничуть не приблизились к базовому лагерю, к тому же начинало темнеть. Я нервно оглядел ледопад. Где-то здесь мы условились с Нимой встретиться. Я внимательно осматривался, но нигде его не видел.

Я вдавил кошки в снег, прислонился к склону, чтобы выровнять дыхание, и стал ждать Мика. Он был от меня в десяти футах, осторожно ступая по неровной поверхности расколовшихся глыб льда. Больше девяти часов мы провели в изрезанном трещинами ледяном лабиринте и уже приучились передвигаться с большой осмотрительностью.

Наблюдая за ним, я понимал, что, уж если могучий Мик идет так медленно, значит, мы действительно высоко забрались. Я оттолкнулся от склона и сделал еще несколько шагов, внимательно проверяя лед под ногами. Добравшись до конца одной веревки, я отстегнулся, тяжело перевел дух и взялся за следующую веревку.

Держа ее в руке, я огляделся, еще раз набрал воздуха в легкие и пристегнул карабин к веревке. И вдруг земля подо мной дрогнула. Я посмотрел вниз и увидел, как во льду подо мной с тихим шелестом появляется трещина, на глазах превращаясь в

расселину.

Я замер. Воцарилась неестественная тишина. Сзади опять раздался негромкий треск, а затем вдруг лед подо мной обрушился, и я стал падать. Падать в эту черную и бездонную пропасть. И вдруг меня швырнуло на серую стену расселины.

Потом с силой отбросило к противоположной стене, так что я больно ударился об лед плечом и локтем. И я повис на тонкой веревке, к которой только что пристегнулся. Вращаясь на ней, я когтями кошек уцепился за выступ в ледяной стене.

Я закричал и услышал, как гулкое эхо вторило моему крику в этой черной пропасти. На меня посыпались осколки льда, один крупный кусок угодил мне в голову, запрокинув ее назад. На несколько секунд я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, мимо опять пронесся кусок льда – он оказался последним. И снова мертвая тишина. Повиснув на веревке, я медленно вращался вокруг своей оси, не в силах сдержать конвульсивную дрожь.

Я закричал вверх, зовя Мика, и эхо повторяло мои крики. Я посмотрел на луч света наверху, потом в зияющую подо мной бездну.

В отчаянии я попытался схватиться за стену, но она была гладкой, как стекло. Я с размаху занес и обрушил на стену ледоруб, но лезвие соскользнуло. Кошки безуспешно царапали поверхность льда, не находя зацепки.

Я немного подтянулся на веревке и с отчаянием устремил взгляд вверх, на край пропасти. В двадцать три года я оказался на грани смерти.

Уже во второй раз.

Глава 80

Веревка, на которой я болтался, не могла долго выдерживать вес моего тела.

Это была легкая и тонкая веревка, которую меняли каждые несколько дней, как только движущийся лед срывал ее с колышков. Она служила для ориентировки, была скорее моральной поддержкой, не то что толстый и прочный канат, которым пользуются во время подъема в горах.

В любую минуту она могла оборваться. Секунды казались мне вечностью. И вдруг я почувствовал, что кто-то с силой тянет веревку вверх. Я снова ударил кошками в стену. На этот раз они врезались в лед.

Я медленно поднимался, с каждым рывком кверху вонзая в стену когти кошек на несколько футов выше. Оказавшись у края расселины, я вогнал в него ледоруб и выбрался наверх.

Сильные руки схватили меня за куртку и оттащили от пропасти. Я отполз в сторону и в изнеможении распластался на снегу. Я лежал, уткнувшись лицом в снег, закрыв глаза и не выпуская рук Мика и Нимы, и от пережитого страха содрогался в конвульсиях.

Если бы Нима не услышал грохот обвала и не оказался так близко, я бы погиб, сомневаюсь, что у Мика хватило бы сил вытащить меня. Так что Нима спас мне жизнь.

Два часа я с помощью Мика спускался в базовый лагерь. Я нервно перехватывал веревки, сразу пристегиваясь к ним с помощью карабина.

Я спускался по лестницам совершенно другим человеком, полностью утратив уверенность в себе. Дыхание мое было частым и прерывистым, сил практически не оставалось.

Пребывание на тонкой грани между жизнью и смертью может закалить человека или превратить его в развалину. Сейчас я и был такой развалиной. А ведь мы еще не начали по-настоящему подниматься на Эверест.

Лежа один в своей палатке той ночью, я тихо плакал. Я мог погибнуть вот уже второй раз за последние несколько лет.

Я записал происшедшее:

«31 марта, полночь.

Сегодня был настоящий кошмар. До сих пор понять не могу, как я удержался на веревке.

За ужином Нима поведал своим друзьям шерпам о случившемся, сопровождая рассказ быстрыми, драматическими

жестами. Тенгба, наш молчаливый повар, положил мне двойную порцию еды, вероятно желая поддержать меня. Чудесный парень. Он по опыту знает, какой суровой может быть гора.

Сильно болит локоть, ушибленный о стену расселины, я даже чувствую мелкие осколки кости, плавающие внутри наполненного жидкостью мешочка, образовавшегося вокруг ушиба, и меня это тревожит. Доктор говорит, что нужно натирать его мазью и ждать, когда ушиб заживет. Хорошо еще, что я ударился не головой.

Я никак не могу заснуть – все время вижу под собой эту бездонную пропасть, и стоит мне закрыть глаза, как меня охватывает смертельный ужас. В момент падения тебя охватывает абсолютная беспомощность. Я снова пережил этот кошмар, как во время падения с парашютом.

Никогда я не оказывался так близко к смерти, как сегодня. И все-таки я выжил – во второй раз. Это сознание наполняет все мое существо огромной благодарностью за все хорошее и прекрасное, что я видел в жизни, и убеждением, что мне еще рано умирать. Мне есть ради чего жить.

Я только молю Бога всем сердцем, чтобы он не допустил мне снова пережить такой безумный страх и отчаяние.

Этой ночью наедине с самим собой я благодарю Господа Бога и моего друга.

Ничего себе начало восхождения, о котором я мечтал всю свою жизнь!

P. S. Сегодня день рождения моей Шары. Благослови ее Господь, где бы она сейчас ни была».

Глава 81

«Если ты нашел дорогу без препятствий, скорее всего, она никуда не ведет».

Тот, кто это сказал, абсолютно прав. В жизни постоянно приходится падать, вставать, снова шлепаться оземь, приобретать опыт и идти дальше. То же происходило и со мной.

В начале апреля установилась прекрасная погода для восхождения. Мы всей группой поднимались вверх, и, если не считать постоянного напоминания о себе разбитого локтя, я совсем забыл о близкой встрече со смертью, которая ждала меня на дне расселины.

Мы пересекли ледопад и установили на его границе лагерь 1. Переночевав в нем, мы спустились в базовый лагерь. В следующий раз мы должны были войти в Долину Молчания и попытаться добраться до лагеря 2.

Наши рюкзаки стали еще тяжелее: мы захватили дополнительное снаряжение, которое понадобится нам выше в горах. Мы медленно приближались к необозримой долине из сверкающего льда – крошечные муравьи на гигантской лыжной трассе.

Осторожно двигаясь, мы подошли к долине, затем поднялись на нее и спустились с очередного ледяного склона, испещренного гигантскими расселинами, заполненными снежным порошком. Поднявшись на очень крутой карниз, мы в первый раз увидели вдали склон Эвереста.

Могучий пик величественно высился над нами – до него было еще восемь тысяч футов по вертикали. От его мощи захватывало дух. В полном молчании мы сидели на рюкзаках и смотрели, как солнце медленно восходило над вершиной Эвереста и раскидывало свои лучи по снегам. Я весь трепетал от восторженного смятения.

Пик казался поистине непобедимым, по-прежнему далеким, одиноким и недоступным. Я решил как можно реже поднимать взгляд на пик, а больше смотреть на ноги, заставляя их двигаться и контролируя каждый свой шаг. Пожалуй, это было самым главным во время восхождения.

Высота и громадное пространство ледника все более изматывали нас, и, казалось, мы почти не приближаемся к лагерю 2. В конце концов мы добрались до него, но, учитывая затраченные усилия, особенно гордиться собой не приходилось. Приткнувшийся в тени огромного склона Эвереста, лагерь был серым, холодным и неуютным.

Мореный щебень усеивал темно-голубой лед, который под полуденным солнцем подтаивал, образовывая лужи. Вокруг было мокро, скользко и слякотно. Перелезая небольшой ледяной карниз, я поскользнулся и упал. Я страшно устал, но радовался, что мы завершили очередной этап подъема, правда относительно легкий.

Затем мы в очередной раз спустились в базовый лагерь, где я прекрасно выспался в первый раз после прибытия в Непал и решил позвонить домой по мобильному телефону.

Из-за дороговизны я еще им не пользовался – минута разговора стоила целых три фунта, а у меня и так было полно долгов. Сначала я думал оставить телефонный разговор до того момента, когда, если мне удастся, поднимусь на Эверест.

– Мама, это я!

– Беар? Это Беар! – взволнованно закричала она.

Бесконечно радостно и приятно было слышать родные голоса.

Я спросил, какие у них новости.

Потом рассказал, как я едва не упал в трещину.

– Куда ты упал? В ущелье? – спросила мама.

– Нет, в расселину на леднике.

– Скажи по буквам. Я тебя плохо слышу, милый. – Она велела остальным помолчать, затем продолжила разговор. – Так что там насчет твоего ущелья?

– Ничего, мам, это не важно, – засмеялся я. – Я тебя люблю!

Ничто так не успокаивает, как семья.

Глава 82

Через четыре дня мы снова были в лагере 2, на карнизе из мореновых скал грандиозной ледяной Долины Молчания.

В 5 часов утра я сидел у входа в свою палатку. Стояла неестественная тишина. И было холодно, очень холодно.

Мик всю ночь беспокойно ворочался. Это из-за высоты. Бессонница, постоянная головная боль, легкие полностью пересыхают, и в результате человек целыми днями кашляет и чихает. Прибавьте к этому страшный холод, постоянную тошноту и невероятную слабость, из-за чего любое дело превращается в геркулесов подвиг, – и вы поймете, почему далеко не все альпинисты жаждут стать высотниками. Действительно, пребывание на больших высотах и при низкой температуре далеко не так романтично, как кажется издали.

Но сегодня мы должны были или победить, или сдаться. Семь часов мы поднимались от базового лагеря до лагеря 2. Впервые мы проделали этот путь, не останавливаясь на ночевку в лагере 1, и это стоило нам огромных физических затрат. Сегодня мы должны были подняться еще выше, и там начнется еще более крутой и опасный путь вверх.

Лагерь 3 располагается на пороге человеческого существования, а как я неоднократно объяснял сомневающимся журналистам, человеку легче адаптироваться к большим высотам, когда ему около тридцати.

Вообще-то мой возраст – двадцать три года – не обещал мне ничего хорошего, но я старался не думать об этом.

Да, я был еще слишком молод, но мною двигала жажда подвига, и предстоящие несколько недель, когда я окажусь так высоко, как никогда до сих пор не забирался, покажут, по силам ли мне этот подвиг.

Меня ожидало серьезное испытание. Если мне не удастся благополучно перенести высоту в лагере 3, придется возвратиться в базовый лагерь и похоронить свою мечту.

Глядя на уходящий вверх склон, я пытался представить себя стоящим там, на пике. И не мог.

Через полчаса после выхода мы были еще на мореновом щебне. Казалось, мы вообще не двигались. Но в конце концов снова добрались до льдов и стали подниматься к началу ледопада, возвышающегося над нами примерно на расстоянии пяти тысяч футов. Он манил нас к себе в тишине, нарушаемой лишь шорохом легкого ветерка по льду.

Учитывая высоту, на которой мы находились, нам предстоял довольно резкий скачок вверх – три тысячи триста футов. Даже во время тренировок в базовом лагере мы поднимались только на девятьсот футов в день.

Мы сознавали опасность, грозившую нам за этой невидимой гранью, но вынуждены были пойти на этот риск из-за крутизны склона. На нем невозможно было найти место с ровной площадкой, где можно было разбить лагерь. После того как мы доберемся до лагеря 3, мы в последний раз возвратимся в базовый лагерь. А там все уже будет зависеть только от погоды.

Следующие пять часов мы продолжали подъем по отвесному ледяному склону. С силой вонзали когти кошек, так что мышцы икр пронизывало болью, тяжело хватали воздух, но это не приносило облегчения. Воздух был сильно разрежен, каждый неверный шаг заставлял все мучительнее и острее чувствовать головокружительную пропасть под собой.

«Смотри вперед и вверх, только не вниз!»

Накануне до лагеря 3 добрались шерпы и, переночевав, днем поставили две палатки. Они лучше нас переносят эту высоту. Как я был благодарен им за их силу и выносливость!

С трудом преодолевая последний отрезок пути по сверкающему на солнце ледяному откосу, я увидел наверху палатки, установленные под нависающей ледовой глыбой, сераком.

«Опасно», – подумал я. Вместе с тем серак прикрывал лагерь от обвала.

Усилившийся ветер трепал палатки, предвещая ночью сильный мороз. Пошел густой снег, и сразу стало темно. Ветер гнал снег по темному льду, швырял его нам в лицо.

Мик немного отстал от нас с Нимой, и, забравшись на выступ с палатками, мы смотрели, как он медленно приближается. Еще шаг, неуверенный и шаткий, за ним остановка, потом все сначала. Наконец он кое-как влез на уступ. Едва различимое в сумраке замерзшее лицо его осветилось слабой улыбкой.

Мы дошли до лагеря 3! Живые, невредимые и никого не потеряли по дороге.

Глава 83

Головная боль, которая, как я надеялся, отпустила меня в лагере 2, снова возвратилась, на этот раз еще более сильная. Я украдкой глотал таблетки аспирина, чтобы никто не догадался о моих мучениях. Тем более на решающем этапе подъема.

Наша палатка больше подходила для одного человека с минимальным количеством вещей, чем для трех человек в ботинках с кошками и прочим снаряжением, забившихся в нее, чтобы укрыться от страшного холода.

Когда ты устал, страдаешь от жажды, дикой головной боли и зажат в этой тесноте между горелкой, где в котелке растапливается лед, и ледяной стеной, к которой прилеплена палатка, нужно обладать большой выдержкой и терпением.

В такой ситуации очень важно, чтобы рядом с тобой был друг. Друзья, на которых ты можешь положиться, – это люди, способные улыбаться, когда приходится особенно трудно. Именно в такие моменты испытывается и крепнет дружба между людьми.

Молча, не тратя силы на разговоры, мы занимались делами, необходимыми на такой огромной высоте.

Если ты снял унты с кошками, то покидать палатку уже нельзя. Несколько альпинистов погибли именно потому, что вздумали выйти из палатки в одних ботинках. В условиях высокогорья человек быстро слабеет, страдает головокружением, и стоит ему поскользнуться на гладком льду, как он неотвратимо срывается со склона и летит в пропасть глубиной в пять тысяч футов навстречу своей гибели.

В случае малой нужды лучше воспользоваться специальной бутылочкой, которую потом ты крепко прижмешь к груди, чтобы согреться. А уж если тебя прижало всерьез, то это целая история! Сперва все долго ерзают, стараясь отодвинуться и дать тебе возможность снова одеться, надеть унты и кошки, после чего ты, наконец, вылезаешь наружу.

Потом ты садишься на корточки лицом к склону, крепко держась за ледовый крюк, спускаешь несколько пар штанов и высовываешь зад над пропастью.

Но прежде не забудь убедиться, что снизу не поднимаются другие альпинисты.

Когда наконец-то настал рассвет и я с трудом выбрался из палатки, мне в ноздри ударил ледяной свежий воздух. За ночь на смену густому снегу и буйному ветру пришла изумительная тишина и покой.

Дожидаясь, когда оденутся Мик и Нима, я с восторгом смотрел на горы с ощущением, что передо мной лежит полмира. Казалось, время остановилось, и мне хотелось, чтобы этот восторг длился вечно. Ледяной склон уходил от меня вниз, к громадной заснеженной долине; на западе до самого горизонта простирался исполинский кряж Гималаев. Поистине, это целый материк!

Мы находились на высоте примерно двух миль по вертикали от базового лагеря. Горы, которые недавно еще грозно маячили в вышине, теперь были вровень с нами или еще ниже. Какой потрясающий вид! Какое счастье наслаждаться им, впитывать его в себя!

Но сегодня, когда мы будем спускаться, нам снова предстоит проделать весь этот изнурительный путь. Только теперь, глядя вниз, я осознал все опасности крутого склона, по которому мы поднимались всего двенадцать часов назад при сильном ветре и снегопаде. Сидя у палатки, я проверил свое снаряжение.

Скоро все мы были готовы и приступили к спуску. Веревка быстро скользила сквозь спусковое устройство и звенела, как натянутая струна. Пружинистые прыжки вниз по ледяному склону доставляли невероятное наслаждение. Вскоре все мои восемь спусковых устройств нагрелись от трения стремительно бегущей сквозь них веревки.

Это были самые прекрасные моменты на горе. Я старался не думать о пролитом поте и тяжелой работе во время подъема по этой крутой ледяной стене, сейчас буквально пролетающей под моими ногами. Мне не хотелось напоминать себе, что предстоит снова проделать весь этот путь, когда мы станем подниматься к лагерю 4 и выше, к самому пику. Об этом страшно было и думать.

Я просто радовался тому, что благополучно провел ночь в лагере 3, доказал, что мой организм способен нормально работать на высоте больше двадцати четырех тысяч футов, радовался тому, что нашему возвращению на базу сопутствует замечательная погода.

Когда мы добрались до лагеря 2, напряжение окончательно отпустило нас, и мы ликовали. На следующий день мы направились к базовому лагерю, с вновь обретенной уверенностью преодолевая ледовые расселины. Так закончился наш последний подъем с целью акклиматизации.

Теперь мы ежедневно получали сводки погоды из метеоцентра «Блэкнелл» в Великобритании. Они сообщали самые верные и точные прогнозы, которые только можно получить. Метеорологи этого центра умеют определять силу ветра с точностью до пяти узлов для каждой тысячи футов высоты.

Когда мы снова поднимемся в горы, от этих прогнозов будет зависеть наша жизнь. По утрам вся наша команда нетерпеливо кидалась к ноутбуку узнать, что сулят нам небеса, но ничего хорошего они не обещали. Ранние предвестники муссона, приближающегося к Гималаям на смену ураганным ветрам, бушующим на Эвересте, все не давали о себе знать. Оставалось только ждать.

Наши палатки в базовом лагере стали для нас привычными и уютными, как родной дом. Мы хранили в них письма от родственников и близких, маленькие сувениры, напоминающие нам о семье.

У меня была с собой морская раковина с берега острова Уайт, на створках которой Шара написала мои любимые строки из Библии, – они так помогали мне на службе в армии: «И се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь».

Я перечитывал их перед сном каждую ночь, когда был в базовом лагере.

Мне не стыдно признаться, что здесь, на этой страшной высоте, я нуждался в помощи и поддержке.

Глава 84

Я проснулся внезапно, от неудержимого позыва к рвоте, и поспешно выскочил наружу. Меня вырвало прямо на лед и камни около палатки.

Мне казалось, что я умираю, голова раскалывалась от пульсирующей боли. Черт! Это не предвещало ничего хорошего. Весь день, который оказался очень жарким, я валялся в палатке, свернувшись калачиком. Я не знал, что и думать.

Наш врач Энди сказал, что у меня переутомление и хроническая грудная инфекция, назначил мне курс антибиотиков и велел отдыхать. Итак, для выздоровления мне требовалось время, а его-то у нас как раз и не было.

К вечеру того же дня, когда в общую палатку вошел Генри с последним прогнозом, мои опасения полностью оправдались.

– Хорошая новость, ребята, – ветер начинает стихать. Похоже, к девятнадцатому наступит просвет. Значит, у нас пять дней на то, чтобы добраться до лагеря 4, что на Южной седловине, и подготовиться к штурму вершины. Нужно сразу же выдвигаться туда.

Столь долгожданный момент принес мне только боль и разочарование. Надо же было, чтобы он наступил, когда я лежал, совершенно больной и обессиленный!

Я проклинал себя, содрогаясь от дрожи, чувствуя ломоту в суставах от высокой температуры. Надежды на то, что я смогу совершить восхождение, не было, а высота в семнадцать с половиной тысяч футов – не самое благоприятное место для выздоровления.

Мик, Нейл, Карла и Алан должны были на рассвете покинуть базовый лагерь. Майкл, Грэхем и Джеффри составляли вторую группу и собирались выйти через день, если позволит погода.

А меня через каждые час-полтора выгоняли наружу приступы сильной рвоты, после чего я возвращался и падал на матрас, измученный и бледный. Моя мечта об Эвересте тонула в луже рвоты у моей палатки.

Я отдал все силы за эту возможность подняться на вершину, а сейчас только и мог беспомощно смотреть, как она ускользает от меня.

«Прошу тебя, Господи, помоги мне выздороветь! Сделай это поскорее!» Та ночь была для меня самой долгой и тоскливой за всю экспедицию.

Я лежал в сухой и теплой палатке, рядом были мои друзья – и

чувствовал себя бесконечно одиноким и несчастным, с горечью сознавая, что упустил шанс осуществить свою заветную мечту.

Через несколько часов первая группа, Нейл, Мик, Карла и Алан, уйдут и впервые за полгода попытаются совершить восхождение на Эверест по южному склону, но меня с ними не будет.

Грэхем и Майкл тоже чувствовали себя больными: они кашляли, чихали, были истощенными и слабыми. Генри настоял, чтобы Джеффри остался во второй партии. Идти четверками было надежнее, чем группами в три и в пять человек. Он благородно согласился.

Вчетвером мы составляли довольно жалкий резерв высотников, если вообще второй группе повезет с погодой. Я в этом сомневался.

В 5 утра до меня донеслись первые звуки возни в палатке Мика, но сейчас все было по-другому. Не было слышно ни шуток, ни смеха, Нейл и Мик тихо перешептывались, поспешно натягивая на себя одежду в утреннем холоде.

Они не хотели нас будить. Но я всю ночь пролежал без сна. Нагнувшись, они заглянули ко мне в палатку попрощаться, и Мик крепко пожал мне руку.

– Ты был надежным товарищем, Беар. Держись, поскорее выздоравливай и набирайся сил. Твой черед придет, дружище.

Я улыбнулся, чертовски им завидуя.

В 5:35 эта четверка да еще шерп Пасанг покинула базовый лагерь. Я слышал, как они решительно зашагали по камням, направляясь к подножию ледопада.

Никогда еще в моей палатке не было так тихо… и так тоскливо.

Спустя два дня, когда ребята уже поднимались к лагерю 3, я проснулся и неожиданно почувствовал себя гораздо лучше. Ну, не на сто процентов, но на пятьдесят – это точно. Для меня и это было хорошо. Антибиотики сделали свое дело.

Однако в то утро поступил совершенно иной прогноз – внезапно и резко изменилась погода. На Эвересте это дело обычное. «Штормовое предупреждение: к югу от Эвереста формируется тропический циклон. Есть вероятность, что по мере приближения к горе он превратится в тайфун».

Тайфун ожидался через два дня – значит, у ребят на горе было мало времени. Тайфун не только принесет шквальный ветер, но и, возможно, сильный снегопад, в результате чего всего за несколько часов образуется слой снега футов в пять-шесть. А значит, невозможно будет добраться до тех, кто находится на

высоте, объяснил Генри.

В тот день я сделал Генри предложение.

Майкл и Грэхем еще болели, но я чувствовал себя почти в норме.

– Почему бы нам с Джеффри не отправиться в лагерь 2, чтобы мы были на месте на случай, если вдруг тайфун пройдет стороной?

Вероятность была мала, очень мала, но, как сказал однажды гольфист Джек Никлаус, «не замахнешься – не попадешь». Я не хотел терять свой шанс подняться на Эверест, сидя в базовом лагере в ожидании погоды. Кроме того, в лагере 2 я мог с помощью рации связывать базовый лагерь, где оставался Генри, с партией, которая была уже наверху, и наоборот. Этот довод стал решающим.

Генри понимал, что Майкл и Грэхем поправятся еще не скоро, понимал мое состояние, ту же страсть, что сжигала его в юности. Его собственный девиз гласил: «Девяносто девять процентов осторожности и один процент безрассудства». Но подлинное искусство восходителя заключается в том, чтобы знать, когда использовать этот один процент.

Я подавил приступ кашля и, улыбаясь, вышел из его палатки. Итак, я все-таки пойду наверх.

Глава 85

Мы с Джеффри медленно, но верно приближались к губе в конце ледопада. Я прикрепил карабин к последней веревке, соединяющей нас с лагерем 1. Это было в 7:20 утра.

Большая часть этого дня ушла у нас на то, чтобы добраться до лагеря 2, – это произошло в 3:30 пополудни. От усталости у меня кружилась голова. Когда ты не совсем выздоровел, тяжело подниматься в гору, да еще на такой высоте, но я не собирался выдавать свое состояние. Слишком много стояло на кону.

Мы с Джеффри уселись выпить воды, опустив рюкзаки на снег и расстегнув куртки, чтобы ветерком остудило разгоряченное и вспотевшее тело.

В лагере 2 шерпы Анг-Серинг и мой друг Тенгба подкрепили нас горячим чаем с лимоном. Было радостно сознавать, что мы уже здесь.

Сейчас ребята из первой партии должны были находиться где-то между лагерями 3 и 4. Вскоре они вступят на новую территорию, гораздо выше, чем за все время экспедиции.

Мы подробно изучили дорогу. Это был опасный траверс через склон Лхоцзе и длинный путь вверх по Женевским скалам – могучему скальному контрфорсу, выступающему надо льдом. По этому отрогу мы пройдем к продуваемой ветрами Южной седловине – месту нашего высотного лагеря под номером 4.

Шерпы разглядели в бинокль альпинистов – черные точки на бесконечном белом покрове высоко над нами.

«Давай, Мик, иди вперед, дружище!» Я улыбался.

Было 11 часов вечера. Мик и Нейл сейчас готовятся покинуть лагерь 4. Им вместе с товарищами предстоит совершить обычный ритуал: сменить обувь, проверить снаряжение, кислородные аппараты, привязать кошки.

Нелегкое это дело для четырех человек, едва поворачивающихся в тесной палатке, в темноте и на высоте двадцати шести тысяч футов.

11 мая наступило полнолуние, идеальное для вершины время. Но прошло уже больше недели, и луна стала убывать. Это означало, что им все время приходится работать при налобных фонарях, а при такой низкой температуре батарейки истощаются очень быстро. Запасные батарейки – лишний вес. Да и поменять батарейки при температуре минус тридцать пять градусов в меховых перчатках не так просто, как кажется.

Никогда мне так сильно не хотелось быть рядом со своим

товарищем Миком, как сейчас.

Ветер улегся, ночь была тихой, и они покидали лагерь в хорошее время, опередив две остальные команды, остановившиеся там. Это они правильно решили. Мик говорит, что вскоре после того, как они ушли с седловины, его стали одолевать сомнения насчет запаса кислорода. Это было предчувствие, почти прозрение.

Спустя пять часов цепочка восходителей прокладывала извилистый путь по льду и глубокому снегу в направлении выступа, именуемого «балконом», на высоте двадцати семи с половиной тысяч футов.

Группа двигалась медленнее, чем ожидалось. У Мика погас налобный фонарь. В темноте и в глубоком снегу он не стал возиться со сменой батареек.

Погода, которая казалась такой благоприятной, начала меняться. Мик и Нейл продолжали с трудом продвигаться вверх. Позади них медленно, но упорно шли Карла и Алан.

Наконец в 10:05 утра Нейл вместе с шерпом Пасангом достигли Южной вершины, Лхоцзе. Нейлу уже был виден последний хребет, который вел к печально известному кулуару под названием ступень Хилари, заполненному снегом и льдом, а над ним до самого пика Эвереста тянулся пологий подъем в четыреста футов.

В 1996 году из-за гибели людей Нейл не смог подняться выше лагеря 4. Два года после этого он снова добирался сюда, и лишь теперь до вершины было рукой подать.

Он чувствовал себя сильным и в тревоге ждал Мика, чтобы вместе с ним преодолеть последний гребень и ступень Хилари. Чутье подсказывало Нейлу, что не все благополучно.

По мере того как в ожидании Мика и остальных членов партии проходили драгоценные минуты, он чувствовал, что мечта, однажды ускользнувшая от него, снова собирается это проделать.

Где-то по дороге между восходителями возникло недоразумение по поводу того, кто какую веревку несет с собой. На большой высоте такое случается. Казалось бы, небольшой просчет, так, мелочь. Но каждый просчет ведет к неприятным последствиям.

И вот здесь, в четырехстах футах от вершины Эвереста, они вдруг обнаружили, что у них закончились все веревки. Ребятам не оставалось ничего, кроме как вернуться. О дальнейшем восхождении нечего было и думать.

Нейл смотрел на вершину через штурмовые очки: так близко и так далеко! Он испытывал горчайшее разочарование.

Повернувшись к вершине спиной, он начал спускаться не оглядываясь.

В 10:50 утра заговорила рация. Это был голос Мика – слабый, еле слышный.

– Беар! Это Мик. Ты записываешь?

Затем послышался треск атмосферных помех. Я только разобрал, что речь идет про кислород. Это было плохо.

– Мик, повтори снова. Что с твоим кислородом, закончился?

После короткой паузы он сказал:

– Я использовал весь кислород. Запасного баллона нет.

Эти слова повисли в тишине палатки в лагере 2. Я зажмурился, с ужасом думая о том, что моему лучшему другу, которого отделяет от меня крутой склон в шесть тысяч футов, грозит смерть, а я бессилен ему помочь.

– Продолжай говорить, Мик, не молчи, – твердо сказал я. – Кто с тобой рядом?

Я знал, что, если Мик замолчит и не найдет помощи, он не выживет. Сначала он не сможет стоять и ляжет, а затем замерзнет.

Как только он перестанет двигаться, он быстро потеряет сознание от переохлаждения и недостатка кислорода. А там и смерть не станет дожидаться.

– Здесь Алан. – Пауза. – У него тоже нет кислорода. Это… это не очень хорошо, Беар.

Нужно было немедленно связаться с Нейлом. Их мог спасти только человек, который находился неподалеку.

Мик снова заговорил:

– Беар, думаю, Алану осталось жить не больше десяти минут. Не знаю, что делать.

Я пытался его вызвать, но он на связь не вышел.

Глава 86

В конце концов Мика с Аланом нашли двое шведов и шерп Бабу Чири. Слава богу, у Бабу случайно оказался лишний баллон с кислородом.

Нейл и Пасанг, которые тоже уже спускались, встретились с Миком и остальными. Затем Нейл нашел в снегу тайник с кислородными баллонами, дал один баллон Алану и заставил его и Мика встать на ноги.

Следующие несколько часов Мик плохо помнит, поскольку находился в полубредовом состоянии, отягощенном крайней усталостью и переохлаждением.

Спускаться по гладкому льду очень трудно и порой гораздо опаснее, чем подниматься. Мик едва передвигался, ослабленный разреженным воздухом. Где-то под снежным балконом Мик вдруг почувствовал, как под ним зашевелился снег. В следующее мгновение у него из-под ног выскользнула снежная доска – слой снега, покрывающего лед, и за считаные секунды исчезла внизу.

Мик упал на спину и с бешеной скоростью понесся вниз по крутому склону, а потом допустил типичную ошибку – попытался замедлить падение, тормозя кошками. Его с силой подкинуло вверх, отчего он перекувырнулся через голову и, рухнув на склон, еще стремительнее понесся вниз по голому льду и снегу. Он уже смирился с мыслью о своей гибели.

Его подкидывало и кувыркало, и вдруг маленький выступ остановил его падение. Затем он услышал голоса людей – приглушенные и странные. Мик попытался им крикнуть, но голос его не слушался. Потом его окружили восходители, которые находились на Южной седловине, прикрепили его к веревке и крепко удерживали. Его сотрясала неудержимая дрожь.

Спустя сорок восемь часов Мик и Нейл добрались до нас в лагерь 2. Оба были в ужасающем состоянии, их трудно было узнать. Мик просто сидел, обхватив руками бессильно повисшую голову. Все было ясно без слов.

Вечером, когда мы собирались ложиться спать, Мик слегка толкнул меня. Я обернулся и увидел на его лице улыбку.

– Беар, в следующий раз давай я выберу, куда мы поедем в отпуск, хорошо?

У меня началась истерика, с безумным хохотом и слезами. Видимо, это была разрядка. Какой ужас я пережил за эти часы!

На следующее утро Мик, Нейл и Джеффри отправились в базовый лагерь. Их попытка не удалась. Мик мечтал поскорее покинуть эту гиблую гору и оказаться в безопасности.

Когда они уходили по ледопаду, я долго смотрел им вслед и надеялся, что не допустил ошибку, решив остаться в лагере.

Чем дольше ты находишься на высоте, тем больше слабеешь. Между акклиматизацией и ухудшением состояния грань очень тонкая. Я предпочел пренебречь ухудшением и подождать – на случай, если у нас состоится еще один штурм вершины. Кто-то находил это смелым поступком, но чаще люди говорили, что это было просто глупо.

Скорость перемещения тайфуна упала, так что он мог добраться сюда только через два дня. Но все равно он приближался, да и два дня – недостаточный срок для того, чтобы добраться до пика и возвратиться. Поэтому я обещал Генри и Мику, что если тайфун и дальше будет идти к нам, то я тоже спущусь в базовый лагерь.

Следующие несколько дней проходили в напряженном ожидании сеансов связи с базовым лагерем – мне сообщали прогноз погоды. Я отчаянно ждал, когда же появятся сведения о том, что тайфун уходит в сторону.

В первый день сообщили, что он стоит на месте. Назавтра – то же самое. Поэтому я согласился подождать еще немного. Все зависело от того, каким будет прогноз на следующий день.

И вдруг в 12:02 ночи заработала рация.

– Беар в лагере 2. Это Нейл. У тебя все о'кей?

Его голос звучал ясно и громко.

– Жду не дождусь новостей, – ответил я улыбаясь. Он знал, что я имел в виду.

– Тогда слушай. У меня для тебя метеосводка и имейл от твоей семьи. Что хочешь сначала – хорошую новость или плохую?

– Давай сначала плохую.

– Ну, погода по-прежнему паршивая. Тайфун снова пришел в движение и направляется в нашу сторону.

Если он завтра не поменяет направление, тебе придется немедленно спускаться. Прими мои сожаления.

– А хорошая новость? – с надеждой спросил я.

– Твоя мама прислала через метеослужбу сообщение. Говорит, что все ваши домашние животные здоровы.

Клик.

– Ладно, валяй дальше. Это не та новость. Что еще?

– Ну, они думают, что ты все еще в базовом лагере. Пожалуй, так для них лучше. Поговорим с тобой завтра.

– Спасибо, дружище. Да, и помолись за изменение погоды. Это будет наш последний шанс.

– Ладно, Беар. Смотри не начни там сам с собой

разговаривать. Конец связи.

Мне предстояло ждать еще целые сутки. Я с досадой замечал, что все больше слабею в ожидании новой попытки штурма. Я уже стал сомневаться и в себе, и в своем решении ждать погоды на такой высоте.

Задолго до рассвета я вылез из палатки. Было 4:30 утра. Я сидел у входа в палатку, дожидаясь восхода солнца, и представлял себя на самом пике этой неприступной и такой надменной вершины.

«Вступлю ли я когда-нибудь в мертвую зону, что начинается за лагерем 3?»

К 10:00 я уже ждал у рации. На этот раз меня вызвали рано.

– Беар, твой Бог улыбнулся тебе! Готово! – возбужденно сказал Генри. – Циклон свернул на восток. У нас есть маленький просвет. Говорят, через два дня снова поднимется ураганный ветер. Как ты себя чувствуешь? У тебя еще остались силы?

– Ничего, держимся! Да, хорошо, даже прекрасно. Поверить не могу!

Я вскочил на ноги, зацепился за веревку, которой крепилась палатка к колышку, и завопил от радости.

Наконец-то закончилось это долгое и тоскливое ожидание!

Глава 87

Мне всегда нравилось высказывание Джона Кеннеди: «По-китайски «кризис» изображается двумя иероглифами. Один означает опасность, а другой – возможность, шанс, перспектива, альтернатива».

Оглядываясь на свою жизнь, я замечаю, что после каждого критического момента я становился еще сильнее. И теперь передо мной открылся путь к тому, что меня так влекло: опасность, но и огромный шанс. Моему волнению не было предела.

Нейл уже готовился подняться ко мне. Мик, счастливо избежавший гибели, благоразумно оставался в базовом лагере. Но мое время пришло!

В тот вечер в лагере 2 снова было полно друзей. Здесь были Нейл, Джеффри, Майкл, Грэхем, Карла и Алан. Но Карле подъем в лагерь дался очень тяжело, и это было видно по ее измученному и похудевшему лицу.

Да и как могло быть иначе? Ведь она провела на Эвересте уже три месяца и только несколько дней назад была в четырехстах футах от пика!

Завтра начнется наше самое главное сражение.

В ту ночь моя маленькая палатка, где я в одиночестве провел пять дней, вдруг стала тесной и шумной – вместе со мной туда втиснулись Нейл, Джеффри и Грэхем.

Я старался пить как можно больше кипяченой воды – это было необходимо, чтобы справиться с предстоящими трудностями. Поэтому я все время пил и без конца прибегал к специальной бутылочке, но все равно моча у меня была темного цвета. На большой высоте организм с трудом удерживает воду.

У нас выработалась и закрепилась привычка при малой нужде в любых условиях – даже в темноте и при этом рядом чья-то голова – пользоваться специальной бутылкой. У каждого было по две бутылки: одна для мочи, другая для воды. Нужно было как-то запомнить, какая из них для чего предназначена.

В 10:00 вечера мне снова захотелось облегчить мочевой пузырь. Я схватил бутылку, присел на корточки и сделал свое дело, а потом крепко завинтил крышку – во всяком случае, так мне показалось, – снова залез в спальный мешок и постарался уснуть.

Вскоре я почувствовал, что моя одежда набухает влагой.

«Еще не хватало! Воображаю, как будут смеяться ребята, когда узнают, что я описался во сне!» Втихомолку чертыхнувшись, я вылез из спального мешка и опять присел на корточки. Затем

посмотрел на бутылку. У горлышка свободно болталась крышка. Темная зловонная жидкость промочила мне всю одежду и спальный мешок. Видно, я недостаточно плотно завернул крышку. Грубая ошибка. Может, это дурное предзнаменование.

С этой мыслью я кое-как заснул.

В 5:45 мы вылезли наружу и уселись на лед, прицепляя кошки.

В полной тишине мы начали взбираться к лагерю 3. Я надеялся, что мы пройдем этот путь быстрее, чем в прошлый раз.

К 10 утра мы были уже достаточно высоко и продолжали упорно и размеренно идти вверх по крутому ледяному откосу. Я откинулся назад и сделал глоток воды из бутылки, которая висела на шнурке, обхватывающем шею. Темп у меня был не очень быстрый, но нормальный. И я чувствовал в себе больше сил, чем в прошлый раз на этом маршруте. Это был хороший знак.

Через пять с половиной часов до палаток лагеря 3 оставалась уже сотня футов. И все-таки мне понадобилось целых двадцать минут, чтобы преодолеть эту маленькую дистанцию.

«Сохраняй терпение и иди. Не обращай внимания на то, что трудно дышать, что немеют ноги, не смотри вниз. Думай только о следующем шаге. Остальное не имеет значения».

Закон физики гласит, что, если ты не стоишь, а двигаешься, пусть даже медленно, в конце концов ты обязательно дойдешь до вершины. Просто на Эвересте это очень трудно. Раньше я даже не представлял, что гора способна внушить тебе почти непреодолимое желание отказаться от штурма, сдаться.

Я не сдавался, но готов был отдать все, что угодно, только бы не чувствовать этой страшной боли и слабости. Я заставлял себя не думать о них, не замечать. Так началась эта борьба, которую я вел сам с собой следующие двое суток, – и без передышки.

Совершенно обессиленные, мы заползли в палатку, занесенную снегом, выпавшим за предыдущую неделю. В этой палатке, приткнувшейся на маленьком ненадежном выступе, нас было четверо – испуганных, страдающих от страшного холода, головной боли, жажды и судорог.

Не раз мне приходилось радоваться, что в армии я привык жить в тесноте. Эта привычка здорово помогала мне и во время экспедиции, и в дальнейшей жизни. И, конечно, я радовался тому, что рядом со мной был Нейл. Когда общаешься с хорошим человеком, поневоле набираешься от него хорошего. И это здорово.

И еще одно, чему научила меня армия, – это бодрости духа в самый напряженный момент, когда вокруг тебя все подавлены, ослаблены морально и физически.

Именно когда все очень тяжело и беспросветно, необходимо собрать все силы, поднатужиться и заставить себя преодолеть все трудности. Урок простой, но очень важный для жизненного успеха. Я часто замечаю эту способность собраться, сосредоточиться у моих друзей, а уж на Эвересте от нее зависит буквально все.

Отправляясь наверх, Карла пообещала Генри, что пойдет дальше только в том случае, если не будет ветра. Генри знал, что измученная Карла одолеет восхождение только в благоприятную погоду. В 6 часов вечера по рации раздался его голос из базового лагеря:

– Ребята, ветер поднимается. Мне очень жаль, Карла, но тебе придется спуститься. Я не могу допустить, чтобы ты рисковала жизнью.

Последовала долгая пауза.

Карла сердито ответила:

– Ни в коем случае. Я иду наверх. Мне все равно, что ты скажешь, я иду наверх.

Генри взорвался:

– Слушай, Карла, мы же договорились! Я даже не хотел отпускать тебя, но ты настояла, а теперь прогулка заканчивается. Я прошу тебя вернуться, чтобы сохранить тебе жизнь.

Генри был прав. На то, чтобы добраться до лагеря 3, Карле потребовалось на три часа больше, чем нам. Если она будет так же медленно идти дальше, она может не вынести напряжения и погибнуть.

Глава 88

На рассвете Карла отправилась вниз.

А мы продолжали подниматься вверх, все выше и выше.

Не успели мы выйти из лагеря 3, как я стал задыхаться в кислородной маске. Казалось, воздух вообще не поступал. Тяжело дыша, я сорвал ее с лица.

Я посмотрел на пузырек манометра – судя по его положению, кислород подавался. Запас тоже был достаточным. Я надел маску и пошел дальше. Через пять минут легче не стало, и я еле шел. Маска меня душила. Я опять остановился и, сдернув ее, стал жадно глотать воздух. Шедший сзади Джеффри тоже встал, тяжело опираясь на ледоруб. У него не было сил поднять голову.

Я снова надел маску, решив ей довериться. Ведь манометр показывал, что аппарат работает, а значит, будет отмеривать мне скудный рацион в размере двух литров кислорода в минуту. Маленький, но постоянный и равномерный поток, которого хватит часов на шесть.

Конечно, два литра в минуту – это лишь жалкая часть объема кислорода, который нам ежеминутно требуется во время трудного подъема по крутому склону с тяжелым грузом на спине.

Но даже этой тонкой струйки кислорода достаточно, чтобы избавиться от гипоксии, поэтому-то люди и тащат на спине запасные баллоны. Я твердил себе, что боль в спине, в ногах и плечах не так важна, как отсутствие кислорода, которое влечет за собой неминуемую смерть.

Вверх по склону тянулась веревка.

Справа от меня до самой вершины Лхоцзе высилась ледяная стена. Слева – такой же ледяной склон круто спускался к Долине Молчания, около четырех тысяч футов ниже.

Теперь, когда я оказался на такой высоте, любая ошибка была чревата гибелью.

Стараясь не смотреть вниз, я сосредоточил взгляд на ледяной стене.

Я стал медленно подниматься, держа направление на высокую скальную гряду, надвое рассекающую склон.

Желтая Лента – это участок скал из песчаника, когда-то бывший дном древнего океана Тетис, после чего за многие тысячелетия движением тектонических плит его вознесло в небо. И вот надо мной в тумане возникала эта желтая гряда.

Я прислонился к холодной скале и стал глубоко дышать, чтобы набрать в легкие побольше кислорода и набраться сил

перед подъемом на скальную гряду. Если мы преодолеем Желтую Ленту, то до лагеря 4 останется всего несколько часов.

Зубья кошек дико заскрежетали, когда я вступил на скалу. Им не за что было цепляться, и я неловко скользил по поверхности. Стараясь зацепиться когтями за любую трещинку, я с трудом поднимался вверх.

Когда я оказался по ту сторону Желтой Ленты, передо мной открылся более пологий снежный траверс. В конце его начинались Женевские скалы – могучий скальный контрфорс, что вел к лагерю 4.

Мы неуклонно шли все выше, словно в гипнотическом трансе, почти автоматически отслеживая точность постановки ног на неровную и коварную почву. Я люблю это состояние.

Поднимаясь по Женевским скалам, я видел немного ниже себя Джеффри, а за ним – Грэхема, Алана, Нейла и Майкла. Я шел размеренным темпом и через час оказался как раз под небольшим карнизом. За гребнем меня ожидала зловещая Южная седловина.

Мне очень хотелось увидеть это место, о котором я столько слышал и читал. Самый высокогорный лагерь в мире, на высоте двадцать шесть тысяч футов – в глубине мертвой зоны Эвереста.

Я всегда внутренне вздрагивал, слыша это название. Обычно альпинисты склонны приуменьшать трудности, а здесь поступили совсем иначе, и это меня настораживало.

Отбросив эту мысль, я преодолел несколько последних футов и забрался на самый гребень. Стоя там, я оглянулся вокруг и мог бы поклясться, что передо мной расстилалась панорама почти половины земного шара.

Плотный слой облаков плыл подо мной, скрывая от взгляда нижнюю часть склона. А над облаками до самого горизонта простиралось огромное темно-синее небо.

Приток адреналина влил в меня силы, и я двинулся дальше. Я входил в другой мир.

Южная седловина – это обширное горное плато размером приблизительно с четыре футбольных поля, со следами пребывания всех прежних экспедиций.

Именно здесь в 1996 году, во время страшного урагана, мужчины и женщины отчаянно пытались найти свои палатки. И тела тех несчастных, кому это не удалось, до сих пор лежат здесь, под толстым слоем льда и снега. Тоскливо и грустно было думать, что родственники погибших никогда не смогут посетить их безымянные могилы.

Это плато, затерянное высоко в горах, доступное только самым сильным и мужественным восходителям, внушает

зловещий, сверхъестественный ужас. Вертолеты с огромным трудом приземляются даже в базовом лагере, не говоря уже о Южной седловине.

Никакие деньги не в состоянии заманить сюда человека. Он может оказаться на этой высоте только по своей воле. И это было как раз по мне.

Поднялся сильный порывистый ветер, он прорывался сквозь гребень и ожесточенно трепал порванные полотнища рухнувших палаток.

Возникло ощущение, что гора подбадривает меня, повелевает идти дальше.

Часть четвертая

Вера и страх
могут ВОЙТИ
в гавань твою,
Но только ВЕРЕ
ПОЗВОЛЬ
бросить якорь.

Глава 89

Последние четыре тысячи футов пика Эвереста – смертельно опасное место, где человек не в состоянии выжить. В условиях крайнего высокогорья организм буквально отказывается функционировать и погибает. Каждый час, проведенный здесь, жизнь будто дает нам взаймы.

В середине перевала стояли две палатки, одна – сингапурской экспедиции, вторая принадлежала нашему другу из Боливии Бернардо. Обе команды поднялись сюда за день до нас.

Сейчас палатки были пустыми.

Я пытался представить, с какими трудностями сталкиваются сейчас эти группы, которые ушли наверх. Весь Сингапур, затаив дыхание, ждал сообщения о результате их попытки покорить Эверест. Я надеялся, что они сумеют это совершить.

Мы с Бернардо договорились заранее, что он позволит мне воспользоваться его палаткой, пока он будет штурмовать вершину. Поэтому я кое-как забрался в пустующую палатку.

Из-за разреженного воздуха на этой высоте каждое движение дается человеку с огромным трудом, он ходит медленно и неуклюже, как космонавт в своем скафандре. Я из последних сил стащил с себя кислородный аппарат с маской и рюкзак и рухнул в угол.

От страшной головной боли я закрыл глаза, но только на секунду. В следующую секунду я услышал голос Бернардо и, когда он заглянул в палатку, едва заставил себя сесть.

Он приветливо улыбнулся мне. Лицо его было изможденным, под чуть раскосыми глазами набухли темные мешки от штурмовых очков, которые он носил уже много недель. И все же лицо его сияло. Мне не нужно было спрашивать, достиг ли он вершины, – глаза его сами об этом сказали.

– Беар, это потрясающе! Правда, просто необыкновенно! – восторженно воскликнул он.

Он влез в палатку, и я помог ему растопить на горелке снега, чтобы он напился воды. Прошло уже много времени с тех пор, как он сделал последний глоток жидкости. Но, несмотря на крайнюю усталость, он был очень оживлен. Для него все моральные и физические страдания были уже позади. Два альпиниста из Сингапура тоже вернулись с победой, которую будет торжественно праздновать все население их родной страны.

Через два часа на перевал добрались Нейл и Алан, обогнавшие Джеффри и Майкла. Просунув голову в палатку Бернардо, Нейл радостно пожал мне руку. Мы снова были вместе,

и это придавало мне сил.

Нужно было помочь Нейлу поставить палатку. Я вылез наружу и увидел медленно бредущих к нам Джеффри с Майклом. Они рассказали, что Грэхем, который по праву считается опытнейшим высотником, повернул назад на отметке около трехсот футов выше лагеря 3.

Он слишком ослаб после болезни, которую мы с ним оба перенесли, и считал, что если станет подниматься выше, то не выживет.

«Выходит, ему что-то известно о следующем этапе штурма, чего не знаю я?» Я отбросил эту мысль.

Погода портилась – нужно было скорее соорудить укрытие. Мы с Нейлом начали ставить палатку. Ветер вырвал у него угол полотнища и безжалостно трепал его, пока мы старались совладать с ним. Казалось бы, простое дело – поставить палатку, но у нас ушло на это около часа. В конце концов нам это удалось. Забравшись в палатку, мы стали ждать наступления ночи.

Глава 90

Мысль о том, что предстоящие семнадцать часов придется тащить на себе эти проклятые баллоны с кислородом, наполняла меня страхом.

Я чувствовал, как силы медленно, но неуклонно покидают меня, и не представлял, как взвалю эти баллоны на спину, не говоря уже о том, чтобы тащить их так далеко и высоко, по снегу, который доходил до пояса.

Чтобы успокоиться, я стал думать о том, что ждет меня после восхождения. Дом, семья, Шара. Но все это казалось невероятно далеким. Я никак не мог вызвать их в своем воображении. Это все из-за кислородного голодания. Оно отнимает у тебя все – память, чувства, силу.

Я постарался выкинуть из головы все негативные мысли и думать только о горе.

«Давай, Беар, покончи с этим, не дрейфь!»

Летаргическое состояние, которое овладевает тобой на этой высоте, трудно описать. Ничто тебя уже не волнует, не интересует, и тебе это безразлично. Хочется лишь одного – свернуться калачиком и чтобы тебя не трогали.

Вот почему смерть выглядит такой желанной – это единственный способ забыть о боли и холоде. В этом и заключается коварство огромной высоты.

Я с трудом приподнялся. Молния на нашей палатке была немного испорчена, наполовину стянутые полы палатки хлопали под ветром.

В щель между ними была видна вся пустынная седловина вплоть до подножия засыпанного глубоким снегом склона. Гора казалась неприветливой и грозной. Сильный ветер вздымал в воздух тучи снежного порошка и уносил их вдаль.

Я разглядел тропу, откуда упал Мик. Как ему повезло! «А может быть, Бог его спас?» Мысли путались в голове.

Я думал о тех восходителях, которые погибли, следуя за своей мечтой. «Стоила ли этого гора?» Ответа я не находил. Я только знал, что почти все они погибли выше Южной седловины.

7 часов вечера. Через полчаса мы приступим к трудоемкой процедуре – облачению в теплую одежду и снаряжению в путь. На это уйдет не меньше часа. В итоге мы станем похожи на личинки в толстых коконах.

Я дотянулся до верхнего кармана рюкзака и вытащил

завернутые в пластиковый пакет измятые страницы. Я нес их специально для этого момента.

«Утомляются юноши и ослабевают; и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут – и не устанут; пойдут – и не утомятся» (Ис., 40: 30, 31).

Я чувствовал, что Господь – единственная моя надежда и хранитель. Больше никто не в силах мне помочь.

Воистину я стоял перед лицом Создателя открытый и незащищенный. Ни притворства, ни обмана, ни запасного плана на случай беды.

В предстоящие сутки у каждого из нас шансы погибнуть будут составлять один к шести. Невольно ты постоянно возвращаешься мыслями к этому роковому счету. И осознаешь истинную ценность жизни и свое место в ней.

Настало время заглянуть смерти в глаза, смело встретить опасность и с помощью всемогущего Господа идти вверх.

И эти простые библейские строки будут звучать у меня в голове в течение следующей ночи и дня, пока мы будем подниматься все выше и выше.

Глава 91

Мы решили выйти из лагеря в 9 часов вечера. Обычно альпинисты отправляются на штурм вершины намного позже. Метеосводка обещала сильный ветер, который днем еще усилится. Мы хотели за ночь, до усиления ветра, забраться как можно выше.

Вскоре из своей палатки появились Джеффри, Алан и Майкл – они были похожи на астронавтов, готовых выйти в открытый космос. Палатка шерпов оставалась закрытой. Нейл разбудил их, но они сказали, что выйдут позже.

Было что-то мистическое в наших пяти фигурах, в темноте бредущих по седловине. Мы походили на измученных солдат, что из последних сил идут вперед, на битву. Когда мы дотащились до ледника, перед нами возник крутой подъем. Мы низко наклонялись к склону, налобные фонари бросали лучи света на снег под ногами. Мир сузился до размера светового пятна: оно показывало, за что цепляться зубьями кошек, куда вонзить ледоруб. Кроме этого светлого пятна, ничего не было видно.

Через некоторое время наша группа распалась на две части. Впереди шли Алан, Нейл и я, за нами следовали Джеффри и Майкл. Вскоре оба повернули назад.

Спустя два часа мы втроем вылезли на небольшой ледовый карниз и взглянули вниз.

– Тебе страшно? – тихо спросил меня Алан. За это время я впервые услышал чей-то голос.

– Да, – ответил я. – Но не так страшно, как было бы, если бы я мог видеть крутизну склона, – совершенно серьезно объяснил я.

Действительно, темнота скрывала эту страшную пропасть. Мы видели только глубокий снег и лед, ярко освещенные нашими фонарями.

В полночь мы подошли к месту, покрытому глубоким снежным порошком. Этого мы не ожидали. Долго барахтаясь в сухом подвижном снегу, не находя точку опоры, мы страшно устали.

На каждом шагу ноги скользили назад. Вместо одного шага приходилось делать целых три. Снег забился мне в маску и в рукавицы, очки запотели. Я молча чертыхался.

«Где же балкон? Он должен скоро появиться».

Но выше виднелся только лед и скалы, исчезающие в темноте. Я начинал выдыхаться.

К часу ночи мы перевалили через очередной карниз и без сил

распластались на снегу. Я ликовал – мы уже на балконе, на высоте двадцати семи с половиной тысяч футов над уровнем моря.

Думая сэкономить кислород, я снял маску, и разреженный воздух ожег мне легкие будто ледяным огнем. Я снова лег в снег и закрыл глаза.

Мы должны были ждать шерпов – они несли запасные баллоны с газом взамен наших полупустых. Новых баллонов должно хватить до вершины и на обратный путь до балкона, то есть часов на десять. Здесь, на этой высоте, время исчисляется запасом кислорода, а его наличие означает возможность выжить.

Температура была минус сорок градусов по Фаренгейту.

В 2 часа ночи шерпы еще не появились, и мы с Нейлом начали по-настоящему замерзать. При скудном потреблении кислорода мороз одолевает тебя быстро и незаметно.

Внезапно все небо ярко осветилось. Из тьмы выступили горы и снова пропали в темноте. Через несколько секунд над долинами загрохотал гром. «Здесь же не бывает гроз», – подумал я. Еще через пару секунд небо снова вспыхнуло. Издали надвигалась электрическая буря. Если буря доберется до нас, это будет конец. Она принесет с собой убийственный шквальный ветер с массой снега.

Где-то под нами Джеффри и Майкл тоже вели свою битву. А в мертвой зоне Эвереста человеку редко удается выйти победителем.

Глава 92

У Джеффри возникли проблемы с кислородным аппаратом.

Кислород не подавался должным образом, и Джеффри стал задыхаться. Он попытался идти дальше, но скоро вынужден был признать, что это бесполезно, и повернул назад. Его попытка штурма провалилась.

Майкл тоже решил возвращаться, так как сильно ослабел. Приближающийся ураган стал решающим доводом. Он занимался альпинизмом уже много лет, поэтому знал пределы своим силам и незыблемое правило поведения в условиях высокогорья: «Если сомневаешься, то тебе, несомненно, пора возвращаться вниз».

Они стали медленно спускаться к Южной седловине, а мы продолжали ждать шерпов.

В 3 часа ночи, когда мы уже не могли сдерживать дрожь и дальше переносить состояние неподвижности, наконец заметили внизу свет от фонарей шерпов. Через некоторое время они добрались до нас, и мы стали менять баллоны, что нам удавалось с большим трудом, – пальцы у нас совсем окоченели. За время пребывания в базовом лагере мы без конца отрабатывали этот процесс, так что выполняли его за несколько секунд. Но здесь, в темноте и при сильном морозе, это было невероятно трудно.

Я никак не мог отрегулировать подачу кислорода на баллоне. Возиться на морозе, да еще в темноте с маленькими заиндевевшими винтами, – это еще та работа. Мне пришлось снять верхние рукавицы, чтобы ухватиться за регулятор.

Меня неудержимо трясло от холода, и в результате я криво завинтил винт регулятора. Он сразу застрял и не проворачивался дальше. Я громко выругался.

Нейл и Алан уже были готовы. Алан направился к гребню, а Нейл встал рядом со мной на колени и ждал меня.

Я неуклюже возился с регулятором. «Ну, давай, идиот!»

Я чувствовал, что ситуация ускользает из-под моего контроля. Мы зашли слишком высоко, чтобы потерпеть неудачу, – слишком далеко.

– Беар, черт возьми, давай скорее! – сквозь маску пробормотал Нейл.

Я понимал, что задерживаю его, но регулятор застрял, и мне ничего не оставалось, как постараться вывинтить его.

У Нейла уже пропадала чувствительность в ногах, с каждой минутой он замерзал все больше. Но неожиданно мне удалось вывернуть винт. Я осторожно выровнял его, и на этот раз он завинтился правильно.

Мы двинулись в путь, как вдруг один шерп остановился. Он показал на небо, покачал головой, потом повернулся и направился вниз. Что ж, на высоте каждый решает за себя. И твоя жизнь зависит от того, верное ли решение ты принял.

Ураган шел к востоку и ниже нас – пока еще не к нам. Мы с Нейлом переглянулись и пошли дальше к гребню. Было огромным облегчением снова двигаться, и вскоре я ощутил прилив сил, чего не испытывал уже довольно давно.

Наверное, в глубине души я чувствовал, что настал мой час. Настала моя очередь прокладывать в снегу тропу, и я обошел Нейла. Ходьба согревала меня. Нейл шел, низко опустив голову, вся его фигура говорила о крайней усталости, но я знал, что он не остановится.

После часа восхождения по гребню мы снова столкнулись с сыпучим снежным порошком. С каждым затрудненным вздохом и шагом силы покидали меня, а только недавно я так обрадовался их приливу!

Выше меня барахтался в снегу Алан. Казалось, он топчется на одном месте. Склон уходил круто вверх и, насколько я мог видеть, весь был покрыт этим проклятым сыпучим снегом.

Я едва обращал внимание на вид, который открывался сверху, – подо мной простирались все Гималаи, омытые предрассветным сиянием.

Я думал только о том, что делали руки и ноги, – собрав все силы, я вытаскивал увязнувшую по бедро ногу из снежного порошка и выбрасывал ее вперед, чтобы сделать еще шаг.

«Не останавливайся, иди вперед. Давай, давай. Еще шаг… Еще». Но, казалось, Южная вершина, Лхоцзе, не становится ближе. Силы мои слабели с каждой секундой.

Это было все равно что взбираться на гору по пояс в патоке, таща на себе человека, который еще запихивает тебе в рот ледяные носки. Великолепно!

Каждый раз, когда я заставлял себя остановиться, я слабел. Силы мои были на исходе и стремительно убывали. Организм отчаянно нуждался в кислороде, но получал скудный паек – всего два литра в минуту. Этого было недостаточно, а запас кислорода в баллоне таял с каждой секундой.

Глава 93

Почему финишная ленточка всегда становится видна в тот момент, когда ты уже почти готов отказаться от борьбы? Может, это задумано для того, чтобы награду получил тот, кто отдаст больше всего?

Этого не знаю, зато знаю, из наблюдений за природой, что вслед за самым темным часом ночи наступает рассвет. И вот с первыми лучами солнца стала различима Южная вершина – все еще очень высоко надо мной. Но я в первый раз ощутил близость финиша.

Во мне забила энергия: свежая, несомненная и бьющая через край. Мой старый и верный товарищ – яростная, непреклонная решимость, которую я испытывал всего несколько раз в жизни, в основном в самые тяжелые и критические моменты отбора в САС, – стремительно возвращалась ко мне с каждым шагом, который мне удавалось сделать в глубоком снегу.

Я одолею и этот проклятый снег, и вершину! Мой старый товарищ преодолевал всю боль, холод и страх – и не сдавался.

За несколько сот футов до Южной вершины мы обнаружили веревки, протянутые когда-то командой, которая совершила первую попытку покорить вершину. Как только я пристегнулся, у меня возникло странное ощущение, будто эти безвестные восходители поддерживают меня.

Южная вершина примерно на четыреста футов ниже Эвереста, тем не менее это очень важная веха на пути к его вершине. Если я смогу на нее подняться, то в первый раз окажусь вблизи крыши мира.

Вскоре Нейл опять замыкал нашу маленькую группу. Алан уже забрался на гребень и остановился, чтобы перевести дух, согнувшись пополам от сильного ветра.

Впереди высился последний зловещий гребень, который тянулся до ступени Хилари – голой ледяной стены, последним стражем на пути к Эвересту.

Сэр Эдмунд Хилари, первый покоритель Эвереста, однажды сказал, что горы придают ему сил. Сказать по правде, до сих пор я этого не понимал. Но действительно, в горах ощущаешь необыкновенное возбуждение и прилив энергии.

Внутренний голос уверял меня, что я смогу взойти на Эверест.

Последний гребень имеет протяженность всего четыреста футов, но по нему идет самая опасная в мире узкая горная тропа.

По обе стороны от нее круто обрываются вниз громадные склоны, которые с востока подпираются Тибетом, а с запада – Непалом.

Еле волоча ноги по узкому гребню, мы медленно приближались к ступени Хилари. На пути к вершине она оставалась единственным препятствием.

Я с трудом шел вдоль веревки, которую немилосердно трепал ветер, грозя вырвать ее из рук. Через некоторое время я остановился отдохнуть, опираясь на ледоруб и прислонясь и небольшим сугробам снега справа, чтобы не потерять равновесие. Вдруг ледоруб ушел вглубь, и часть сугроба просела подо мной. Едва устояв на ногах, я поспешил отойти в сторону от провала.

Выяснилось, что в этом месте тропы между скальными обломками задержалось немного воды, превратившейся в лед, сверху заметенный снегом. Под тяжестью моего тела и ноши лед проломился, и тяжелый, слежавшийся снег сполз в щель между валунами, оказавшуюся сквозной. Сквозь нее далеко внизу видно было Тибетское нагорье.

Мы продолжали идти, шаг за шагом, с частыми передышками. Медленно, неуклонно. Все ближе к цели. Все дальше вверх.

Глава 94

У самого подножия Южной вершины я различил под снегом очертания тела Роба Холла. Он погиб здесь около двух лет назад.

Наполовину занесенное снегом, тело его ничуть не изменилось из-за низких температур. Это суровое напоминание о том, что на этой горе могут выжить лишь те, кому она это позволила.

Но она может и отвернуться от тебя. И чем глубже ты проникаешь в ее владения, тем большая опасность тебе грозит. Мы уже и так осмелились зайти слишком высоко, и я понимал всю рискованность нашей авантюры.

Последнее, что сказал по рации Роб своей жене, была просьба: «Пожалуйста, постарайся не слишком волноваться».

Поразительно, с каким мужеством восходитель сознавал неизбежность своей смерти! Я тщетно старался выкинуть мучительные мысли о нем из мозга, и без того страдающего от недостатка кислорода.

«Продолжай идти, Беар. Взойди на вершину, а потом спустись вниз».

В конце гребня мы оперлись на ледорубы и посмотрели вверх.

Над нами была легендарная ступень Хилари, сорокафутовая ледяная стена, представляющая собой самое грозное препятствие на пути к вершине.

Укрываясь от ветра, я пытался найти тропу, чтобы забраться на нее. Этот ледяной склон должен был стать нашим последним и самым тяжелым испытанием. Результат покажет, присоединимся ли мы к тем, кто уже ступил на священную вершину.

Если повезет, то я стану всего тридцать первым британским альпинистом, который это сделал. Я осторожно стал подниматься. Да, падать далековато!

Сначала цепляюсь зубьями кошки. Затем врубаю в лед ледоруб. Проверяю, как они держатся. Затем совершаю шаг. Пусть медленное, но все-таки продвижение. И я продолжал осторожно и размеренно подниматься, продумывая каждый свой шаг.

Сколько раз я уже взбирался наверх по таким крутым склонам, но впервые совершал подъем на высоте в двадцать девять тысяч футов. Я вел напряженную и упорную борьбу с этой высотой, разреженным воздухом и ветром скоростью сто тридцать футов в час.

Я остановился и постарался закрепиться на стене. А затем совершил прежнюю ошибку – посмотрел вниз. По обе стороны

узкого гребня гора обрывалась вниз, в бездну. «Идиот, Беар!»

Я отвел взгляд и заставил себя смотреть только на лежащую передо мной ледяную стену. «Вверх! Продолжай лезть вверх!» И я продолжал карабкаться. Я мечтал об этом всю жизнь, и уже ничто не могло меня остановить.

Глава 95

Вдох. Остановка. Шаг. Остановка. Вдох. Остановка. Шаг. Остановка.

Это казалось бесконечным.

Я переваливаю через последний карниз и с трудом удаляюсь от края. Разгребаю снежный порошок, выравнивая для себя маленькую площадку. Ложусь и часто, глубоко дышу. Затем очищаю маску ото льда, наросшего от дыхания. Не вставая на ноги, отстегиваю карабин от веревки. Теперь она свободна, за нее может держаться Нейл.

Я встаю и, пошатываясь, начинаю лезть дальше. Я уже вижу вдалеке скопление флагов, торчащих из-под снега и мягко колышущихся под ветром. Эти флаги отмечают вершину – мою заветную цель.

Внезапно в глубине моего существа начинает бить фонтан бешеной энергии. Это результат адреналина, бушующего в крови. Никогда еще я не чувствовал себя таким сильным – и одновременно таким слабым.

Меня попеременно окатывают волны адреналина и дикой усталости, в то время как я отчаянными усилиями воли противостою напряжению этих последних мгновений.

В том, что самый последний участок этого труднейшего восхождения оказывается таким пологим, мне чудится какая-то насмешка. Тропа идет по верху гребня, изогнутого в виде большой дуги и ведущего к вершине.

Слава Богу!

Похоже, что гора приглашает меня, призывает в первый раз подняться на крышу мира. Я пытаюсь считать шаги, но сбиваюсь со счета.

Я дышу часто и судорожно, как загнанный олень, жадно втягивая кислород, поступающий в маску. Однако, сколько бы этих слабых шагов на ватных ногах я ни делал, вершина по-прежнему кажется далекой.

Но это не так. Медленно, но верно она делается все ближе и ближе. Чувствую, как на глаза навертываются слезы. Я плачу в маске. Я так долго сдерживал эмоции, что уже не в силах обуздать их. Из последних сил, еле держась на ногах, я ступаю на вершину Эвереста.

Глава 96

До конца я никогда не верил в то, что смогу это совершить.

Еще в больнице, когда я лежал с поврежденным позвоночником, внутренний голос робко шептал мне, что мысль о восхождении на Эверест – чистое безумие.

Но он не всегда был таким робким и неуверенным.

Думаю, просто слишком часто люди подсмеивались надо мной, говорили, что считают эту мысль просто глупой, с пренебрежением называли ее пустой мечтой. И чем чаще я все это слышал, тем упорнее мечтал о восхождении.

Но все-таки что-то из их слов застревало в сознании. Так часто происходит – мы работаем, встречаемся с друзьями, занимаемся разными делами, и эта хлопотливая, суматошная жизнь на какое-то время заглушает наши сомнения.

Но что происходит, когда вся эта суета утихает? Лично меня сомнения никогда не оставляют, хотя иной раз мне кажется, что они давно утихли.

И думаю, в глубине души я сомневался в себе больше, чем готов был признаться даже себе самому. До этого момента.

Дело в том, что еще с больницы я мечтал стать крепким и выносливым, и физически, и нравственно. Да что там, с больницы! Я стремился к этому еще в начальной школе, когда мне было восемь лет.

И вот здесь, на высоте в двадцать девять тысяч тридцать футов, когда я с огромным трудом преодолел эти последние футы, я ощутил, что стал по-прежнему сильным и выносливым.

Тяжелая физическая работа укрепила меня нравственно, и, наоборот, высокий моральный дух помогал мне, поддерживал, придавал силы.

Наконец-то, в 7:22 утра 26 мая 1998 года, когда слезы еще не высохли на моем замерзшем лице, вершина Эвереста раскрыла мне свои объятия.

Как будто она сочла меня достойным этой высокой чести. Сердце мое билось учащенно, и в каком-то тумане я вдруг осознал, что действительно стою на крыше мира! Алан обнял меня, что-то неразборчиво крича в своей маске. Нейл все еще поднимался к нам. Когда он подошел, ветер уже утих.

Над скрытым до сих пор Тибетом вставало солнце и окрашивало горы своим нежно-алым светом. Нейл встал на колени и перекрестился. Затем мы сняли маски и обнялись, как братья.

Я встал на ноги и огляделся. Передо мной расстилалось полмира. Линия горизонта по краям клонилась книзу, отражая изгиб земного шара. Да, благодаря техническим достижениям человек может оказаться на Луне, но никакая техника не доставит его на эту вершину.

Воистину это место излучало нечто волшебное, магическое.

Внезапно слева от меня затрещала рация – это Нейл включил ее и взволнованно говорил:

– Базовый лагерь! Мы парим над миром!

На том конце связи раздались ликующие крики. Нейл передал рацию мне. В течение многих недель я сочинял, что скажу, когда доберусь до вершины, но сейчас все вылетело из головы.

Я напряг голос и, не раздумывая, сказал:

– Я хочу оказаться дома.

Я начинаю забывать о том, что происходило дальше. Как обещали, мы сделали несколько снимков с развевающимися на вершине флагами САС и ДЛЭ («Дэвис Лэнгдон энд Эверест»), и я набрал в захваченную с собой банку из-под витаминов немного снега с вершины[12].

Это было все, что я взял у вершины.

Помню, у меня состоялся по рации – с помощью спутниковой связи – какой-то сумбурный разговор с моими родственниками, находившимися от меня на расстоянии трех тысяч миль, – они так много сделали, чтобы я мог совершить это восхождение.

Но время летело быстро, и, как все волшебные моменты, они не могли длиться вечно. Часы показывали 7:48, пора было спускаться вниз.

Нейл проверил у меня наличие кислорода.

– Беар, немедленно отправляйся вниз. Давай, дружище, скорее.

В баллоне оставалось не больше пятой части объема газа, как раз, чтобы добраться до балкона.

Я взвалил на себя рюкзак и аппарат, надел маску и повернул обратно. Все – вершина была уже позади. Я знал, что больше никогда ее не увижу.

Буквально через несколько минут спуска меня охватила страшная усталость. Трудно выразить, какого напряжения требует спуск с горы.

По статистике, преобладающее большинство несчастных случаев происходят именно на обратном пути. Это потому, что цель уже достигнута, и человек думает только о том, чтобы побыстрее добраться до базового лагеря, где он наконец-то сможет отдохнуть.

Когда ты теряешь контроль над собой, легко споткнуться и упасть в пропасть.

«Не расслабляйся, Беар. Продержись еще немного. Если будешь сосредоточен, то на балконе возьмешь из тайника новый баллон».

А потом у меня вышел весь кислород. Я начал спотыкаться, то и дело падал на колени, снова вставал и опять падал. Все вокруг кружилось.

«Я дойду, дойду, дойду!» – снова и снова внушал я себе.

Эта привычка сохранилась у меня с тех пор, как я смертельно уставал на отборе в САС. Я машинально бормотал эти слова, не вникая в смысл. Они выходили откуда-то из глубины моего существа.

Наконец, слишком измученный, чтобы чувствовать облегчение, я добрался до балкона и упал в снег около тайника с запасными баллонами. Сменив баллон, я с упоением дышал кислородом. Я пил его жадными, большими глотками. Постепенно ко мне вернулись тепло и ясность сознания.

Теперь я понимал, что мы сможем благополучно спуститься. Если не останавливаться, то скоро мы будем на Южной седловине.

Появившиеся вдали палатки вырастали на глазах по мере того, как мы медленно и осторожно пробирались к ним по льду.

Глава 97

Когда мы оказались на Южной седловине, странно было не чувствовать под ногами лед или снег. Зубья кошек со скрежетом скользили по камню. Я опирался на ледоруб, помогая себе пройти несколько последних ярдов.

Уже восемнадцать часов мы ничего не ели и не пили. В голове чувствовалась странная пустота и отрешенность. Тело изнемогало и жаждало отдыха.

У нашей крошечной палатки я снова обнял Нейла, а потом просто свалился.

– Беар, давай, дружище. Залезай в палатку. Беар, ты слышишь? – вывел меня из забытья голос Майкла. Он ждал нас на седловине, надеясь на наш успех.

Я вполз в палатку. В голове стучало. От страшной жажды все пересохло внутри. Целые сутки я не мог помочиться.

Нейл и Алан медленно снимали снаряжение, не в силах разговаривать. Майкл дал мне теплой воды, нагрев ее на горелке. Я был счастлив видеть его и Джеффри целыми и невредимыми.

Только к вечеру мы разговорились. Я ведь толком так и не знал, почему Майкл и Джеффри решили вернуться в лагерь. И вот мы слушали их рассказ. О том, как усилился ураган, как они ослабели, пока тащились по глубокому снегу в разреженном воздухе. Их решение вернуться было основано на трезвой оценке трудностей восхождения и своих сил.

Только поэтому они и остались живыми.

Правда, наша тройка продолжала подниматься, хотя в нашем решении и была доля безрассудства. Но нам повезло, да и ураган так и не подошел.

Дерзкие победили – на этот раз. Но так бывает не всегда. Знать, когда можно рискнуть, а когда следует проявить осторожность, – это великое искусство восходителей. Я это знал.

Позднее, когда мы готовились провести последнюю ночь в Мертвой зоне, Майкл сказал мне то, чего я никогда не забуду. Это был совет альпиниста с двадцатилетним стажем восхождения на крутые Канадские скалы.

– Беар, ты хоть понимаешь, как вы рисковали там, наверху? На мой взгляд, вы поступили скорее безрассудно, чем разумно. – Он с улыбкой посмотрел на меня. – Мой тебе совет: научись себя обуздывать, и ты далеко пойдешь. На этот раз ты выжил – так воспользуйся своим везением.

Я навсегда запомнил его совет.

На следующий день спуск с Южной седловины. Лхоцзе, казалось, занял у нас столько же времени, сколько подъем на нее.

Но в конце концов через шесть часов мучений мы с Нейлом проковыляли последние несколько ярдов, отделяющие нас от лагеря 2, разбитого на ледопаде.

Я спал целых двенадцать часов и проснулся только перед самым рассветом от возни Нейла.

– Беар, вставай, слышишь? Остался последний переход. Я не могу спать, когда конец уже близок, – сказал Нейл, окутанный облачками пара от дыхания.

Я с трудом разлепил веки. Мы даже не стали есть перед уходом, надеясь на омлет из свежих яиц, которые нам пообещали по рации с базового лагеря, а начали поспешно собираться.

Но я едва справлялся с рюкзаком и кошками и нервничал, сознавая, что заставляю себя ждать. Видно, силы у меня были на исходе. Сейчас, когда я тащил с горы все свое снаряжение, казалось, рюкзак весит целую тонну. Мы медленно, с остановками пошли вниз по леднику.

Через час нас неожиданно остановил жуткий грохот, треск и скрежет, сотрясавшие горы. Присев на корточки, мы посмотрели вверх. Всего в пятистах ярдах перед нами, прямо на тропу, по которой мы шли, обрушилась часть склона горы Нупцзе – тысячи тонн горной породы. Обломки скал с оглушительным грохотом неслись вниз по ледопаду, застилая все вокруг, подобно исполинской туче. Мы застыли от ужаса, глядя на чудовищно грохочущую лавину льда, снега, земли и камня.

Выйди мы всего на несколько минут раньше, и она бесследно поглотила бы нас. Иной раз промедление может обернуться и благом!

Мы дождались окончания обвала и стали осторожно пробираться по беспорядочному нагромождению обломков скал и льда.

Странно, но именно теперь меня охватил ужасный страх. Как будто чудесное избавление от гибели под лавиной привело меня в чувство и заставило осознать огромный риск, которому мы подвергались.

Скорее всего, уже ближе к концу нашего великого приключения я стал понимать, что мы совершили почти невозможное. Мы перехитрили смерть – на данный момент. Но пока еще мы были в горах, нам предстоял последний переход по ледопаду.

По мере того как мы преодолевали одну за другой расселины в леднике, Эверест словно удалялся от нас. Уже больше десяти дней я не спускался ниже лагеря 2 и понимал, что оставляю

позади нечто необыкновенное и грандиозное.

Мы двигались в полном молчании, погруженные в свои мысли.

Через два часа мы присели отдохнуть на карнизе ледопада. Казалось, низвергающийся вниз каскад замерзшей воды в последний раз призывал нас. Нам ничего не оставалось, как подчиниться его зову.

Сейчас ледопад был покрыт свежевыпавшим глубоким снежным порошком и выглядел очень красиво. Пока мы взбирались на вершину, здесь почти непрерывно шел снег, неузнаваемо преобразив дорогу. Мощный слой льда медленно стекал вниз.

Новая тропа вилась через гигантские ледяные глыбы и привела нас под громадный снежный надув, который раздавил бы нас, как мышек, если бы вдруг вздумал обвалиться.

После того как мы преодолели столько коварных ловушек, я слегка успокоился. Каждый шаг приближал нас к дому. Внизу уже показался лагерь, и от волнения у меня перехватывало дыхание. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как мы его покинули.

Мы поспешно пробирались сквозь беспорядочное нагромождение ледяных глыб у подножия ледопада, нетерпеливо поглядывая на омытые солнечным светом палатки.

В 12:05 мы в последний раз отстегнули от веревки свои карабины. Я обернулся и, не веря своим глазам, посмотрел на гигантскую толщу сияющего под солнцем льда. Я мысленно поблагодарил гору за то, что она позволила нам пройти. Тревога и волнение схлынули, и я снова разрыдался.

Я все думал о папе. Как же мне хотелось, чтобы он был здесь, рядом со мной!

На самом деле он был рядом, как и всегда.

Глава 98

Солнечные лучи согревали лицо. Наконец-то мы были в безопасности.

Кто-то принес большую бутылку шампанского, которую заботливо приберегли для этого торжественного момента. Вчетвером мы минут десять расковыривали пробку с помощью ледорубов.

И началась праздничная вечеринка.

Мне казалось, что я выпью целый галлон этой чудесной искристой жидкости, но моему организму это оказалось не по силам. Я мог лишь отпивать шампанское маленькими глотками, только тогда не чихал, но все равно скоро почувствовал себя совершенно опьяневшим.

Я прислонился к каменной стене общей палатки и с блаженной улыбкой прикрыл глаза. Вернувшись потом в свою палатку, я натянул свежие носки и термобелье, которые хранил специально для этого дня.

Первое переодевание за три месяца. Какое наслаждение! Снятые кальсоны и трусы я убрал в пакет на молнии и напомнил себе дома открыть его без посторонних.

Оказалось, у Нейла обморожены ступни. Это результат длительного пребывания на огромной высоте и того долгого ожидания шерпов на балконе. Мы перевязали их, чтобы они все время были в тепле, и старались не говорить о возможной ампутации пальцев на ногах.

Впрочем, он и сам понимал, что вряд ли когда-нибудь к ним вернется чувствительность.

В любом случае мы считали, что ему нужно как можно скорее обратиться к врачу.

Ходить с забинтованными ступнями он не мог, так что требовался вертолет. А посадить его в разреженной атмосфере Эвереста не так просто.

Страховая компания сообщила, что утром следующего дня попробует эвакуировать Нейла, если позволит погода. Но вообще высота в семнадцать тысяч четыреста пятьдесят футов являлась верхним пределом для полетов вертолетов.

На следующее утро мы действительно услышали гул двигателей вертолетов, гораздо ниже базового лагеря. На фоне горы он казался крошечным.

«Пройдет какой-то час, и Нейла увезут отсюда назад, в цивилизацию. Гмм».

Боже мой, какое это счастье! Мне нужно было любым

способом попасть на вертолет вместе с ним.

Я мгновенно собрал вещи, накопившиеся у меня за прошедшие три месяца. Потом налепил на рукав белый крест и побежал к тому месту, где сидел наготове Нейл. Один шанс.

«Какого черта!»

Нейл улыбнулся мне и покачал головой.

– Господи, Беар, ты уже успел собраться? – закричал он, чтобы я расслышал его из-за шума вертолета.

– Тебе нужен приличный медик во время полета, – улыбаясь, сказал я. – А я как раз тот, кто тебе нужен.

(Отчасти так оно и было – я ведь медик и его товарищ, и ему действительно нужна была помощь. На самом деле я просто пытался перехитрить страховую компанию.)

Пилот крикнул, что два человека будет слишком тяжело.

– Я должен постоянно его сопровождать! – прокричал я в ответ и тихо добавил: – У него в любой момент может отвалиться ступня.

Пилот посмотрел на меня, потом перевел взгляд на белый крест у меня на рукаве и согласился высадить Нейла где-нибудь пониже, а потом вернуться за мной.

– Отлично. Отправляйтесь, я подожду здесь. – Я крепко пожал Нейлу руку.

«Господи, пусть это будет сделано поскорее, пока никто не догадался», – твердил я себе.

Пилот поднял машину в воздух, и вскоре она исчезла из поля зрения.

Мик и Генри расхохотались.

– Если тебе удастся это провернуть, Беар, я готов съесть свои носки. Я вижу, ты любитель проворачивать такие фокусы, верно? – сказал Мик.

– Да, задумано хорошо, только, можешь мне поверить, больше ты этого вертолета не увидишь, – добавил Генри.

К чести пилота, он проиграл. Вертолет вернулся, я забрался на борт, и с натужным ревом двигателей в разреженном воздухе мы медленно поднялись в воздух.

Пока мы преодолевали земное притяжение, на приборной доске все время горел огонек, предупреждающий о приближении к режиму сваливания, но затем вертолет нырнул носом, выровнялся, и вскоре мы летели над скалами, вдоль ледника.

Я улетел, а Мик, видимо, давился своими носками.

Когда мы снижались, я заметил далеко под нами одинокую фигуру, сидящую на камне посреди громадного поля, усеянного валунами. Обмотанные белыми бинтами ноги Нейла выделялись среди серых валунов ярко, будто бакены.

Я радостно улыбнулся.

Мы забрали Нейла и через минуту уже летели над долинами Гималаев, как птицы, вырвавшиеся на волю.

Великая гора скрылась в туманной дымке. Я опустил голову на плечо Нейла и закрыл глаза.

Прощай, Эверест!

Глава 99

Оказавшись снова в Катманду, мы с Нейлом позволили себе полностью расслабиться. Что ж, потрудились мы неплохо, настал черед как следует отдохнуть и окончательно сбросить с себя напряжение.

Помню, на следующий день, еще полностью не пришедший в себя от выпитого накануне, я, пошатываясь, прошел по шаткому балкону нашей маленькой гостиницы на задворках Катманду и спустился в коридор.

Там я наткнулся на русских альпинистов, которые поднимались на Эверест по северному склону. Они сидели на полу и тихо разговаривали. Когда я проходил мимо, они взглянули вверх, и меня поразили их опустошенные, подавленные лица.

И вдруг я увидел, что они плачут. Эти могучие, бородатые русские парни плакали, как дети.

Двое членов их экспедиции, Сергей и Фрэнсис Арсентьевы поженились совсем недавно. Оба обожали горы и мечтали совершить восхождение на Эверест. Но случилась страшная беда.

Во время спуска с вершины у Фрэнсис внезапно подкосились ноги, и она упала в снег. Неизвестно, отчего именно: от отека мозга, переохлаждения или от крайнего истощения, которое часто настигает человека на Эвересте. У нее не было ни сил, ни желания идти дальше. Она умерла, не сходя с места.

Сергей, ее муж, пошел вниз, за помощью. Но вскоре сильнейшее головокружение, слабость и отчаяние доконали и его.

Русские спросили меня, не видели ли мы погибших… или хоть что-нибудь.

Они спрашивали неуверенно, на всякий случай, понимая, что вряд ли мы могли наткнуться на погибших, и в глазах у них не было надежды, а только беспросветное горе. Я весь похолодел, узнав о гибели на горе Сергея и его жены, тогда как мы каким-то чудом выжили.

До чего же тонкой бывает грань между жизнью и смертью!

Лежа днем в постели, я пытался понять, почему мы уцелели, а другие – нет. Ведь за прошедшие недели погибли не только Сергей и Фрэнсис Арсентьевы.

От сердечного приступа скончался Роджер Бьюик, альпинист из Новой Зеландии. Британцу Марку Дженнигсу удалось достигнуть вершины, но он погиб во время спуска.

И все они были опытными, закаленными восходителями. Какая бессмысленная, неоправданная утрата!

Я не находил ответа на свои вопросы. Но русским было не до поиска объяснения этой трагедии – они тяжело переживали смерть своих товарищей.

Человеку свойственна жажда приключений, а настоящее приключение немыслимо без риска. Всем известно, что на склонах Эвереста человека подстерегает множество коварных ловушек и опасностей, но, только когда ты на деле сталкиваешься с ними лицом к лицу, ты понимаешь, что восхождение – это не интересное «приключение», а тяжелейшее испытание.

Гибель всех этих людей до сих пор ставит меня в тупик.

И все-таки я придерживаюсь мнения, что погибшие за эти месяцы на Эвересте отважные альпинисты, и женщины, и мужчины, – это настоящие герои. Следуя своей мечте, они принесли в жертву самое дорогое, что есть у человека, – свою жизнь.

Должно быть, эта мысль – единственное утешение для их близких.

Всегда интересно вспомнить события или ситуацию, оказавшие на тебя сильное воздействие. И если говорить об Эвересте, я ясно вижу два решающих момента: дружбу, окрепшую и закаленную в самых трудных испытаниях, и веру, которая неизменно меня поддерживала.

Мне удалось выжить и подняться на эту гору благодаря физической и моральной поддержке тех, кто был со мной рядом. Это не подлежит никаким сомнениям. Без Мика и Нейла я был бы никем.

Раскачиваясь на веревке в расселине на леднике, я понял, как мы нуждаемся друг в друге. И это естественно. Мы не созданы для жизни в одиночестве; человек – существо социальное, у него сильная потребность в общении и связях с другими людьми.

Часто говорят, что мы всего должны добиваться самостоятельно. Но это означало бы одиночество.

По-настоящему я осмыслил все, что происходило на горе – восхождения, спуски, катастрофы, гибель людей, смятение и ужас, – только когда стал размышлять о нашей дружбе, близости, спайке, взаимопомощи. Такие вещи нельзя, невозможно делать в одиночку.

Оглядываясь назад, я считаю, что самое главное для меня – чтобы рядом был друг. Как в тот раз, когда мы с Нейлом поднялись на Южную вершину и держались за руки, поддерживая друг друга.

Только крепкая дружба помогала нам преодолевать страх, крайнюю усталость, жестокий холод и придавала сил, чтобы идти дальше.

Ты вовсе не обязан постоянно быть сильным, – вот что я еще понял. Ведь тебе нужна поддержка именно в моменты упадка физических или нравственных сил, и, когда на помощь приходит друг, вот тут и образуются между вами тесные узы, делая сильнее вас обоих.

Вот почему я до сих пор совершаю восхождения и предпринимаю различные экспедиции. Искреннюю дружбу разрушить невозможно.

Вот чему по-настоящему научил меня Эверест.

Глава 100

Мне потребовалось значительное время, чтобы физически восстановиться после Эвереста.

Богатый кислородом воздух на уровне моря по сравнению с чрезвычайно разреженным воздухом Эвереста опьянял меня, порой даже слишком.

У меня несколько раз случались обмороки, шла кровь из носа, будто от излишка кислорода. Зато я спал крепко и спокойно, как ребенок.

В первый раз за многие годы меня не мучили ни страхи, ни сомнения, ни мучительные предчувствия. Это было восхитительно. Эверест забрал все мое сердце, душу, энергию и желания, и я чувствовал себя опустошенным, как после отбора в САС.

Интересно, что хорошее редко дается легко. Может, поэтому мы его так ценим.

Я не чувствовал вины за то, что не спешил насладиться английским летом и встретиться с друзьями. Таким блаженством было жить спокойно, не подвергаясь лишениям и опасности.

За эти дни я впервые дал интервью, которое было опубликовано в газетах под заголовком «Что заставляет 23-летнего Скруффи рисковать всем ради вида на Тибет?».

Я отвечал на вопросы журналиста непродуманно и неловко, не сумел внятно рассказать о том, что побуждает меня так любить горы. Этот журналист все поздравлял меня с «покорением» Эвереста. Но в глубине души я чувствовал, что слово выбрано неверно. Никакие горы мы не покоряем. Эверест сам позволил нам добраться до вершины и отпустил нас с миром.

Но не всем так повезло. Эверест никогда не был и не будет покорен. В этом и состоит особенность этой вершины.

Потом мы вернулись в Англию. Как же хорошо было очутиться дома!

По возвращении домой меня часто спрашивали:

– Вы нашли Бога на вершине?

Правдивый ответ таков: для того чтобы обрести веру, вовсе не нужно подниматься на высочайшую гору.

Слава Богу, все гораздо проще.

Если вы спросите меня, помогал ли мне на горе Бог, я скажу: да, конечно.

На каждом шагу.

Моя история о восхождении на Эверест будет неполной, если

я не воздам благодарности шерпам, которые вместе с нами каждый день рисковали своей жизнью.

Пасанг и Анг-Серинг по-прежнему вместе, как верные друзья, поднимаются в горы под руководством их сирдара Ками. Блестящий знаток ледопада Кхумбу Нима продолжает свою отважную работу в лабиринте из ледовых глыб у подножия вершины: он устанавливает и постоянно чинит тропу для альпинистов.

Бабу Чири, который самоотверженно пришел на помощь Мику, когда у Южной вершины у того закончился кислород, через несколько лет трагически погиб в расселине во льду в Долине Молчания. Этот шерп обладал огромным опытом восхождения на Эверест и был поистине одним из величайших альпинистов. Его смерть стала большой утратой для альпинистского братства.

Но если ты постоянно рискуешь, то однажды смерть подстережет тебя. Такова жестокая правда о работе высотников.

Невозможно вечно находиться на крыше мира.

Джеффри вернулся служить в армию, а Нейл – к своему бизнесу. Пальцы у него на ногах так и не обрели чувствительность, зато удалось обойтись без их ампутации. Но, как говорят, Эверест всегда забирает у восходителя хоть что-то в качестве дани, и сам Нейл считает, что ему еще повезло.

А что касается Мика, то он великолепно описал свое пребывание на Эвересте: «За три месяца, что я там провел, я был счастлив, как никогда в жизни, но при этом испытал еще и самый настоящий ужас, который надеюсь никогда больше не испытать».

Ха! Вот вам еще одно признание высотника.

Тенга, мой друг, с которым я провел столько времени в лагере 2, получил от Генри слуховой аппарат и теперь впервые за много лет хорошо слышит.

Несмотря на то что мы и шерпы живем в разном мире, нас с ними связывает самая крепкая связь – дружба, которая зародилась и окрепла на самой неприступной вершине мира.

Однажды альпинист и писатель Юлиус Куги на вопрос, каким должен быть восходитель, ответил так: «Честным, благородным и скромным».

Все наши друзья-шерпы отвечают этим требованиям. Это они помогали мне подняться на гору, и я глубоко им благодарен.

Великий писатель Эвереста Уолт Ансуорт в книге «Эверест: история восхождения» дает живое описание характеров мужчин и женщин, которые все отдали горе.

Думаю, это стоит процитировать:

«Но есть люди, которых особенно привлекает недостижимое.

Обычно это вовсе не профессионалы: просто их амбиции и

фантазии достаточно сильны, чтобы помочь им побороть сомнения, которые одолевают людей более осторожных и рассудительных.

Их самое могучее оружие – решимость и вера.

В лучшем случае таких людей называют эксцентричными, в худшем – ненормальными…

У них есть три общие черты: вера в себя, огромная решимость и выносливость».

Если бы мне пришлось описать то, что произошло со мной с того момента, когда я лежал в больнице, и до восхождения на крышу мира, я бы охарактеризовал этот период как бег с препятствиями.

Не один раз доводилось мне терять силы, уверенность в себе, веру и надежду, но они неизменно возвращались ко мне.

И наконец, если бы мне пришлось вкратце передать приобретенный мною опыт своим сыновьям, я бы сказал: «Удача сопутствует смелым».

Чаще всего.

Глава 101

В аэропорту Лондона меня встречала Шара в моем любимом синем пальто. Она волновалась, как маленькая девочка.

Восторг, который я испытал, увидев ее, не шел ни в какое сравнение со встречей с Эверестом.

Я был худым, лохматым, в дешевых непальских штанах – словом, выглядел ужасно, но был беспредельно счастлив.

Еще в базовом лагере Генри предостерег меня, чтобы я не наделал «глупостей», когда снова увижу Шару. Видите ли, возвратившиеся домой после долгого отсутствия альпинисты совершают эту типичную ошибку – сразу делают своей девушке предложение. Очевидно, высокогорье затмевает человеку разум, предположил он.

Так что я выждал целый год, но все это время твердо знал, что непременно женюсь на этой замечательной девушке.

В тот год мы с ней весело проводили время. Я ежедневно сманивал Шару пораньше уйти с работы в издательстве (правда, долго ее уговаривать не приходилось), и мы отправлялись развлекаться.

Помню, однажды мы катались на роликах в одном из лондонских парков и оказались на дорожке, которая тянулась вниз с большого холма. По мере спуска скорость стремительно возрастала, и в конце дорожки я не успел затормозить и нырнул головой в озеро, прямо в одежде! Шара нашла это очень смешным.

В другой раз, когда я ехал вниз по круто спускавшейся улице с большим движением, у меня отлетел один ролик. (Проклятые ролики!) И я на головокружительной скорости понесся дальше на одном ролике. Это она уже нашла опасным.

Мы пили чай, днем ложились вздремнуть, а потом куда-нибудь ездили в моей «долли» – старой черной машине, которую я приобрел за бесценок.

Из всех моих знакомых девушек одной только Шаре хватало терпения сидеть со мной на автостраде в разбитой машине, дожидаясь, когда «долли» на буксире доставят в гараж для очередного ремонта.

Мы были (и остаемся) влюбленными друг в друга.

Я положил на заднее сиденье деревянную доску и матрас, чтобы спать в машине, а Чарли Маккейзи разрисовал салон смешными карикатурами. (Забавно, но теперь салон стал самой ценной частью почтенной «долли», которая по-прежнему стоит около нашего дома.)

Сейчас в ней любят играть наши мальчики. Шара говорит, что мне нужно избавиться от машины, потому что она все больше ржавеет, но для меня «долли» навсегда связана с первыми годами нашей совместной жизни. Как я могу отправить ее на свалку?

Вообще-то этой весной мы хотим покрасить «долли» во все цвета радуги, оснастить задние сиденья нормальными ремнями и всей семьей отправиться в путешествие. Это будет просто чудо! Должно быть, нам никогда не надоест совершать эти «сумасбродства». Они свели нас, сблизили и до сих пор продолжают нас радовать.

Нужно каждый день искать и находить удовольствие в простых вещах, так сказать, упражняться в непосредственности, иначе ее легко утратить.

Шара в восторге закатывает глаза.

Летом 1999 года мы поехали в отпуск в Испанию, решили навестить мою кузину Пенни, которая владеет конной фермой в Андалузии. Это самая прекрасная и дикая часть страны.

Шара каждый день вставала рано утром и носилась верхом по холмам, поросшим сосновым лесом, или вдоль пустынного океанского побережья. А мне сказали, что я слишком высокого роста для маленьких андалузских пони.

Но меня не запугаешь. Я бегал вместе с Шарой, стараясь не отставать от ее лошадки. (Между прочим, недурная тренировка.)

Наконец, в понедельник утром, когда мы должны были уезжать, я позвал ее на пляж поплавать. Она с радостью согласилась.

Вдоволь наплававшись, мы уже шли к берегу. Я притянул ее к себе и обнял, собираясь попросить ее стать моей женой.

Я набрал в легкие побольше воздуха и только хотел заговорить, как громадная волна подхватила нас и, как кукол, понесла вдоль берега.

Я рассмеялся и приготовился ко второй попытке. Она еще не знала, что ей предстояло услышать.

Наконец я выговорил эти слова. Она мне не поверила. Заставила встать меня (в одних плавках) на колени и снова сделать ей предложение. Потом она засмеялась, расплакалась – и согласилась.

(Забавно, но, когда мы вернулись домой и я попросил Брайана, отца Шары, благословить нас, он тоже заплакал. Хотя на этот раз я был в пиджаке с галстуком и… в пляжных шортах.)

Я так и не понял, от радости он плакал или от отчаяния.

Главное, мы с Шарой стали женихом и невестой.

В тот понедельник мы поехали в Севилью, чтобы

отпраздновать нашу помолвку. Я спросил у кого-то, какой отель в Севилье самый знаменитый. Мне сказали «Альфонсо XIII». Там всегда останавливается король Испании.

Мы вошли в этот отель. Он был великолепен. Шару немного смущал мой наряд – шорты и старый рваный свитер, но я нашел симпатичную на вид служащую и рассказал нашу историю.

– Вы нам не поможете? Признаться, денег у меня маловато.

Она осмотрела нас с ног до головы и улыбнулась.

– Только не говорите управляющему, – шепнула она.

И вот мы за сто американских долларов провели ночь в номере, который стоил целую тысячу, и по-королевски отпраздновали нашу помолвку.

На следующий день мы отправились искать кольцо. Я призвал на помощь все мои познания в испанском языке и спросил у консьержа, где я могу найти хорошего, но не очень дорогого ювелира. Он удивленно посмотрел на меня.

Я повторил свой вопрос, стараясь медленно выговаривать слова. Наконец до меня дошло, что я спрашиваю у него про хороший магазин усов!

Я извинился за свой корявый испанский. Шара засмеялась, по своему обыкновению закатив глаза.

Наконец мы нашли маленькую ювелирную лавку. Шара примеряла кольца, а я каждый раз лихорадочно переводил испанские песо в английские фунты, чтобы понять, хватит ли мне денег.

В итоге мы остановились на одном колечке, простом, очень красивом и приемлемом по цене, пенни в пенни.

Любовь не требует дорогих украшений. А Шара обладает талантом удивительно элегантно носить самые простые вещи.

К счастью для меня.

Глава 102

Вскоре после возвращения из Непала меня попросили прочитать лекцию об экспедиции на Эверест в морском клубе на острове Уайт. За этим приглашением последовали и другие, так что вскоре чтение лекций стало для меня одним из основных источников дохода.

Но, должен признаться, поначалу мои выступления были довольно неудачными. Та, первая, лекция прошла хорошо, главным образом потому, что в числе слушателей было много членов моей семьи. Папа, мама и Лара слушали и плакали, они гордились мною и были счастливы, что я вернулся живым.

Следующую лекцию мне предстояло прочитать солдатам учебного курса САС. Для моральной поддержки я взял с собой одного старого друга. Хьюго Маккензи-Смит до сих пор подшучивает надо мной, рассказывая, как к концу лекции весь зал дружно посапывал во сне. (Спешу добавить, что всю ночь они провели в походе, но все равно это был не самый лучший мой час.) Пришлось будить их, одного за другим.

Я понял, что для того, чтобы зарабатывать на жизнь лекциями, необходимо обучиться ораторскому искусству.

Самой ужасной была лекция, которую я читал для фармацевтической компании в Южной Америке. Они обещали заплатить мне тысячу американских долларов, а перелет за мой счет. В то время для меня эта сумма была целым состоянием, я просто не мог поверить в такую удачу.

Правда, это означало разлуку с Шарой на несколько долгих месяцев.

И вот я стою в конференц-зале отеля в горах Дрекенсберг (Драконовых горах), ожидая появления шестисот работников компании.

Оказалось, что они пять часов ехали поездом, непрерывно поглощая пиво. И когда вышли из вагона, многие спотыкались о свои чемоданы, хохотали и что-то пьяно орали.

Кошмар!

Меня попросили выступить после обеда и говорить минимум час. Хотя я понимал, что час после обеда – это самоубийство. Но организаторы проявили настойчивость, желая все получить за свою тысячу долларов.

После долгого обеда со спиртными напитками слушатели были буквально парализованы. Я сидел за кулисами в полном отчаянии. Милостивый Боже!

В довершение всего, как только я вышел на сцену, погас свет

– где-то произошло замыкание.

«Этого еще не хватало!»

Организаторы нашли свечи, чтобы осветить зал (а это означало, что я не смогу показать слайды), и я начал лекцию. Было уже за полночь.

Да, и еще я обратил внимание, что все слушатели говорили на африкаанс, следовательно, в лучшем случае английский был для них вторым языком.

Разумеется, не успел я и рта открыть, как начался шум.

– Нам не нужна лекция после обеда, – заявил один пьяный, едва не падая с кресла.

«Дружище, мне она тоже не нужна!»

Думаю, в этот час им было не легче, чем мне. Но я упорно продолжал говорить, стараясь заинтересовать их рассказом о восхождении на Эверест. Ведь это была моя единственная работа и единственный способ найти спонсоров для новой экспедиции, которую я надеялся возглавить.

Самый полезный совет дал мне легендарный актер, покойный сэр Джон Миллс, когда мы однажды сидели за кулисами перед совместным выступлением. По его убеждению, главное в публичных выступлениях – это «говорить искренне, коротко и сидя».

Гениальный совет! И с тех пор я полностью изменил манеру моих выступлений – старался говорить коротко, доверительно и правдиво.

Некоторые склонны думать, что на сцене обязательно нужно быть веселым, остроумным и язвительным. Вовсе нет. Достаточно быть просто искренним и правдивым. Если вы сумеете верно передать свои переживания: эмоции, сомнения, борьбу с трудностями, страхи – словом, все, что вы испытывали, то непременно встретите у слушателей живой отклик.

Я читал лекции по всему миру для самых известных деловых корпораций и всегда старался следовать этому правилу. Сделай свой рассказ искренним, наполненным личными переживаниями – и люди будут тебе сопереживать.

Когда я начал выступать с лекциями на серьезных мероприятиях солидных компаний, я почему-то решил, что тоже должен выглядеть более элегантно и говорить более сдержанно и официально. К счастью, я быстро понял свою ошибку. Когда мы притворяемся, слушатели теряют интерес и к нам, и к нашим историям.

Но если ты остаешься самим собой, говоришь от чистого сердца и излагаешь тему просто и доходчиво, то людям безразлично, как ты одет.

Но это требует определенной смелости – стоять перед аудиторией в пять тысяч человек и откровенно рассказывать о серьезной борьбе с неуверенностью в себе. Особенно если ты выступаешь как мотивационный оратор.

Но если ты не притворяешься и не фантазируешь, а честно говоришь, как все происходило, то, по сути, делишься с людьми своим жизненным опытом.

И они уходят, уловив основной смысл истории о моем восхождении, который я и стремился довести и до детей, и до взрослых деловых людей, и до тех, кто мечтает о путешествиях. «Если он смог, то смогу и я».

Вообще-то я такой же, как и все. Уверяю вас. Спросите Шару или Хьюго. Единственное, что, может, меня отличает, – это упорство и настойчивость, твердая воля.

Хотя когда корпорации стали платить мне более высокие гонорары, я начал сомневаться, стою ли я этих денег. Мне это казалось немного странным. Я думал, неужели моя теперешняя лекция в сто раз лучше той, которую я читал в Драконовых горах?

Нет, конечно. Но если твой рассказ пробуждает в людях стремление добиться успеха, стать сильнее и тверже, тогда даже трудно оценить ту выгоду, которую это приносит компаниям.

В противном случае меня не приглашали бы так часто выступать с лекциями, что продолжается и по сей день.

И история восхождения на Эверест, трудности которого сравнимы с проблемами в жизни и в бизнесе, становится поучительной метафорой. Нужно работать заодно с товарищами, работать упорно, не щадя своих сил, и идти далеко вперед. Проявлять заботу друг о друге, быть целеустремленным и если рисковать, то осмотрительно.

Отдавай всего себя достижению своей цели – и ты непременно будешь вознагражден.

Так о чем мы говорим – о бизнесе или о восхождении? Сразу не поймешь, верно?

Вот это я и хотел сказать.

Глава 103

В год перед нашей с Шарой женитьбой мне удалось уговорить владельцев крошечного островка, расположенного в заливе Пул, пустить меня на зиму сторожем в свой дом, за что они не станут брать с меня арендную плату за проживание.

Это была прекрасная сделка. Присматривать за домом, делать мелкий ремонт, колоть дрова и при этом по-королевски жить на прекрасном островке в двадцать акров у южного берега Англии. За несколько месяцев перед этим я прогуливался в окрестностях Лондона вдоль реки и вдруг увидел маленькую рыбацкую лодку с подвесным двигателем мощностью в пятнадцать лошадиных сил. Она была покрыта плесенью и, казалось, доживала последние дни, но я обратил внимание на название, аккуратно написанное на борту.

Она носила имя «Шара». Ну разве не поразительно?! Я не устоял и тут же выложил за нее едва ли не последние восемьсот фунтов.

«Шара» стала моей гордостью и радостью. И только мне удавалось завести ее строптивый двигатель! В основном я ходил на ней на остров и обратно.

Но в середине зимы я совершил на «Шаре» несколько рискованных путешествий. Часто я делал это поздней ночью, когда заканчивал все вечерние дела, а из-за плохой погоды возвращаться на остров было довольно опасно. Холодные волны захлестывали ее, угрожая затопить, и старенький двигатель начинал кашлять и захлебываться.

У меня не было ни навигационных огней, ни непромокаемого плаща, ни спасательного жилета, ни рации, то есть абсолютно никаких средств для спасения.

Это было безответственно – и вместе с тем дьявольски захватывающе.

Я устроил на островке холостяцкий вечер для своих близких друзей – Эдда, Мика, Нейла, Чарли, Найджа (одного из друзей Шары, с которым мы тоже очень подружились), Тракера, Вэтти, Стэна и Хьюго, и вечеринка получилась незабываемая.

Чарли голым забрался на сваю в середине гавани, нас два раза спасали, когда мы свалились в воду, катаясь на водных лыжах, прикрепленных к «Шаре», а поздно вечером мы разожгли огромный костер и при его свете играли в регби.

Должен сказать, что все это время я вел весьма нездоровый образ жизни. Я слишком много ел, курил и пил, что вообще неразумно, и совсем прекратил тренировки.

Как и следовало ожидать, я прибавил в весе и выглядел далеко не самым лучшим образом.

И все потому, что мне хотелось забыть о тренировках и необходимости поддерживать спортивную форму, о вечном напряжении и обо всем в этом роде. Мне хотелось просто жить – независимо и раскованно, без военной службы и без гор.

Все университетские годы, пока мои друзья играли и развлекались, я надрывался на отборных испытаниях в САС и на Эвересте. И теперь мне хотелось полностью оторваться.

Наконец, помню, я дал одно из первых своих интервью для телепередачи и потом с ужасом увидел себя на экране телевизора – боже, каким толстым и бледным я был! Я понял, что если я немедленно не возьмусь за себя и не восстановлю былую форму, то мне уже не совершить ничего серьезного.

А мне не хотелось жить прошлым – рассказывать об Эвересте, выглядя при этом какой-то развалиной.

Чтобы двигаться дальше и использовать все то, что я с риском для жизни создал за последние годы, необходимо было подкреплять свои слова делом. А это означало вернуть свою физическую форму.

Правда, тогдашнее мое состояние убедило меня, что Шара выходит за меня замуж не из-за моего внешнего вида или из-за денег. Ведь я был этаким дряблым толстяком, да к тому же сидел на мели.

А Шара все равно меня любила, благослови ее Господь!

Глава 104

Мы поженились в середине зимы, 15 января 2000 года. Погода была ветреной, хотя сквозь тучи проглядывало яркое солнце.

Отец Шары Брайан, который страдал рассеянным склерозом, отдал мне ее в церкви, сидя в инвалидном кресле.

Брайан плакал. Шара плакала. Впрочем, плакали все.

Из церкви мы отправились к нашим друзьям, хором распевая Hey, Hey, We're the Monkees и I'm Believer[13].

Я был невероятно счастлив. Это оттого, что принял правильное решение.

Потом мы танцевали под аккомпанемент уличных музыкантов-перуанцев, которых привел Тракер, и, усевшись за длинный стол, ели сосиски с картофельным пюре.

Из наших друзей мы были первой и самой молодой супружеской парой, поэтому атмосфера была совершенно непривычной для нас и трогательной. Казалось, все вокруг было пронизано любовью. А Чарли и Тракер заставили всех прослезиться своими напутственными речами.

За несколько месяцев до женитьбы мы с Шарой приобрели себе дом. Ну, точнее, это была баржа, пришвартованная у набережной Темзы в центральном районе Лондона.

Эту баржу приглядел для нас Нейл, и мы пошли посмотреть на нее. Она мне сразу понравилась. Незадолго до этого мы вроде подобрали себе маленькую квартирку-студию в Лондоне, но я не был уверен насчет нее.

Прежде всего, она была мне не по средствам. Правда, папа предложил мне помощь, чтобы я купил ее по ипотеке, если я смогу выплачивать взносы, но мне не хотелось каждый месяц гадать, где взять деньги.

А эта баржа стоила вдвое дешевле и была намного привлекательнее. Когда мы ее осматривали, там было холодно и сыро и почти никакой мебели, и сначала Шара с родителями не решались ее купить.

Но я их уговорил.

– Да вы что? Это же здорово! Мы вместе приведем ее в порядок – тут будет над чем поломать голову! А потом мы сделаем баржу уютной и теплой.

Шара посмотрела на меня, как обычно, слегка наклонив голову.

– Меня немного пугают слова «будет над чем поломать голову». Может, милый, нам лучше подумать о том, как сделать

баржу по-домашнему уютной? – ответила она, все еще немного нервничая.

(Разумеется, пожив на барже некоторое время, Шара полностью изменила к ней отношение и теперь не расстанется с нею ни за какие коврижки! Мне нравится в ней эта черта. Обычно Шару нужно долго убеждать в чем-либо, а потом, когда она сделает это своим, то уж навсегда. Включая меня самого.)

Два месяца мы ремонтировали баржу с помощью нашего друга Роба Грэнхема, необыкновенно изобретательного и трудолюбивого. Он жил на борту и все время возился, помогая нам превратить ее в настоящий дом. Роб преобразовал баржу в полном соответствии с нашими идеями – включая большую ванну, установленную на палубе, и капитанский кабинет в башне! [14]

Мы спустили через разобранную крышу старый диван бабушки Шары и комод и без конца красили и украшали внутренние помещения. Ко дню свадьбы все было закончено.

Супружеская постель была застелена покрывалом, на подушке лежала аккуратно сложенная ночная рубашка Шары, – словом, все было готово к тому, чтобы мы провели на ней нашу первую ночь по возвращении из медового месяца.

Я не мог дождаться этого дня.

На следующий день после свадьбы мы улетели в путешествие на медовый месяц. Дело в том, что, надеясь купить дешевую горящую путевку, я затянул с этим делом и приобрел ее всего за два дня до свадьбы. А это всегда большой риск.

Я сделал вид, что приготовил Шаре сюрприз.

Но, как и следовало ожидать, именно на той неделе выбор горящих путевок был очень скудным. Самое приличное, что мне удалось найти, был дешевый отель на курорте около Канкуна в Мексике.

Было настоящим блаженством быть вдвоем, но отель оказался просто ужасным. Нас поместили в номер в непосредственной близости от канализационного стока, что позволяло нам каждый вечер наслаждаться его изысканным ароматом, сидя у окна и любуясь на… ремонтные мастерские, расположенные напротив нас, на другой стороне переулка.

Поскольку в стоимость путевок ланч не входил, мы стали забирать с собой часть завтрака. Прятали пару булочек в рукав свитера, а йогурт и бананы в сумочку Шары. Затем возвращались, ложились в гамак, читали книжки, целовались и снова обоняли запах нечистот.

Мы вернулись в Англию холодным январским днем. Шара очень устала, но нам обоим не терпелось поскорее подняться на

нашу уютную баржу, обогреваемую центральным отоплением.

Ведь нам предстояло провести первую ночь в собственном доме!

Перед отъездом я попросил сестру Шары Аннабель включить к нашему приезду отопление и закинуть что-нибудь в холодильник. Что она и сделала. Но она не знала, что вскоре после ее ухода бойлер по какой-то причине перестал работать.

Мы с Шарой добрались до набережной Темзы уже в темноте. Было так холодно, что при дыхании изо рта вырывались облачка пара. Я подхватил Шару на руки и поднялся с ней на баржу.

Открыв дверь, мы ошеломленно уставились друг на друга. Вот это да! Мы оказались в огромном холодильнике. И это не преувеличение – зимой старые металлические лодки представляют собой именно холодильник. Ведь они находятся в ледяной воде, и внутри, естественно, царит холод. Мы побрели к бойлерной, которая находилась на носу.

Шара посмотрела на меня, потом на заиндевевший бойлер.

По-моему, она спрашивала себя, не ошиблась ли в выборе мужа и места для дома.

Вот так мы и начали жить. Без денег, без тепла, но счастливые тем, что вместе.

В ту ночь, когда мы лежали, закутавшись во все одеяла, я пообещал Шаре, что буду любить ее и заботиться о ней всю нашу жизнь, которая будет чертовски классной и интересной.

Мы тогда не понимали, но это было только начало.

Часть пятая Начало

Когда мяч летит в твою сторону,
НЕ ТЕРЯЙСЯ,
СРАЗУ его хватай.
НАМ РЕДКО
выпадает ВТОРОЙ шанс.
(Хотя порой это бывает.)
И помни:
ЖИЗНЬ ТАКОВА,
какой ТЫ
ЕЕ СДЕЛАЕШЬ, —
вот почему так важно ОЦЕНИТЬ
ОТКРЫВАЮЩИЕСЯ
перед тобой
ВОЗМОЖНОСТИ.

Моя бабушка Пэтси Фишер

Глава 105

Так началась наша с Шарой совместная жизнь – трудная, но полная любви.

И любовь по-прежнему с нами.

Шару моя работа никогда не смущала, за что я ей очень благодарен. Могу себе представить, каково это, когда жена не дает тебе покоя, требуя, чтобы ты устроился на более высокооплачиваемую или более престижную работу.

А так я всегда сам себя подгоняю, и очень рад тому, что в лице Шары обрел самую верную и жизнерадостную подругу, с которой мне уютно и весело.

К несчастью, в первый же год супружеской жизни каждый из нас потерял своего отца. Для нас, еще совсем молодых супругов, это стало тяжелым горем и серьезным испытанием.

Больше пятнадцати лет Брайан мужественно боролся с рассеянным склерозом, но в конце концов тихо скончался. Он был человеком огромной воли и силы духа.

Когда-то он из Южной Африки приехал в Великобританию всего с одним чемоданчиком и с решимостью добиться успеха. И сумел построить прекрасную жизнь и семью.

Главное, он и его жена Вини подарили мне Шару.

Брайан страдал этой тяжелой болезнью, которая неуклонно разрушала его здоровье.

Сначала она лишила его способности самостоятельно передвигаться и приковала к инвалидному креслу, затем отняла дар речи, а под конец он стал совершенно беспомощным. Но он никогда не терял мужества и упорно сопротивлялся болезни, не желая оказаться лежачим больным.

Такое мужество достойно восхищения и уважения.

Жалею, что я не был с ним знаком, когда он был еще здоровым человеком. Уж мы бы с ним дали жизни!

Шара очень тяжело переживала его смерть. Я ничем не мог ей помочь, только крепко обнимал ее ночью, когда она плакала, давая выход своему горю.

А потом совершенно неожиданно, всего через два с половиной месяца после Брайана, умер и мой отец. Судьба словно издевалась над нами.

Отцу должны были поставить электронный стимулятор сердца, и он попросил меня присутствовать при операции. Я воспользовался медицинским удостоверением, полученным в САС, чтобы мне разрешили наблюдать за работой хирургов.

Однако мне показалось, что-то не так, когда отец крепко

стиснул мою руку и уснул под наркозом.

А через несколько дней после операции он умер. Еще недавно он сидел дома, в кровати. Только что был живым, и вот – умер.

Мой папа!

Мы так и не узнали, что с ним случилось. На тот момент наука еще не могла сказать. Но его не стало.

Казалось, у нас с Шарой почва ускользала из-под ног. Но мы нашли утешение и поддержку друг в друге. Уверен, что этого хотели бы и Брайан, и мой отец.

С тех пор у нас родились три потрясающих сына.

Здорово все устроено в жизни, правда?

На смену старшему поколению приходит новое.

Глава 106

Может, и неудивительно, что трое наших детей все мальчики.

Сейчас Джесси семь лет, Мармадьюку – четыре, а Хаклберри – всего два года. Мы их обожаем, и ничто не сравнится с теми минутами, когда они втроем забираются к нам в постель или когда мы устраиваем пикник на лужайке нашего крохотного островка в Уэллсе, который теперь принадлежит нам.

Мне действительно больше ничего не нужно.

У всех троих настораживающая склонность к приключениям: они вечно лазают по деревьям, строят шалаши в лесу, ловят разных червей и жуков, испытывая прямо-таки волшебную тягу к грязи. Я невероятно горжусь ими.

Они ежедневно напоминают мне, что действительные ценности невозможно приобрести за деньги.

Но еще до рождения сыновей произошло несколько важных событий, которые навсегда изменили нашу жизнь. Некоторым из них предшествовали счастливые случаи – в частности, однажды я несколько часов провел в машине, добираясь до места, где должен был прочитать бесплатную лекцию об Эвересте. И лишь потом узнал, что среди слушателей был младший сын директора Канала 4.

И после лекции этот мальчик заявил своему папе, что я непременно должен буду сделать шоу для этого канала.

Вот это дети!

А однажды меня выбрали из большого числа альпинистов для съемки ролика, рекламирующего дезодорант Sure for Men, и на меня обратили внимание руководители канала «Дискавери». (Интересно, что это произошло всего через несколько дней после кончины папы, и мне это казалось его прощальным даром. Он всю жизнь делал мне вот такие маленькие подарки.)

И вот вопрос: сделал бы я когда-нибудь большое телешоу без этих маленьких прорывов в мир телевидения?

Вряд ли.

Ведь недаром говорят: по зернышку – ворох, по капельке – море.

Но я все время следил за тем, чтобы не стать жадным до денег, не гоняться за «быстрыми деньгами», хотя в первое время такое искушение было.

При нашем финансовом положении трудно было отказаться от больших гонораров за участие в таких телешоу, как, например, «Я – знаменитость», «Вытащите меня отсюда» или «Выживатель», но я все время помнил о конечной цели и старался не

размениваться на мелочи и не отвлекаться на пустяки, а стремился лучше понять свои возможности.

Я инстинктивно избегал телевидения и всей этой шумихи и славы – думаю, отчасти потому, что не считал себя заслуживающим славы и денег. (Со временем я понял, что они редко достаются тем, кто этого заслуживает, а потому не стоит относиться слишком серьезно ни к тому ни к другому. Лучше ценить людей по их личным достоинствам, их образу жизни, по тому, что они дают людям.)

В соответствии с такой установкой я довольно упорно сопротивлялся телевидению – смешно говорить, но я даже отверг три предложения продюсера Роба Макайвера, прежде чем согласился сняться в его пилотном проекте программы «Человек против дикой природы / Прирожденный выживатель: Беар Гриллс».

Каким же я был наивным и глупым!

«Беар, разве ты не слышал слова бабушки: «Когда мяч летит в твою сторону, хватай его. Нам редко дается второй шанс. (Хотя порой это бывает.)»?»

Но я просто не хотел влезать во все эти телешоу, предпочитал больше полагаться на свои сильные стороны, рассчитывать на них.

Папа всегда говорил, что если ты хорошо делаешь свою работу, то деньги сами к тебе придут. Но если ты гоняешься за деньгами, то они станут утекать из твоих рук.

Мне нравилось его высказывание.

Но потом я понял, что вполне могу совмещать участие в телешоу и совершенствование врожденных способностей, и это оказалось решающим.

«Может, мне действительно удастся сниматься в шоу, и при этом не превратиться в известного шоумена с вечной улыбкой?» – размышлял я.

А что скажет бабушка?

«Точно говорю: когда мяч летит в твою сторону, не теряйся, сразу его хватай».

Глава 107

Иногда, в минуты покоя, ужасно интересно оглянуться на все эти безумства и подумать: черт, как же это произошло?

Я имею в виду, что программа «Человек против дикой природы / Прирожденный выживатель: Беар Гриллс» попала в число самых популярных шоу мира – ее смотрят почти 1,2 миллиарда людей в ста восьмидесяти странах. (Я читал, что самые популярные передачи Би-би-си имеют зрительскую аудиторию около 350 миллионов, – это для сравнения.)

Программа была номинирована на премию «Эмми», шла три сезона на Канале 4 в Великобритании и шесть сезонов в США и по всему миру.

Она также стала программой номер один, которая показывается по кабельному телевидению по всей Северной Америке.

Успех этого шоу в США отражает международный успех, оно имеет один из самых высоких рейтингов в Австралии, Новой Зеландии, Индии, Китае, России, Мексике, Бразилии, Аргентине, Италии, Германии, Испании и в других странах.

Это слегка кружит голову.

Правда, мне нравится, что меньше всего я известен именно в Великобритании, – это позволяет мне вести более или менее нормальную жизнь.

Моя семья может спокойно заниматься своими делами, и под окнами нашего дома не торчат репортеры со своими кинокамерами.

А каково нам живется за границей – пусть это останется нашей маленькой семейной тайной.

Именно потому, что программа пользуется всемирной популярностью, порой случаются странные вещи.

Однажды я был в маленькой деревушке, затерянной в джунглях Борнео, и обнаружил, что ребятишки, босиком бегающие из хижины в хижину, прекрасно знают, кто я такой.

Вряд ли они могли видеть меня по телевизору. Дэн, один из наших операторов, говорит, что он невольно улыбается моему блаженному неведению. Но я напоминаю себе, что эта известность – заслуга не моя, а исключительно телевидения.

Я не очень понимаю, почему оно так сильно влияет на людей. Зато прекрасно понимаю, почему шоу «Человек против дикой природы» имеет такой успех. Его успех обязан волшебному трио: удаче, прекрасной команде и нашей готовности к риску.

Это мое магическое трио.

Бесспорно, успех программы напрямую зависит от везения и времени.

Мне часто встречались невероятно успешные и одаренные альпинисты мирового класса, чемпионы в парашютном спорте и гуру по выживанию в буше. Все они гораздо сильнее меня – и, к моей досаде, зачастую намного симпатичнее и более крепкие и мускулистые!

И наверное, они могли бы делать мою работу лучше, чем я. Так почему же это делаю я, а не кто-то другой? Потому что мне повезло.

Мне была дана редкая возможность выразить себя, совершать ошибки, учиться и совершенствоваться.

И чем дольше существовала эта программа, тем больше росла во мне уверенность в том, что я делаю. А это очень важно.

Однако за это время по разным причинам шоу могло и прекратить свое существование – новые директора, новые указания, новые запросы.

Любой из этих моментов мог положить конец съемкам телепрограммы. Но она продолжает сниматься и показывается по телевидению, рейтинг ее растет, и очень быстро выяснилось, что наши фразы и отдельные словечки пошли гулять по свету, – значит, люди смотрят наше шоу, оно их привлекает. На это требуется время, но когда (и если) это происходит, тогда все становится намного проще.

Позвольте мне объяснить.

Любая новая телепрограмма или шоу проходят очень жесткий отбор. Вероятность получить разрешение на съемку пилотной (пробной) серии составляет 1:100. Из двадцати снятых пробных серий, может, лишь одна будет утверждена на показ в течение одного сезона. И лишь одна из десяти показанных зрителю многосерийных программ может быть допущена и на второй сезон.

То есть, чтобы победить в жестокой конкурентной борьбе, нужна удача и самоотверженная, серьезная работа. Но если твоя программа удостоилась приглашения на второй сезон, то, скорее всего, тебе предложат работать и дальше, до пяти или больше сезонов.

Так что нам, безусловно, очень повезло. При этом я не только не просил позволить мне сниматься дальше, но даже не ожидал такого предложения. Дело в том, что я оставался в счастливом неведении относительно всех этих сложностей конкурентной борьбы.

Правда, программе «Человек против дикой природы»

пришлось вынести множество нападок со стороны критики и прессы. Это – неизбежная участь любого успешного начинания. (Любопытно, что похвала быстро забывается, а вот малейшая критика жалит очень больно! Хуже нет, когда тебя начинают одолевать сомнения.)

Программу обвиняли в том, что все эпизоды «поставлены», «сфальсифицированы» и «подтасованы». Один критик даже предположил, что все они снимаются в студии с помощью компьютерной графики. Если бы!

Другое часто звучавшее обвинение состояло в утверждении, что мои советы очень опасны для зрителей. Но шоу и было задумано для того, чтобы научить людей, что делать, как себя вести, если они оказались в сложной ситуации в условиях дикой природы.

Я старался показать, что стал бы делать я сам – исходя из всего, чему я научился, – чтобы уцелеть, не погибнуть.

Так что смотрите на здоровье, и, может, однажды это шоу поможет вам избежать гибели.

Разумеется, опасности подстерегают путешественника далеко не на каждом шагу. Именно поэтому наша команда стремится показать, как я буду справляться с конкретными опасными ситуациями – переправой через бурную реку, подъемом на крутую скалу, встречей с ядовитой змеей, падением в карстовую воронку и все в этом роде. Это и есть шоу, показ.

В перерыве между съемками мы беседуем с местными рейнджерами, аборигенами, поисковиками и спасателями. Эти беседы так же необходимы для подготовки к экспедиции, как сумки со спасательным надувным жилетом, сотовые телефоны, веревки, аптечки, в которых непременно имеются противоядные средства.

Если вы пожелали лицом к лицу столкнуться с дикой природой, нужно серьезно к этому подготовиться. Куда проще было бы забраться, допустим, в джунгли и сделать надежное и предсказуемое шоу о выживании – показать вам, как надо тихо сидеть и ждать спасения. Но оно не имело бы успеха. Если именно это вам и нужно, то к вашим услугам огромное количество дисков о жизни в джунглях.

А меня просто привлекла возможность пуститься во все тяжкие вместе со своими товарищами.

Глава 108

Однажды, когда я слишком долго пробыл вдалеке от дома, я позвонил Шаре и попросил ее приехать в горы, где мы вели съемки.

– Привези мальчишек, милая, я по ним очень соскучился.

Вечером я вместе с командой сел в подъемник, перебрался в вертолет, который отвез нас на базу, и пришел в наш отель.

Шара уже ждала меня. Я провел вечер в кругу семьи и на следующий день снова приступил к съемкам. Поступок, конечно, взбалмошный и не очень разумный.

Но пресса, по своему обыкновению, раздула из этого целую историю, вышла целая статья под насмешливым заголовком. Теперь я понимаю, что мой поступок был не просто безрассудством, а серьезным промахом, позволившим прессе вволю поиздеваться над нашей программой. Но кто не застрахован от ошибок?

А что касается меня лично, то я был невероятно счастлив повидать Шару и сынишек. Так что же для меня важнее – быть героем или отцом?

«Знаешь, Беар, тебе нужно было просто проявить терпение». Верно, но терпение никогда не было моей сильной стороной.

Так что это был еще один случай, который мог погубить наше шоу, но на мою защиту встали Канал 4 и «Дискавери». Они-то знали, как тяжело мне приходится на съемках и какой опасности я ежедневно подвергаюсь.

И лучшим ответом на все упреки является дальнейший успех шоу.

Вторым элементом успеха нашего шоу, безусловно, является наша команда. Да, я не один отправляюсь в экспедиции.

Я работаю вместе с поистине блестящей, маленькой и сплоченной группой из пяти или шести человек. Это настоящие невоспетые герои, остающиеся в тени, за кадром.

Каждый из них самоотверженно исполняет свой профессиональный долг, работая в невероятно сложных условиях, порой стоя по горло в грязной тине. Вместе со мной они бывают в таких гиблых местах, которые просто трудно себе представить.

В основном эти ребята – бывшие спецназовцы и бесстрашные операторы, снимающие экстремальные приключения. Неудивительно, что все эпизоды «за сценой» так популярны, – людям интересно слышать наши разговоры о том, как все происходило, если что-то не ладилось. А это происходит

довольно часто.

Мои товарищи вызывают у меня столь сильное уважение и восхищение, что я готов работать в шоу даже только ради них. Без них я ничто, нуль.

На съемках первого эпизода Саймон Ри сказал мне:

– Беар, ты ничего не играй, просто работай и все время объясняй мне, что и почему ты делаешь. Это выглядит потрясающе. Только ты не забывай говорить.

С этого и началось это шоу.

А отважный Дэнни Кейн подсказал мне «втянуть в рот дождевого червяка и съесть его заживо. Это понравится зрителю, Беар. Можешь мне поверить!».

Отлично придумано.

Продюсеры, директора, офисные служащие и полевая команда – все это мои друзья. Стив Рэнкин, Скотт Танкард, Стив Шерман, Дейв Пирс, Иан Дрей, Ник Паркс, Вуди, Стнэни, Росс, Дункан Гаудин, Роб Ллеуэллин, Пит Ли, Пол Ритц и Дэн Этеридж – не считая множества других, помогающих нам в Великобритании.

Большая команда. И одна общая цель – помогать друг другу в опасных ситуациях, не дать погибнуть, не дать угаснуть энтузиазму.

Да, еще меня часто спрашивают, делится ли со мной едой полевая команда, помогает ли набрать валежника для костра или связать бревна для плота?

А как же? На то мы и команда!

И последний магический элемент нашего успеха – это постоянная готовность к риску всех участников программы.

Идея программы с самого начала заключалась в желании доказать, что человек способен выжить даже в экстремальных условиях. Он может подняться на гору, которая кажется неприступной, и употреблять в пищу то, что представляется несъедобным.

Конечно, бывают и более безопасные и легкие пути спасения – например, при спуске с водопада или со склона горы. Но я редко ими пользуюсь. Это не моя цель. Я хотел показать, как спастись от гибели, когда этих более безопасных вариантов попросту нет.

И мне это ужасно нравилось.

Я уже давно понял, что мне удавалось добиться успеха только в тех случаях, когда я отдавал делу все свои силы и сердце, проявлял упорство и настойчивость, не позволяя себе отвлекаться от цели и расслабляться.

И сразу решил, что все эти качества и будут главными в нашем шоу.

Принцип построения нашей программы очень прост – герой оказывается в трудной ситуации без какого-либо снаряжения и продуктов, и это вызывает у зрителя острый интерес: чем же все закончится?

Готовность к риску и создала это шоу, но я неоднократно оказывался буквально в двух шагах от гибели. За время съемок программы было множество таких случаев, но я не горжусь ими. Хотя записывал, чтоб было что вспомнить.

Потом, когда в списке насчитывалось уже пятьдесят случаев, я бросил это дело.

В свое время я тщательно анализировал каждую из этих опаснейших ситуаций, добавляя полученный опыт в свою копилку знаний.

Шоу по-прежнему состоит из очень рискованных эпизодов, но я научился увереннее преодолевать опасности. Теперь я чаще пользуюсь веревками – без камеры. Тщательно продумываю каждый трюк, чего раньше не делал. Короче, стал осторожнее. Помню, что у меня есть жена и дети.

Я горжусь тем, что учусь на собственном опыте; ведь достаточно ошибиться один только раз.

Глава 109

Еще один элемент успеха шоу «Человек против дикой природы» – его скрытый смысл. Думаю, это самый важный фактор.

Ведь если вдуматься, то вся наша жизнь – это своеобразная борьба за выживание, верно? Порой она длится изо дня в день.

Но для того, чтобы выжить, человеку недостаточно только его природных способностей и удачи.

Настоящие борцы за выживание отличаются мужеством, верой в успех и упорством – эти же качества необходимы и в жизни.

Недавно на улице ко мне подошел мальчик. Он посмотрел мне прямо в глаза и спросил:

– Вы могли бы коротко сказать, что нужно для выживания?

Я задумался, потому что мне хотелось дать достойный ответ.

Затем я вдруг ясно понял, что скажу ему.

– Улыбаться, когда идет дождь, и, если ты идешь сквозь ад, не останавливайся, продолжай бороться.

Мальчик немного подумал.

Затем сказал:

– Там, где я живу, дожди идут очень часто.

Может, однажды он вспомнит мои слова, когда ему это очень понадобится.

И вот прошло уже шесть лет, как снимается наша программа. Я не думал, что нам удастся снять больше шести эпизодов «Человека против дикой природы», не говоря уже про шесть сезонов. Как незаметно летит время!

Еще я просто не представлял себе, сколько на нашей маленькой планете гиблых мест – заброшенных джунглей, зловонных болот, раскаленных пустынь и неприступных, неисследованных горных цепей. Мы забываем об этом.

За истекшее время мы сняли около семидесяти часовых эпизодов, а еще двенадцать эпизодов «Хуже быть не могло» и целую серию о невероятно тяжелых тренировках во французском Иностранном легионе.

В результате родилась целая мини-индустрия.

Я написал одиннадцать книг, в том числе два бестселлера (в основном они писались во время перелетов), мы выпустили игры «Человек против дикой природы» для игровых приставок Xbox, PlayStation и Wii. Мне принадлежит своя линия одежды для путешествий, известная во всем мире, я снимаюсь в рекламных

роликах фирм Rexona, Degree, Sure for Men, Nissan, а также рекламирую пиво Dos Equis и многие другие товары.

Я испытывал огромную гордость, когда в 2005 году королевский флот присвоил мне звание лейтенант-коммандер (как был бы рад мой папа!). Горжусь тем, что благодаря нашим экспедициям в Антарктику, Гималаи и в Арктику мы собрали больше 2,5 миллионов долларов в помощь детям мира.

Мне эта работа представляется необходимой и очень важной. Я не могу без волнения слушать истории этих несчастных больных детей. Как здорово видеть ребенка, спасенного с твоей помощью!

Мы дарим этим детям жизнь и возможность построить свое будущее.

В дополнение ко всему меня назвали тридцатым из самых влиятельных людей в Америке. Это ко многому обязывает. А дома, в Великобритании, как-то утром я прочитал, что меня считают седьмым по отваге британцем и человеком, который – сразу вслед за королевой! – вызывает самое большое восхищение у людей среднего класса. Это уже настораживает!

Все это, конечно, очень лестно и приятно, но они не совсем правы. Спросите у моей жены Шары, такой ли уж я храбрый.

Однако в результате я стал главным скаутом и в настоящее время возглавляю Ассоциацию скаутов, в которую входят двадцать восемь миллионов человек по всему миру.

А это на самом деле страшно интересно и важно.

Глава 110

Мне выпала огромная честь стать самым молодым главным скаутом за всю историю скаутского движения. (И самое приятное – это что ребята сами выдвинули меня на этот пост.)

Идеалы скаутского движения во многом совпадают с моими нравственными ценностями. Это дружба, семья, вера и жажда приключений.

С каждым днем я вижу все больше молодых людей во всех уголках мира, которые полны высоких замыслов и стремлений, но лишены возможности осуществить свои мечты. Скаутское движение дает им эту возможность, в нем они обретают верных товарищей и вместе с ними участвуют в волшебных приключениях.

Мы с ребятами ездим по Великобритании, посещаем самые разные роды войск, беседуем с крупными государственными деятелями. В какой бы стране мы ни оказались, после окончания съемок нашей программы я всегда стараюсь устроить встречу с местными скаутскими организациями.

Одно движение, в которое вовлечена молодежь самых разных народов, исповедующее одни и те же представления о нравственных ценностях. Это поразительно объединяет людей. Попробуйте поговорить с подростками, и вы сами это увидите. Мне нравится с ними общаться.

Каждое лето мы с Шарой устраиваем на нашем островке лагерь для наиболее способных юных скаутов, которых я учу искусству выживания. Мы проводим даже специальные торжественные церемонии для награждения ребят, достигших высокого мастерства в скаутском искусстве; мы отмечаем и новичков, и опытных скаутов.

У каждого из них невероятно трудное и безрадостное прошлое.

На наших торжествах и церемониях непременно присутствует кто-либо из членов королевской семьи. Как и меня, их очень трогают рассказы скаутов о мужестве и надежде – часто вопреки полной безнадежности их положения.

Руководители местных организаций развивают у детей уверенность в себе, целеустремленность, внушают им понятие о жизненных ценностях, приучают к активному образу жизни – словом, прививают им мораль и навыки, которые трудно получить где-либо в другом месте.

Пост главного скаута – источник моей гордости, и я надеюсь, что смогу сделать так, чтобы эти молодые люди прожили свою

жизнь честно и с достоинством.

Правда, чем больше я общаюсь со скаутами, тем больше я убеждаюсь в том, что это они меня вдохновляют, а не наоборот.

Так что со всеми этими делами, включая работу в Ассоциации скаутов, время идет быстро. Порой даже слишком быстро, и мне трудновато за ним поспевать.

Вот почему я бесконечно рад тому, что у нас образовалась такая дружная команда, которая мне очень помогает.

Одна команда базируется в Лондоне, а вторая в Лос-Анджелесе, но и та и другая состоят из людей отчаянно смелых, предприимчивых и профессиональных. Каждая моя идея подвергается их тщательному анализу, в результате чего приобретает осмысленность и четкие очертания. Мы все делаем вместе – молимся, веселимся, стараемся делать то, что считаем нужным людям.

В списке наших приоритетов деньги находятся где-то на последнем месте – может, кому-то это покажется странным, но лично я уверен, что именно поэтому у нас все идет хорошо. Работать ради одних денег скучно и неинтересно, другое дело, когда речь идет об общении с семьей и друзьями.

Я имею в виду Дейла Сигела, Дела, Тодда, Майкла, Колина, Джен, Нору, Джорджа и остальных своих друзей. Боже мой, сколько с ними выпито, съедено суши, сколько миль мы с ними налетали, сколько провели конференций! И главное, все это было так весело!

Сейчас я пытаюсь быть ведущим в этой великолепной группе людей, каждый из которых не только высококвалифицированный профессионал в своей области – операторы экстремальных съемок, дизайнеры одежды, юристы или продюсеры, – но и мои друзья.

Успех любого дела напрямую зависит от наличия в команде предприимчивых и талантливых людей, хороших идей, четкого исполнения и небольшого везения. (Хотя, мне кажется, я всегда изо всех сил старался не упустить подвернувшийся шанс.)

Однако я чувствую себя совершенно независимым, стоящим особняком от известной особы по имени Беар Гриллс. Тот, кого я вижу перед собой в зеркале, с усталыми глазами, со всеми этими шрамами и переломами, – это другой человек.

Я считаю участника телешоу Беара Гриллса только моим созданием и брендом. Команда называет его просто Би Джи.

И вместе с тем этот человек в зеркале – муж Шары, отец наших мальчиков и просто обычный парень, с присущими ему, как и всем, сомнениями в себе и недостатками. К сожалению, их

немало, поверьте мне на слово.

Я открою вам два секрета: порой я так нервничаю, стоя перед большой аудиторией, что у меня начинается нервный тик. Я стыжусь этого и совершенно теряюсь. В этот момент я только и думаю, что о своем тике, и мучительно страдаю от того, что на меня смотрят все эти люди. Это все от страха.

И еще я боюсь высоты. Иногда, когда я поднимаюсь на высокую гору или свисаю на тросе под вертолетом, меня вдруг охватывает невероятный, смертельный ужас. Но этого никто не видит, я скрываю его. И что интересно, это всегда накатывает внезапно: только что я был совершенно спокоен, и вдруг все во мне трепещет от страха.

Без всяких видимых причин – ведь я знаю, что в этот момент мне ничто не грозит.

Но абсолютной уверенности в этом никогда не бывает.

И я боюсь. Как всякий нормальный человек.

Вам стало легче от моей исповеди? Лично мне легче.

Эпилог

На этом я думаю закончить книгу, поскольку в формировании моего характера главную роль играли ранние годы жизни – детство, отбор в САС, знакомство с Шарой, экспедиция на Эверест.

Они же открыли передо мной мир приключений, в которых мне повезло принимать участие.

Среди этих приключений история об экспедиции через Северную Атлантику, которую наш экипаж совершил в обычной лодке с навесным мотором. Экспедиция была организована с помощью благотворительного фонда принца Чарльза, который предоставляет молодым неимущим людям шанс исполнить свою мечту.

Это путешествие едва не закончилось катастрофой, когда на расстоянии пятисот миль от берега мы попали в мощный арктический шторм. Ураганный ветер с градом швырял нашу лодку то вверх, то вниз по гигантским волнам, вся наша электроника и навигационная система отказали, и морской службе пришлось сообщить Шаре, что мы исчезли с экранов радара, очевидно, погибли в центре этого шторма.

Поисково-спасательная команда уже собиралась вылететь на поиск, когда мы, перепуганные, замерзшие, но живые, оказались недалеко от Исландии. И шли буквально на парах бензина. Все три тысячи миль экспедиции были настоящим испытанием холодом и страхом, не говоря уже о том, что в открытой лодке нас постоянно захлестывали волны, и мы вынуждены были работать в мокрой одежде.

Затем у телевидения возникла безумная идея отправить группу в Северную Африку, где она должна была принять участие в тренировках на базе французского Иностранного легиона, известного своими жесткими требованиями. Это было летом в северной части Сахары – пески и изнурительная жара.

За время невероятно трудных, изматывающих военных тренировок из нашей группы в двенадцать человек осталось только четверо. Мы совершали далекие марши, под палящим солнцем ползали по песчаным барханам, целыми днями проводили учебные бои, поднимались на скалы – и все это бегом, бегом! Еще одно страшное испытание, когда тебя целиком закапывают в песок, и ты должен провести в таком состоянии несколько часов. Мы страдали от страшной жажды, от боли в стертых до крови ногах, а на отдых и сон отводились жалкие пара-тройка часов. Мы ели тушеную шкуру верблюда и черствый

хлеб и день за днем, неделю за неделей брели по пустыне, пока не падали под тяжестью рюкзаков, наполненных песком.

Еще мне вместе с командой довелось побывать в самых невероятных уголках мира. В венесуэльских джунглях «Затерянного мира» в поисках утраченного Джимми Энджелом золота. В далекой ледяной пустыне – Антарктике, где мы взбирались на громадные вершины. (Там я упал и сломал себе плечевую кость, но невозможно же покорить все вершины мира!)

Потом мы возвратились в Гималаи, где я со своим другом Джило взлетел на парамоторе на высоту выше Эвереста. И благодаря этой экспедиции нам опять удалось собрать значительные средства для благотворительного фонда Global Angels, который помогает самым нуждающимся в поддержке детям по всему миру. Но сам полет тоже едва не закончился самым роковым образом.

Все специалисты по полетам в холодный сезон почти наверняка предсказывали, что дело закончится очень плохо. Они предупреждали, что на такой высоте и при таком холоде парашюты не раскроются, что мы не сможем справиться с ураганным ветром, не сможем взлететь, разобьемся при приземлении. Сомневались, предназначен ли мотор, рассчитанный на вес одного человека, для полетов на такой высоте.

Но даже если мощности мотора было достаточно, то мы наверняка не сможем поднять на себе параплан на гору. Но нам все удалось. Джило изобрел и сконструировал самые мощные для параплана двигатели с автоматическим вбрызгивателем топлива, и благодаря Господу мы взлетели с этими монстрами на спине.

Немного везения с погодой, небольшой судорожный полет – и мы опровергли все доводы скептиков. Даже без труда приземлились у подножия Эвереста точно на ноги.

Недавно мне довелось возглавить первую экспедицию через трудный северо-западный проход в Арктике на надувной лодке – во время этого плавания я познакомился с самыми дикими и пустынными ландшафтами, какие только мне приходилось видеть, с гигантскими волнами в море Бофорт и лежащих за ним водных просторов. Случись что – и уже не спастись.

Да! Совершенно случайно на одном из крошечных неизвестных островков, окруженных расколотым паковым льдом, мы обнаружили могилы, один человеческий череп и множество костей. Возможно, эти находки объясняют, что произошло с обреченными членами экспедиции капитана Джона Франклина, который погиб медленной смертью от холода и голода во льдах во время попытки открыть северо-западный проход из Атлантики

в Тихий океан.

Вот такие мы пережили приключения.

Не говорю уже о множестве опаснейших ситуаций, о чем я до сих пор вспоминаю с ужасом. Но, думаю, вся жизнь проходит в учении, а самый лучший учитель – это опыт.

Мы придумали и претворили в жизнь еще несколько сумасбродных идей. Так, мы обошли на гидроциклах вокруг Британских островов, чтобы собрать деньги для Королевского национального института спасения на водах. Как крошечные муравьи, мы ползали по диким морским просторам вокруг Шотландии и Ирландии. (Именно тогда моя грудная клетка обзавелась мощной мускулатурой, которой я могу похвастаться даже сегодня!)

Или, например, устроили званый обед на огромной высоте, куда нас поднял аэростат с теплым воздухом, – это была благотворительная акция в поддержку премии принца Эдинбургского для студентов.

Признаться, и здесь мы натерпелись страху, когда нужно было спуститься на веревке к маленькому металлическому столику, подвешенному в пятидесяти футах под корзиной аэростата при температуре минус сорок градусов, на высоте примерно в двадцать пять тысяч футов над территорией Великобритании.

Облаченные в полную морскую форму, как того требуют условия мирового рекорда Книги Гиннесса, мы дышали при помощи маленького баллона с кислородом, и при этом должны были съесть три блюда и произнести тост за здоровье королевы. В предрассветном сумраке стратосферы мы едва не опрокинули этот маленький столик. Всем, конечно, было очень холодно, но мы все-таки исполнили задуманное и на парашютах спустились на землю, а следом за нами стремительно летели вниз посуда, помидоры, утка и апельсины.

Или тот случай, когда мы с Чарли Маккейси нагишом уселись в ванну и, с трудом ворочая веслами, шли по Темзе, чтобы собрать денег на протезы для ног одному нашему другу. Список можно продолжать, и я горд тем, что он еще не закончен. Но подробно я расскажу об этих историях в другом месте и в другое время.

В них есть все: от трагического до смешного, от опасностей до досадных недоразумений. Но в этой книге я стремился рассказать о том, что закалило и сформировало меня: о детских проказах и увлечениях, о вроде бы незначительных случаях, пробудивших во мне жажду приключений.

Мне приходится постоянно искать способ примириться с

известностью и прессой, совмещать врожденное стремление к опасной работе и наслаждаться тем, что имею прекрасную семью, жену и сынишек.

Обе эти проблемы так и остаются неразрешенными.

Я допускал множество ошибок, терпел поражения, переносил утраты – их было слишком много, чтобы перечислять. Но все время меня не покидало ощущение чьей-то сильной поддержки.

Не поймите меня превратно – во всем, что происходит, огромную роль играет везение, не проходит и дня, чтобы я не помнил об этом.

Сознание сильной поддержки привело меня к убеждению – вопреки представлениям большинства нашего общества, – что нужно жить как можно скромнее, но щедро помогать тем, кто нуждается в поддержке.

Простые вещи, но мы с Шарой стараемся жить согласно этим принципам. И я первый готов признать, что мы часто заблуждаемся.

Жизнь продолжает изобиловать приключениями, и чем дальше, их все больше.

Я по-прежнему редко бываю дома. (Хотя не так редко, как думают.) И если уж я приезжаю домой, то отказываюсь от всяких встреч и интервью. Это так утомляет и надоедает!

Мне пришлось четко определить свои цели: не погибнуть, поскорее возвращаться домой и постараться, чтобы домашним и друзьям было весело и интересно, а остальное – так, мелочи жизни.

Я по-прежнему часто рискую жизнью, а надеяться, что тебе вечно будет везти, нельзя. Будь благодарен судьбе за удачное спасение, но не слишком на нее полагайся.

Но никуда не денешься – во время съемок или экспедиций опасность всегда ходит рядом.

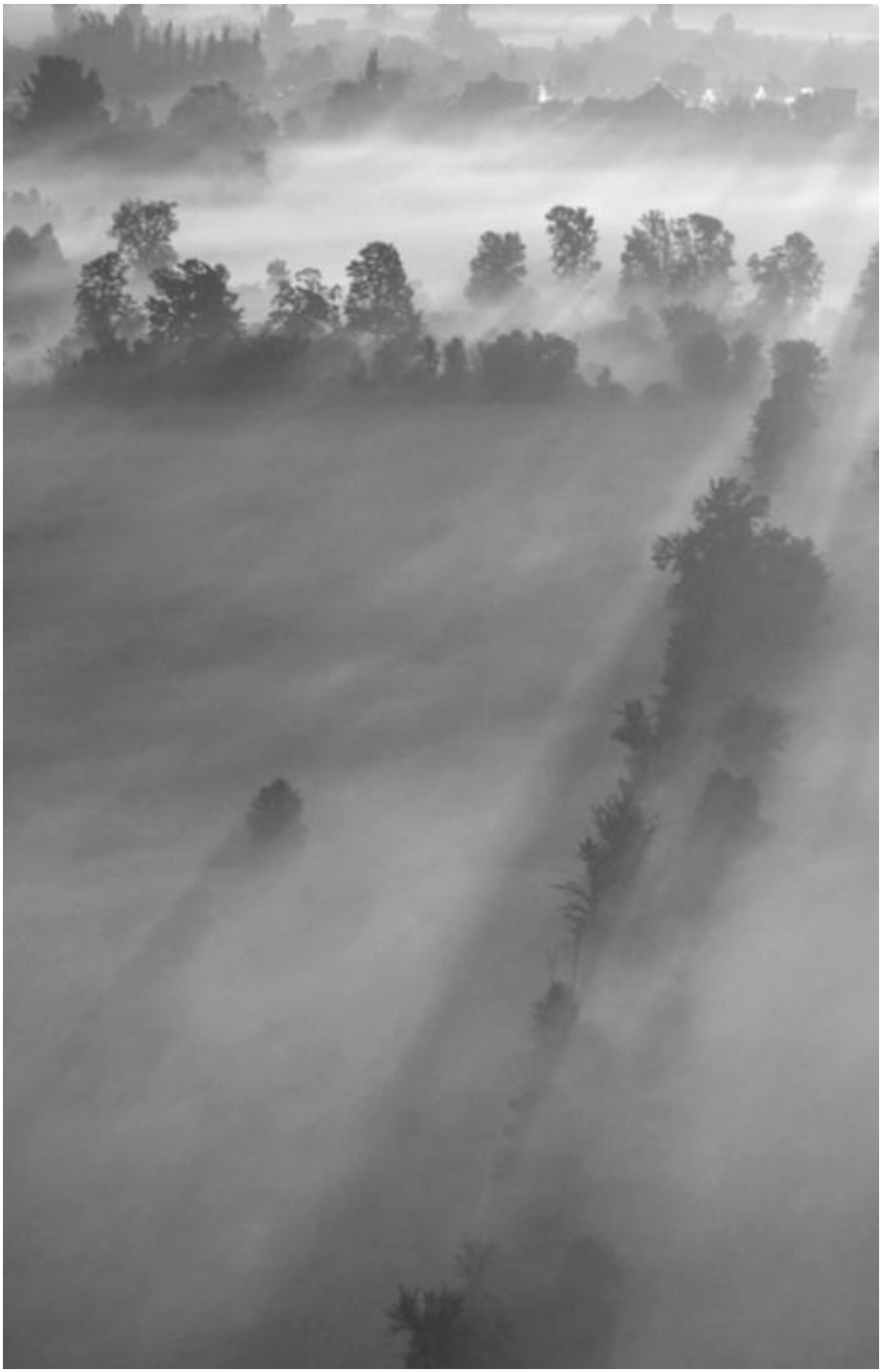
Только за последние месяцы мне довелось пережить несколько страшных моментов. Я едва не утонул в бушующем водовороте на речных порогах; перенес укус разъяренной змеи в джунглях; каким-то чудом уцелел во время камнепада с высокой горы; чуть не угодил в пасть огромному крокодилу в австралийских болотах; на высоте в пять тысяч футов над Арктикой вынужден был отрезать главный парашют и спускаться на запасном.

Когда и каким образом все это безумие стало частью моей жизни?! Такое впечатление, что это произошло совершенно незаметно, почти случайно. Только не подумайте, что мне это не нравится. Однако теперь мне остается только продолжать такую жизнь, полную опасностей и счастья.

Каждый день – это благословенный дар, который я никогда не воспринимал как нечто заслуженное мною, а лишь как величайшее снисхождение.

Да, а как насчет шрамов, переломов, поврежденного позвоночника и боли в ногах и руках?

Их я считаю лишь легким напоминанием о том, что жизнь – бесценный дар и что, возможно, я не так уж неуязвим, как мне хотелось бы думать.



notes

Примечания

1

Перл Бак (1892–1973) – американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе.

2

Книга английского писателя-моралиста и пропагандиста самовоспитания Самуэля Смайлса (1816–1903) Self-Help была издана в России в 1866 г. под названием «Самодеятельность».

3

Фут – единица измерения расстояния, равна 30,48 см.

4

Военный крест – военная награда третьего уровня в Британской армии.

5

Бен-Невис – самая высокая вершина о-ва Великобритания, высота 1343 м. Расположена в Грампианских горах (Шотландское нагорье).

Second hand – букв.: вторые руки (*англ.*).

7

Компания Inter Rail была создана в 1972 г. для молодых людей до 21 года, чтобы они могли, путешествуя по железной дороге вторым классом, в течение одного месяца посетить 21 страну. Фундаментальная концепция интеррейлинга: максимальная продолжительность путешествия и максимальное количество стран за самую низкую цену.

8

В английской школе приняты оценки A, B, C, D, F (по первым буквам латинского алфавита), причем для исчисления среднего балла буквы конвертируются в цифры, соответственно, 4, 3, 2, 1, 0.

9

Кемпер – автофургон, оборудованный кухней, спальными местами, туалетом.

10

Белая мгла (*воен.*) – потеря линии горизонта в условиях заснеженной местности и облачности.

11

Ричард Чарльз Николас *Брэнсон* (род. в 1950 г.) – британский предприниматель, основатель корпорации «Вирджин», которая включает в себя около 350 филиалов: магазины по продаже музыкальных дисков, авиа– и железнодорожную компании, радиостанцию, издательство и гоночную команду.

12

Через несколько лет мы с Шарой крестили троих наших сыновей этой снежной водой с вершины Эвереста. Знаковые моменты.

«Эй, эй, мы обезьяны» и «Я верую» (*англ.*).

14

Роб страдал нарколепсией (заболеванием, основным признаком которого являются приступы непреодолимой сонливости. – *Пер.*) и, к нашему огромному сожалению, в 2010 г. умер от сердечного приступа. Сейчас он живет в раю, он был настоящим героем и нашим преданнейшим другом.